

ISS N0130 36.00

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 3

საქართველოს
ლიტერატურა

1982

10.335/3
1982

80

«ДОРОГИЕ СОВЕТСКИЕ ЖЕНЩИНЫ!

**СЕРДЕЧНОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ СПАСИБО
ВАМ ЗА ВДОХНОВЕННЫЙ ТРУД, НЕУТОМИМУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА БЛАГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РОДИНЫ!**

**ОТ ВСЕЙ ДУШИ ЖЕЛАЕМ ВАМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ,
БЛАГОПОЛУЧИЯ, НОВЫХ УСПЕХОВ В ТРУДЕ,
УЧЕБЕ, ТВОРЧЕСТВЕ! БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ
ВАМ И ВАШИМ СЕМЬЯМ!**

ЧЕСТЬ И СЛАВА СОВЕТСКИМ ЖЕНЩИНАМ!»

[Из приветствия ЦК КПСС советским женщинам].

10335/3
1982

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

АННА КАЛАНДАДЗЕ. В летящей мазурке. Перевод Сергея Алиханова	3
МЕДЕЯ КАХИДЗЕ. Ведь возможно. Пе- ревод Теймура Мамедова	3
МАКВАЛА МРЕВЛИШВИЛИ. В путь-до- рогу. Перевод Галины Павлов- ской	4
НАТАЛИЯ ЧХЕИДЗЕ. Мавританский танец.	5
ЛИДИЯ КОГОШВИЛИ. Тетнульд	6
КАМИЛЛА КОРИНТЭЛИ. Стихи	7
ЭТЕРИ САМХАРАДЗЕ - ДЖГАМАДЗЕ. Родине. Перевод Юрия Анохина	8
АЛЛА БЕРИДЗЕ. Стихи.	9
ДАЛИЛА БЕДИАНИДЗЕ. Стихи. Перевод Любови Воропаевой	10
ЛАЛИ ТОТАДЗЕ. Не заставляйте меня тан- цевать. Перевод Вячеслава Арте- мова	11
МАКВАЛА ГОНАШВИЛИ. Отчуждение. Перевод Галины Павловской	11
МАНАНА ЧИТИШВИЛИ. Айва. Перевод Сергея Алиханова	12

121.956

3

1982

8. 2058105-6. 6. 6. 6.
1982

Верить, избежишь все ж тленья.
Ведь возможно,
Жизнь прсжив без долга,
Должником быть с самого рожденья.
Если хочешь в тайну мирозданья
Ты проникнуть... в суть вещей, явлений,
Сбрось очки, что нацепило Знание —
Все гораздо проще... и сложнее!

Перевод Теймура МАМЕДОВА

Маквала МРЕВЛИШВИЛИ

В ПУТЬ-ДОРОГУ

В Тбилиси вновь дожди. Их шумные потоки
С весенней щедростью струятся по садам,
И теплый запах трав из родины далекой
Доносится сюда, к студеным берегам.
Отчизна, я хочу дышать морской волною!
Гнездо мое! Хоть раз в полет меняпусти!
Нет! Горы, цепи гор надвинулись стеною,
Сомкнулись предо мной и встали на пути.
Я детской радости своей сдержать не в силах.
В путь! Но к ярму семьи я сердцем приросла.
В упряжке из кудрей моих дочурок милых
Останусь я навек, куда бы ни ушла.
Клочок родной земли! Меня с тобой связала
Живая, чуткая, нервущаяся нить.
О Грузия, ты — слиток солнца и фиалок, —
Могу ли я тебя покинуть и забыть!
Как добрый молодец, весь мир объять желая,
Метнула я стрелу в простор чужой страны.
Летит стрела мечты, а я, не отставая,
Иду за ней — ищу Жар-птицу новизны.
А ты, мой дорогой, звездою путеводной
Повсюду озаряй мой одинокий путь,
Не дай крутым валам пучины многоводной
Меня, соломинку, сломать и захлестнуть.
На твой немой вопрос я не нашла ответа

И твой ревнивый взгляд не вынесла — прости!
 Но знай: твоим огнем, которым я согрета,
 Согрет и каждый шаг далекого пути.
 ...Мтацминда голубем взлетит передо мною,
 Душа расширится от счастья и тепла,
 Иссякнет пыл мечты, захочется покоя —
 И я вернусь к тебе такой же, как была.

Перевод Галины ПАВЛОВСКОЙ

Наталия ЧХЕИДЗЕ

МАВРИТАНСКИЙ ТАНЕЦ

ИЗ ЦИКЛА «ТАНЕЦ ВАХТАНГА ЧАБУКИАНИ»

...Нет, счастье не дыханье ветерка,
 А вихрь, на клочья рвущий облака,
 Утесы низвергающий с обрыва.
 И человек, преодолевший рок,
 Уже не будет хмур и одинок —
 Ведь счастье — жизнь, раскованность
 порыва.

Иоганнес Бехер. «Шекспир».

Где счастье нестерпимей муки,
 Там пред улыбкой тает мгла,
 И к небу вскинутые руки —
 Как два трепещущих крыла.
 И несказанная улыбка
 Вдруг захлестнула душу нам,
 Когда движений трепет зыбкий
 Пролился лавой по рядам.
 О, полно, только ль Дездемоны
 Ты ослеплен сияньем глаз,
 Или коленопреклоненный
 Объемлешь мир, создавший нас,
 Ей на алтарь несешь любовь,
 Благоговейный трепет ласки
 Иль мавританок в томной пляске
 Боготворишь родную кровь?
 Пируйте, дочери Востока,

В лучах улыбки, жгучей, той,
Чьей голубиной чистотой
Пред вами властно и широко
Распахнут мир. Сзывайте братьев
На пляску счастья — в этот миг
Вам человечества объятья
Раскрыл любви немой язык.

Лидия КОГОШВИЛИ

ТЕТНУЛЬД

Был воздух лучезарен и певуч,
а он стоял в нагроможденье туч,
в оковах аметистовых из льда,
на вздыбленных графитовых грядках.
Скользили в дымке очертанья круч,
но он себя не обнажал из туч...
У ног разлегся глетчер Лардаат
надменным сфинксом... На него глядят
сыны Эль-Касро — из страны легенд
и злых самумов... Уж разобран тент
конца скитаний, но арабы ждут,
когда из туч появится Тетнульд, —
в рассказах юности прославленная высь...
Тетнульд, откройся им, во всей красе явись!
Прообразом ты был их пирамид,
радушный сван, гостей своих прими,
открой лицо, они вот-вот уйдут!

. . . . .

И в полный рост над ними встал Тетнульд
волшебной пирамидой хрусталя,
где в строгих гранях замерла заря,
где в фирн выросли соцветья синих звезд...
Тетнульд был так величествен и прост,
что восхищенье отреклось от слов,
и сердце дивным оттиском прожгло
виденье в небо вскинутых громад
державы льда в туманах и громах...

. . . . .

Тетнульд сиял мгновенье и угас...

Так истина бежит от ненасытных глаз,
скрывая от людей свой светлый лик,
чтоб век ее искать и находить на миг.
Так совершенство прячется под тень,
чтоб вновь душа тянулась к красоте,
чтоб вечно вел порыв к пределу гор
и чтоб восторг был юн, и чист, и горд...

.....
Был воздух лучезарен и певуч.
Тетнульд стоял в нагроможденье туч...

Камилла КОРИНТЭЛИ

* * *

Солнце уходит не сразу.
Красный пылающий шар
Неудержимо,
Словно влекомый
собственной тяжестью,
Близится, близится к странной линии —
Грани воздуха
и воды.

И —
Вот оно, первое прикосновение!
И новой формы рождение:
Шар подсечен.
Шара уж нет.
Возникает
Диковинной вазы форма.
А по синей глади
Золото льется!
Расплавленное золото.
Неудержимо
И так стремительно
Солнце
уходит

за море.

Нет! — проливается в море.
И вот уж осталась
Одна лишь точка от красного шара.

Идущий в грядущее смело.
Тебе — моих песен крылатый полет,
Отчизна моя, Сакартвело!
С народом своим я готова всегда
На труд и на ратное дело.
С тобой не страшна мне любая беда,
Отчизна моя, Сакартвело!
Так вечной весною цвети, расцветай!
Я любящим сердцем воспела
Тебя, мой любимый, мой солнечный край,
Отчизна моя, Сакартвело!

Перевод Юрия АНОХИНА

Алла БЕРИДЗЕ

* * *

И снова тянешься к земле обетованной.
Не быть бы в ней негаданной-нежданной.
Иначе лучше б там обетовать,
Где, может, бог даст перебедровать.
Земле обетованной бью челом.
Здесь бабушкина скромная могила
Средь капищ мраморных,
С которою роднила
Томительная память о былом.
Букашка малая, я подлинно ползла,
Вцепившись в руку бабушкину крепко.
И упрощалась сказка: я и репка.
И не было еще Добра и Зла.
Вот только Чавчавадзевский подъем...
Я плакала и на руки просилась.
А тяжесть-то!

Но чаду все простилось.
Неистошим прощения объем.
Какой глубокий чистый водоем.
Соитье душ по воле мановенья.
Не ангелы ли в день поминовенья
Нас оставляют с бабушкой вдвоем.
Для трезвых — мистика. Но что их точка зренья!
Нет, я не опускаюсь до презренья.

Я просто облакаюсь в благодать.
Так не о ней ли думать и гадать.
Едва успев отчизне поклониться,
Уж чувствую ее немолчный пульс.
И это тоже несомненный плюс
В решении сюда переселиться.
А колебанья линии прибора
Зависят — что же! — и от волн иных,
Которые... Но, может быть, и в них
Таится поле, где пожну любовь я.

Далила БЕДИАНИДЗЕ

* * *

Я с тремя руками и с тремя глазами
По земле двуглазых и двуруких
Прохожу безрукая, слепая.
То, что строю я двумя руками,
Разрушаю тут же я рукою третьей.
То, что строю я рукою третьей,
Две руки мгновенно разрушают.
Коль смотрю вперед я двумя глазами,
Третий глаз нарочно остается в прошлом.
А когда гляжу своим третьим глазом,
То назад два глаза неизбежно смотрят.
И с собой покончить я двумя руками
Не смогу — из смерти меня вынет третья.
Отчего, создатель, ты меня так щедро
Наделил руками, наделил глазами?
Мне б тебя коснуться вдруг рукою третьей
Иль тебя увидеть своим третьим глазом...
...Но с тремя руками и с тремя глазами
По земле двуруких и двуглазых
Прохожу безрукая, слепая.

Перевод Любови ВОРОПАЕВОЙ

НЕ ЗАСТАВЛЯЙТЕ МЕНЯ ТАНЦЕВАТЬ

Оставьте меня, вас убьет моя музыка!..
Губы мои горячи и сухи,
Нет, не для вас своим горлом измученным.
Ночь напролет я читала стихи.
Я не могу танцевать, не просите,
Это не танец, когда — на огне!..
И не под стертую вашу пластинку
Я так легко танцевала во сне.
Ласковый бог мой с бронзовой кожей,
Темное солнце вошло в твою кровь,
Я, как и ты, на других непохожа:
Ненависть — слишком, и слишком — любовь!
Не отрекись от мечты своей грешной
(Пусть я во сне танцевала, но — с ним!..
И потому я глядела с усмешкой
На то, что зовете вы танцем своим.
К слабым и робким не знала я жалости,
Как ожидала его я! И вот —
Уставший от вас, он ко мне приближается,
Сейчас он меня танцевать позовет...
Оставьте меня, вас убьет моя музыка,
Губы мои горячи и сухи...
Лишь для него своим горлом измученным
Ночь напролет я читала стихи.

Перевод Вячеслава АРТЕМОВА.

Маквала ГОНАШВИЛИ

ОТЧУЖДЕНИЕ

Ты пригвоздил меня к земле, и мне осталось
Лишь примириться со своей судьбой.
Врата небес закрылись... Но казалось,
Но почему мне все-таки казалось,
Что я могу быть счастлива с тобой?!

საქართველოს
ხალხთა რესპუბლიკის
ხალხთა ბიბლიოთეკა

Ты мне не веришь! Не смотри сердито,
Смешно ревнуня из-за пустяков!
Пойми, что я во власти звучных слов,
Что я — дочь неба! Вместо звезд покрыто
Мое лицо веснушками стихов;
Под утро я отдам реке безмолвной
Отчаянность моих тревог ночных,
И унесут медлительные волны
И боль мою, и неземные сны.
Не называй изменой отчужденье!
Мне жжет глаза, мне застилает свет
Горчайший дым метафор и сравнений,
Избитых рифм... Я слепну, я в смятенье, —
Потерян в небе мой недавний след!
Оставь меня! Я буду вновь одна,
Одна, как мысль, одна, как тишина, —
Иного счастья, право, мне не надо.
А роль рабыни чересчур трудна,
Хоть есть и в ней какая-то отрада...

Перевод Галины ПАВЛОВСКОЙ

Манана ЧИТИШВИЛИ

АЙВА

В конце виноградника
на искривленных ветвях,
Под солнцем огромным
в самом эпицентре жары,
Подобные грудям тугим
таитянок Гогена,
Повисли
две желтые,
две золотые айвы.

Перевод Сергея АЛИХАНОВА

ОДНАЖДЫ В ГОСПИТАЛЕ

НЕВЫДУМАННЫЙ РАССКАЗ

МЕДСЕСТРА осторожно приоткрыла дверь в палату, заглянула... «Кажется, спит!..»

С порога ей была видна глубоко ушедшая в подушку темноволосая стриженная голова с тонким юношеским профилем и совсем девичьи длинные ресницы, отбрасывавшие тень на впалые щеки.

Неверный свет уличного фонаря, колеблемого ветром, вливался в сводчатое окно, раскачивал бесформенные тени на стенах. От этого казалось — и ресницы у спящего шевелятся, трепещут, вот-вот вскинутся, как крылья мотылька.

«Не разбудить бы... Едва уснул, бедняга!» — подумала сестра и хотела было так же тихо притворить за собой дверь, но больной услышал шорох, шевельнулся на постели:

— Сестра!.. — позвал он слабым голосом.

Она поспешно подошла, наклонилась к его изголовью, коснулась рукой пылающего лба. Не поворачивая головы, он скосил на нее глаза, широко распахнутые, воспаленные:

— Пи-ить!.. — прошептал едва внятно.

И снова поразил ее этот взгляд — строгий, сумрачный, с затаенной в глубине тоской. Такие глаза, вернее, очи, рисовали когда-то на ликах святых, на древних иконах — «глаза не от мира сего».

Привычным мягким движением сестра подвела руку под шею больного, приподняла ему голову, поднесла чашку с водой к запекшимся губам. Он жадно глотнул, поморщился, бессильно откинулся на подушку. Глаза его все смотрели на нее неотступно, тревожно...

Библиотека
№ 212 000 000 000 000
расту

— Тебе еще чего-нибудь надо, дружок?

Он медленно перевел взгляд на потолок, покойно метались длинные тени голых сучьев щего под окном тополя.

— Страшно одному... сестра, — донесся до нее неясный шепот.

Сердце женщины дрогнуло щемящей болью: «Горе твоей несчастной матери, сынок! Что ты пережил в этом пекле адовом?..»

— Я посижу около тебя, — отозвалась она ласково, — а ты спи. Уже ночь, надо спать. — Бесшумно придвинула стул, присела возле койки.

Где-то в глубине коридора настенные часы гулко, с натугой пробили двенадцать. В госпитале стояла душная, гнетущая, беспокойная тишина, какая бывает в тесном помещении, где собрано вместе много усталых, измученных людей: тишина, изредка прерываемая тихим стоном, внезапным выкриком, неясным бормотанием во сне.

— Спи, родной!.. Закрой глаза... все спят... и ты спи!.. — тихо приговаривала сестра, словно убаюкивая больное дитя.

Юноша послушно закрыл глаза, прерывисто вздохнул, затих. Мохнатые ресницы траурной каемкой легли на прозрачные щеки.

На дворе стояла поздняя осень. Ноябрьский ветер обрывал последнюю пожухлую листву с деревьев, сметал ее в кучи, кружил и гнал вместе с песком по сонным улицам сангородка, с ожесточением набрасывался на темные окна барачков, хлопал забытой ставней, надсадно завывал в телеграфных проводах.

Больного перевезли в этот госпиталь, в глубокий тыл, с эшелонем раненых с далеко продвинувшегося на запад фронта. Старшая медсестра, оформлявшая прибывших, невольно обратила внимание на этого больного: он выглядел очень молодым, надломленным и беззащитным. Запомнились ей его глаза — сумрачные, тревожные, слишком серьезные на нежном, очень юном лице.

Дежурный врач, принимавший раненых, внимательно осмотрел больного, нахмурился и шепнул сестре:

— Немедленно на стол. Какой идиот отсылал его в такую даль?!

Оперировал больного сам начальник госпиталя, полковник медицинской службы профессор Полянский. Операция длилась всего сорок минут. Профессор вышел в ординаторскую пасмурный, тяжело опустился на клеенчатую кушетку, спросил у старшей сестры фамилию больного, откуда он.

— Дробышев Юрий Алексеевич, девятнадцать лет, сержант-десантник. Доставлен 2-го ноября 1943 года.— Ей не нужно было заглядывать в списки, она помнила его данные наизусть.

— М-да-а!.. — промычал профессор удрученно. — Если б только ранение... — и, помолчав, добавил: — Поместите его в отдельную палату.

Это не предвещало ничего утешительного. Обычно в госпитале так отделяли самых тяжелых больных, чтобы не травмировать остальных.

Сестра часто заглядывала в эту палату, не только в дни своего дежурства. Одинокая, никогда не знавшая семейного тепла, пожилая женщина, всегда очень сердечно, внимательно относившаяся к больным, на этот раз прониклась какой-то особенной материнской нежностью к этому юноше, казавшемуся таким одиноким, потерянным. Она безуспешно пыталась разговорить его— он отчужденно, угрюмо молчал.

...Эта ночь длилась нескончаемо. После тяжелого, перегруженного заботами дня сестра зашла в палату к больному, поглядела на него спящего, присела на минутку подле его койки и вдруг задремала, усталая, на стуле, в неудобной позе, упершись локтями в колени и уронив голову на руки. Даже во сне ее преследовали запах и цвет крови. Ей снилось, будто идет она по степи, густо усеянной ярко-красными маками. До самого горизонта вся степь пылает багровым пламенем. Цветы тянутся к ней со всех сторон, раскрывая навстречу алые чашечки с траурным донышком, а она все идет... с трудом продирается сквозь их заросли, ломает, топчет, слышит, как хрустят у нее под ногами тонкие стебли, брызжет из лепестков красный сок...

— Сестра!.. Сестра!.. — услышала она сквозь дрему голос больного. Встрепенулась. Увидела его широко открытые тревожные глаза.

— Ну, что ты не спишь? Может быть, сделать укол?

— Вот что, сестра, — заговорил вдруг больным, ропливым горячим шепотом, сиясь приподняв на постели, — я пойду...

— Куда ты пойдешь? Нельзя тебе вставать.

— К главврачу... пойду. Мне нужно. Пожалуйста, сестра!

— Сейчас ночь. Его нет в больнице. Скажи мне, я сделаю что нужно.

— Моя полевая сумка... Пусть мне ее отдадут.

— Бог с тобой, зачем тебе сейчас сумка? Поправись, тогда и возьмешь. Не бойся, никуда твоя сумка не денется, цела будет.

— Нет. Мне надо скорей... успеть написать...

— Кому ты хочешь писать?

— Ну, мне надо... Я знаю кому! — Он упрямо замотал головой, и губы его задрожали.

— Хорошо, хорошо, — поспешила его успокоить сестра, — завтра напишем. Ты мне скажешь, что писать, я напишу.

— Не-ет, я сам.

— Ну, куда уж сам! Тебе нельзя...

— О-о-о, не мучайте меня!.. — вырвалось у него с раздражением, в голосе слышались слезы. — Вы не знаете... Я должен сам!

— Ну ладно уж, напишешь сам. Только успокойся, пожалуйста; ложись.

Она заботливо поправила ему сбившуюся на сторону подушку, подоткнула под спину одеяло, легонько погладила колючую, ежиком, голову: — Ну, чего ты расстраиваешься? Я же сказала, завтра все сделаем. Доложу профессору. Он разрешит. И ты напишешь. А теперь спи. Постарайся уснуть. Скоро утро.

Больной по-детски горестно всхлипнул и, стыдясь свих слез, повернулся лицом к стене.

На улице погасили фонарь. В палате сразу сгустился полумрак. Светлым пятном обозначился проем окна. На дворе занимался серый беззвучный, осенний рассвет.

...Каждый день, после врачебного обхода, сестра приподнимала больного на постели, подкладывала ему подушки под спину, ставила перед ним самодельную

дил куда-то, в свой тайный внутренний мир, далекий от жестокой действительности. Думал ли он выжить? Или дейлся еще выкарабкаться? Или понял, что это конец, и смирился. Но чем-то он все-таки жил. Какая-то затаенная мысль владела его душой, поддерживала, не давала угаснуть едва тлевшей в нем искорке жизни...

...Утром, придя на работу, Татьяна Савельевна увидела на столе в дежурке отложенную в сторону историю болезни с фамилией «Дробышев». Не сразу поняла. Взяла в руки, перелистала и... почувствовала, как на миг остановилось, замерло сердце, колючий ком подступил к горлу... «Все! Конец!..»

Она знала, что это неминуемо, но невольно отодвигала гнетущую мысль. Где-то в глубине души, наперекор разуму, смутно надеялась: «А вдруг!?». Ведь бывают же в медицине чудеса! Да и в ее собственной практике были случаи, когда...

Но чудо не свершилось. Он умер.

Умер один, в злую декабрьскую вьюжную ночь, когда она спокойно спала в своей уютной комнатке, далеко за зоной сангородка. Может быть, он звал ее? Хотел сказать ей что-то... Ведь она видела, догадывалась, что он собирался и все никак не мог решиться доверить ей что-то очень личное, выстраданное.

Усилием воли овладела собой. Ровным голосом спросила у вошедшей, дежурившей ночью медсестры:

— Когда?

— Под утро, часов в пять.

— Мучился... очень?..

— Нет. Тихо. В полном сознании. Только все спрашивал вас, ждал, хотел отдать вам... — она приставила табуретку, сняла с верха шкафа потертую полевую сумку, — вот это!

В странном, ей самой непонятном душевном смятении Татьяна Савельевна молча приняла из рук сестры знакомую вещь, повернулась и вышла из дежурки, забыв притворить за собой дверь. Сдерживая внутреннюю дрожь, торопливо шла по коридору: «Только бы никто не остановил!..»

В опустевшей одиночной палате ей почудился запах тления, хотя форточка была открыта настежь и в комнату задувал морозный ветер, сыпал снежной пылью.

Республика Беларусь
Национальная библиотека

колыхал марлевою занавеску на окне. Палата уже прибрана. Пол еще сырой после мытья. В углу зияла обнаженной сеткой пустая железная койка.

Татьяна Савельевна стояла на пороге и плакала, уже не сдерживая горьких слез: «Господи!.. Сколько ушло с этой койки искалеченных войной людей!» С каждым из них словно уходила частица ее собственной жизни. Она никак не могла привыкнуть, примириться с неизбежностью смерти, когда все усилия к спасению уже исчерпаны. Ей всегда думалось, что они еще чего-то не сделали, проглядели, не предусмотрели, в чем-то виноваты...

Почему смерть этого юноши отозвалась в ней такой нестерпимой, пронзительной болью? Разве она не сделала все, что было в ее силах? Что он ей?.. Ни сын, ни брат, ни родственник, ни друг... Кто он? Она даже ничего о нем толком не знает. Кому он писал эти письма? Кому изливал душу?

Только потеряв надежду выжить, в последнюю минуту решил доверить ей свою тайну... Тайну? А может быть, никакой тайны нет? Может быть, здесь, в этой сумке, всего лишь бред больного, помутившегося рассудка? «Письма в никуда?»..

От этой мысли ее охватил озноб. Она подошла к окну, захлопнула форточку. Сдерживая волнение, трясущейся рукой открыла сумку, достала пачку писем, перевязанную обрывком пожелтевшего бинта.

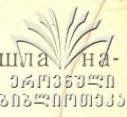
«Вот они, эти письма! Все конверты запечатаны, аккуратно пронумерованы, адрес на всех один и тот же: «Курск... Лобановка, 7. Наталье Владимировне Дробышевой».

«Кто же это? Жена? Мать? Все ей одной? Так много писем? Странно, почему на конвертах нет обратного адреса?»

Но тут она нашла в сумке еще один конверт. Письмо было адресовано ей: «Старшей медсестре Татьяне Савельевне, в собственные руки».

Нет, она не станет читать его письмо здесь. Потом, позже, когда успокоится. Не надо, чтобы кто-то заметил ее состояние... Потом, ночью, в тишине...»

В коридоре послышались шаги, голоса: кто-то спрашивал старшую медсестру. Она поспешно вытерла

слезы, сунула письмо в карман халата и пошла на встречу:

— Кто меня ищет? В чем дело?

— Татьяна Савельевна, вас к телефону, из приемного покоя, прибыл новый этап раненых.

...Весь день у нее не было ни минутки свободной; да она и сама не давала себе передышки, работала с полной самоотдачей и к вечеру вконец измоталась. Привычный четкий режим госпиталя и физическая усталость несколько притупили остроту чувств, и мысль уже не так болезненно возвращалась к случившемуся.

Было далеко за полночь, когда, управившись со всеми процедурами, она осталась одна в дежурке. Опустилась на стул возле столика с грудой новых историй болезней, придвинула настольную лампу под зеленым абажуром. Со стесненным сердцем достала из кармана письмо и осторожно вскрыла конверт; из него выпал маленький листочек, исписанный неровными, расползающимися строчками.

«Сестра! — писал Юрий. — Я скоро умру. Я это знаю. Мне остались считанные дни. В этом жестоком мире ничего не изменится, только одним неудачником станет меньше.

Эти письма для моей матери. Я причинил ей много горя. Я был эгоистичным, злым, неблагодарным сыном. Надо было пройти через тяжелые испытания, увидеть бездну человеческих страданий, чтобы наконец прийти в себя, осознать всю свою вину перед ней.

Но поздно. Исправить мне уже ничего не дано.

Теперь, когда я стал другим человеком, вернее, вообще стал человеком, я должен умереть... исчезнуть.

Боюсь ли я смерти?.. Нет. Не боюсь. И там не боялся. Никто не может упрекнуть меня в трусости на поле боя. Там я ничего не чувствовал, кроме лютой ненависти к этим проклятым белобрысым выродкам, топчущим грязными сапогами мою родную землю, ничего, кроме яростного желания убивать, убивать, убивать их, уничтожать как тараканов.

Я здорово научился убивать, сестра!..

Я устал от всего этого. Непоправимо устал. И тут уж мне никто и ничто не поможет. Я умру. Мама не

перенесет этого горя. У нее нет никого на свете кроме меня...

В этой связке двадцать писем. Их хватит надолго. Как знать, сколько еще продлится война!

Я буду жив, пока она верит, надеется и ждет. Вы меня поняли, сестра?

Эти письма я с полным доверием отдаю в Ваши руки. Я знаю: Вы не откажете солдату в его предсмертной просьбе».

Ю. Д.»

...Время от времени, изредка, Татьяна Савельевна шла на почту и опускала в ящик очередной конверт с адресом: «Курск, Лобановка, дом 7. Наталье Владимировне Дробышевой».

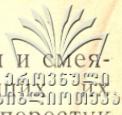
Возвращалась к себе с тяжелым сердцем.

Проходили месяцы, прошел еще год. Фронт уже отодвинулся на территорию врага. Останки солдата уже давно покоились в братской могиле, а к матери все шли и шли письма, полные нежных ободряющих слов, сыновней любви и признательности. Они озаряли светом чью-то одинокую жизнь, приносили радость, давали силы жить, терпеливо ждать и надеяться.

Чем дальше, тем более тяготила Татьяну Савельевну эта странная ложь, невольной соучастницей которой сделала ее случайная встреча с Юрием Дробышевым. Она не могла не чувствовать себя чужой в его личной драме: ведь в сущности она ничего о ней не знала, кроме нескольких скупых строк из его письма, но вместе с тем, приняв завещанную ей ложь, она как бы взяла на себя и ответственность за судьбу далекой, незнакомой ей женщины. Разве не вошла в ее жизнь эта обездоленная чужая мать, как близкое существо, о ком болит сердце, о ком не можешь не помнить, не тревожиться?

Что же будет дальше? Что станет с матерью, когда иссякнет запас писем и наступит молчание?.. Дни и ночи мучительного бесплодного ожидания. Глухое, безнадежное молчание...

Война уже близилась к победному концу. Татьяне Савельевне мерещилась одинокая женская фигура на ночном пустынном перроне железнодорожной станции. Только что прошел очередной поезд с демобилизован-

ными солдатами... Люди кричали, пели, плакали и смеялись от счастья, от горя, от переполняющих чувств... Поезд ушел. Замолк вдали последний перестук колес. Люди разбрелись по домам. А она все стоит... Она будет дожидаться следующего поезда. Так изо дня в день, из ночи в ночь... недели, месяцы, пока не погаснет последняя искорка надежды.

«Нет, нельзя ее оставлять одну, — думала Татьяна Савельевна. — Как только кончится война, поеду за ней, заберу ее к себе».

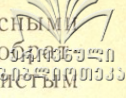
На последнем конверте Татьяна Савельевна написала внизу свой домашний адрес, фамилию, имя, отчество — адрес отправителя. Мать не может не откликнуться на это письмо; она воспользуется представившейся ей впервые почти за два года возможностью послать сыну весточку о себе. И, может быть, захочет, даже наверняка захочет написать несколько строк и ей, Татьяне Савельевне, незнакомой женщине, чем-то связанной с жизнью ее сына. Это положит начало их знакомству, а потом...

Татьяне Савельевне не хотелось задумываться, что и как будет «потом». За много лет своей неустроенной жизни в ней выработалась привычка не загадывать далеко вперед. Надо довериться своему внутреннему побуждению, а там... жизнь сама подскажет, как быть дальше.

...Татьяна Савельевна вернулась из госпиталя к себе домой поздно вечером, когда в доме уже все спали. Отперла своим ключом наружную дверь. В узкой, длинной прихожей под самым потолком тусклым светом горела дежурная «общая» лампочка. Стараясь ступать неслышно, чтобы не разбудить соседей, она тихонько проскользнула в свою комнату. Минутку постояла в полутьме, с удовольствием вдыхая привычный теплый, чуть пахнувший гвоздичным маслом воздух своего жилья: «Наконец-то дома!..»

Устало стянула с головы пуховый платок, сняла пальто, аккуратно повесила в шкаф. Потрогала остывшую печь... «О-ох, чаю бы! Горяченького, крепкого! Прогреться чуточку».

Подошла к столу, включила в розетку вилку чайника и тут увидела конверт, прислоненный к черниль-

нице... Знакомый конверт... с перечеркнутым красными чернилами крест-накрест курским адресом... На одной стороне конверта чьим-то крупным размашистым почерком было написано: «Адресат умер».

В первую минуту это известие ее ошеломило, потрясло. Такого исхода она не ожидала. За все эти долгие месяцы подобная мысль ни разу не приходила ей в голову. Но потом вместе с острой жалостью явилось и невольное чувство освобождения от тяжелого груза, давившего ее душу: как просто и мудро распорядилась смерть, вовремя разрубив затянувшийся узел! Разве не радовалась мать, до последней минуты окрыленная письмами сына? И ушла она из жизни в счастливом неведении.

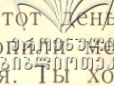
«...Ну вот, мамочка, — писал Юрий матери, — написанные тобой конверты подходят к концу. Ты, как всегда, и в этом оказалась права, родная; когда они тут, под рукой, нет-нет да и улечишь минутку во время затишья, черкнешь пару строк. Потом дожидаясь случая отправить письмо. Это не часто удается. Ты знаешь, я тебе уже писал об этом. Ты пойми, мамочка, и не спрашивай ни о чем. Значит, так надо. Не терзай свое сердце ненужными тревогами; со мной ничего не случится. Ты только знай, что я бесконечно люблю тебя и горжусь тобой, моя маленькая, многострадальная мать.

У тебя был такой славный характер, мамочка. Всегда. Даже потом, когда мы остались с тобой одни, без него. Ты легко плакала и охотно смеялась, находя для этого повод, хоть пустяковый. Все наши невзгоды старалась переносить с улыбкой. А меня это только злило. Как жаль, что я пошел в отца своим угрюмым, тяжелым нравом! Сколько ты натерпелась от него в свое время!.. Но бог с ним, не будем о нем!

Я часто вижу тебя во сне. Вижу твои глаза лучистые, ясные, всегда ласковые, несмотря на все огорчения. Сколько раз я видел их опухшими от слез из-за меня!..

А потом, когда я попал в это «грязное дело» вместе со своими «дружками» (как ты их ненавидела!) и когда пришли за мной...

Нет, нет! Это последнее, что я должен припомнить, и больше я не вернусь к прошлому, клянусь тебе... Ког-

да я вспоминаю, как мы расставались в тот день, сердце мое разрывается от боли. «Они» торопили меня, я суетился без толку, злился и чертыхался. Ты хотела помочь мне затянуть веревку на рюкзаке... Ты своими слабыми, милыми руками пыталась помочь мне, а я раздраженно отпихнул тебя и прорычал: «Не лезь!»

Как ты взглянула на меня тогда!.. Отошла, отвернулась, и плечи у тебя вздрагивали. Я видел это и молчал как бревно.

Почему не разверзлось небо в тот миг и молния не убила на месте меня, подлеца!.. Я ушел, хлопнув дверью, даже не сказав тебе «прощай!» На улице что-то заставило меня оглянуться: ты стояла у окна и смотрела мне вслед... О-ох, какое у тебя было лицо, мама!..

Потом ты слала мне «туда» посылки и писала письма. Твои письма!.. Сколько раз они подымали меня и спасали от отчаяния... А потом — фронт! Ты добилась этого. И это тоже было спасение, мама!

Мама, мама, мама... Я шепотом повторяю про себя это дорогое слово, которое я так не умел ценить, пока ты была рядом.

День за днем листаю страницы нашей с тобой жизни, припоминаю все и ничего себе не прощаю. А ты прости меня, мама! Если можешь, прости. Помни обо мне только хорошее. Была же когда-нибудь хоть капля радости от меня? Может быть, когда я был совсем мальчишкой, да, мама?..

Я вижу, как ты сейчас тихонько посмеиваешься, припомнив что-то забавное. Ну улыбнись еще раз!.. Вот так. Хочу, чтобы ты улыбалась спокойная, веселая. Хочу всегда видеть тебя такой. Теперь ты ведь можешь гордиться своим сыном, мама! Целую твои милые, теплые руки. Твой Юра».

...Татьяну Савельевну вывел из глубокой задумчивости шум закипевшего чайника.

Она сидела над раскрытым письмом, с волнением прислушиваясь к незнакомым чувствам, зарождавшимся в ее душе. Нет! Ей уже не казалась тягостной, сумасбродной странная затея Юрия. Она как-то по-новому осознала случившееся. Что-то большое, светлое, умиротворенное наполнило все ее существо. Никогда не знавшая счастья материнства, одинокая женщина вдруг во всей глубине поняла, почти ощутила прелесть и горечь

этого удивительного, извечного, неистребимого
ва, дарованного природой человечеству. Великая тишина сошла в ее усталую душу, измученную тяжелыми впечатлениями дня: «Слава тебе, материнская боль!..»

...В соседней комнате, за тонкой перегородкой, проснулся и громко заплакал грудной ребенок. Скрипнула кровать и чей-то тихий голос стал ласково, нежно убаюкивать малыша. Слышно было, как тот жадно зачмокал губами, удовлетворенно загукал и вскоре затих.

ВДОХНОВЕНИЕ • РАССКАЗ

ОН УЖЕ очень стар. Восемьдесят два года. Возраст, когда каждый новый день человек встречает как бесценный подарок судьбы — с несмелой радостью и смутной печалью в усталом сердце: будет ли для него еще «завтра»?

В этом приморском санатории его много лет знают и принимают как дорогого гостя. В прошлом знаменитый певец, он давно покинул сцену. Сюда приезжает вместе с женой, в один из летних месяцев, отдохнуть и подлечить свои застарелые недуги.

Я вижу их часто. В столовую они всегда приходят вместе. После завтрака обычно прогуливаются вдвоем по главной, тополевой аллее парка, где тень и прохлада. Жена бережно ведет его под руку, что-то ему вполголоса рассказывая. Он идет затрудненной походкой, сутулясь и тяжело опираясь на ее руку, слушает с рассеянной улыбкой. Лысая голова, обрамленная венчиком легких седых волос, прикрыта полинялой вышитой тубетейкой. Глаз не видно под стеклами темных очков. В руках солидная трость с серебряным набалдашником в виде львиной пасти и множеством золотых памятных монограмм; очевидно, одна из реликвий прошлого — подношение восторженных почитателей таланта в молодости, еще до революции: теперь таких не увидишь нигде, разве что в музее.

Жена тоже немолода, но моложе его на добрый десяток лет. Статная, осанистая, она держится прямо,

с достоинством. Говорят, когда-то была очень хороша собой, с успехом выступала как пианистка. Теперь все в прошлом. Чеканный горбоносый профиль, высоко взбитые седые старомодные букли и слишком много искусственных «драгоценностей» делают ее чем-то похожей на старую графиню из «Пиковой дамы».

Супруги идут медленно, часто останавливаясь и отдыхая. В ее заботливом к нему отношении чувствуется нечто материнское. А он как большое балованное дитя; за годы совместной жизни, видно, привык подчиняться ей во всем. Встречные провожают престарелую чету сочувственными, дружелюбными улыбками.

По установившейся традиции, дирекция санатория и на этот раз попросила знаменитого певца дать один-единственный концерт для отдыхающих: «Только для своих! В интимной обстановке!..»

Еще несколько лет назад, не дожидаясь, чтоб его попросили, он сам предлагал свои услуги, зная, что доставит этим огромную радость всем. С годами эта уверенность в себе все больше сникала.

Теперь он с затаенным волнением ждет, чтобы его попросили.

Он не заставит себя упрашивать. О нет!..

Правда, с каждым годом ему все труднее выходить на эстраду. Бремя лет давит на плечи. Но нельзя сдаваться! Когда к нему перестанут обращаться с такой просьбой, наступит конец; тогда все: погасла его звезда! Значит — он никому больше не нужен!..

Нет, нет!.. Пусть хоть раз в год! Пусть бесплатный, но свой, персональный концерт! В своем кругу, для избранного общества, людей интеллигентных, истинных ценителей искусства! Это еще одна проверка своих сил.

Отказывать нельзя! Да разве жена позволит ему отказаться?! Она, которая так ревниво дорожит его популярностью, его угасающей славой...

После ужина все собрались в небольшом концертном зале санатория. Много свободных мест. Молодежь заглянула, потопталась у порога и исчезла. Им неинтересно: «Ха! Какой-то предок будет исполнять оперные арии. Старо!» А на танцплощадке соседнего дома

отдыха гремит, гнусавит и квакает заезжий джаз. «Пошли на танцы!..»

Зал понемногу заполняется. Большинство людей люди пожилые, заслуженные, почтенные, частые гости этого санатория. Они хорошо помнят знаменитого певца в расцвете его славы.

Сколько незабываемых впечатлений юности связано с его именем!.. Тридцатые годы... Ажиотаж в дни его гастролей. Ночные бдения в очередях у кассы Большого театра. О партере и не мечтали: не по карману! Билеты на третий ярус в самый раз. А то и просто входные.

Спускался бархатный занавес, и молодежь толпой устремлялась к барьеру оркестра; неистово аплодировали, кричали, вызывая любимого артиста; долго не отпускали со сцены, просили петь еще и еще... и он все просьбы с радостью, с какой-то трогательной сердечной гордостью исполнял. От этих концертов у них сохранилась радость в сердце, и они их никогда не забудут.

С тех пор пронеслись годы. И какие годы!.. Тех испытаний, что выпали на их долю, хватило бы на несколько поколений. Все они прошли через суровые тяготы Отечественной войны. Знаменитый певец тогда ездил с фронтовой бригадой, пел для бойцов на передовой. Выступал в госпиталях. Все время на колесах, он попевал всюду, где его ждали, где он был нужен.

А потом, когда кончилась война, каждый старался внести свою долю созидательного труда в общее дело, помогая Родине вновь обрести прежнюю мощь. Работали не зная отдыха. Во всю меру сил, таланта, знаний, способностей. Каждый на своем месте. Все вынесли на своем горбу. Выдюжили. Ценой нечеловеческих усилий.

И не заметили, как прошла жизнь. Наступил закат.

Закат! Не об этом ли неумолимо напоминают перебои усталого сердца? Боль в опухших суставах? Бессонница в долгие ночные часы, когда кажется: нет, не дожидаться рассвета!..

А право на отдых? Разумеется, все они имеют это законное, заслуженное право.

И вот отдыхают. Старательно выполняют предписания врачей, ходят на процедуры, глотают лекарства,

дышат целебным морским воздухом, слоняются по аллеям парка и скучают, и томятся в безделье...

Честно говоря, под конец все это здорово! На отдых вполне достаточно было бы двадцати четырех санаторных дней. А дальше что? Э-эх! Будь он неладен, этот пресловутый пенсионный возраст!..

...Вот он выходит на эстраду, все еще импозантный, несмотря на годы, знаменитый певец! Вот кто всегда был нужен людям, щедро одаривал их своим волшебным искусством. И даже теперь, одряхлевший, больной, он все еще нужен им, людям близкого ему поколения, как живая неугасающая связь с прошлым, как отблеск их яростной, счастливой и доблестной юности!..

Встретили певца аплодисментами. Он вышел на сцену, непохожий на себя будничного: в светло-сером изящном костюме, с красной гвоздикой в петлице. Лицо без темных очков выглядит помолодевшим. И весь он подтянутый, праздничный.

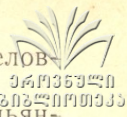
Жена села к роялю, слегка пододвинулась, усаживаясь поудобнее; раскрыла ноты, выжидающе поглядела на мужа. Он не спешил начинать. Привычным оценивающим взглядом опытного артиста окинул ряды кресел. Увидел доброжелательные лица, внимательные глаза. Сразу оценил атмосферу. Улыбнулся, покивал знакомым в первом ряду, откашлялся. Явно неспокоен, но не подает вида.

Для начала объявил традиционную для всех его концертов песню композитора Туликова «Родина». По залу пробежал шепот, легкое движение — вещь всем знакомая, очень трудная для исполнения: «Как-то справится старик?». Певец выждал, пока успокоились, кивнул жене.

Проигрыш вступления. Запел...

С первых же нескольких вокальных фраз стало ясно, что торжественная патетическая мелодия ему уже не по силам. Нет былой широты и силы звука, мощного дыхания, прежней приподнятости...

Старик сам чувствует, что не получается. Поет, лишь бы скорей допеть до конца. Кончил с натугой. Судорожно передохнул.

Вежливые аплодисменты. Пауза. В зале — неловкая выжидательная тишина.

Пошептался с женой и начал старинный итальянский романс времен своей юности: «О, соле мио!» — когда-то одну из наиболее популярных песен в его репертуаре, неизменно исполнявшуюся «на бис».

Начал неплохо, но на втором куплете вдруг запнулся, от волнения забыл слова, на мгновение растерялся... Жена, не прерывая аккомпанемента, вполголоса подсказала ему текст, мягко повторила музыкальную фразу, дала ему незаметно вступить. Старик воспрянул духом, спел романс до конца, мастерски, с неподражаемым изяществом итальянского классического «бель канто». Это ему вполне по голосу! «Ну, слава богу! Пошло дело на лад!» — снисходительно похлопали и смолкли.

Певец вытянул из кармана щегольской — белый в синюю горошину — шелковый платок, старательно вытер пот со лба, с затылка. Стал засовывать платок обратно в карман, все попадая мимо. Искося, виновато глянул на жену...

Она, до той поры серьезная и озабоченная, подняла голову, встретила его беспомощный взгляд и... улыбнулась ему!.. Широко, открыто, ничуть не таясь от зрителей: «Пусть все видят!.. Ей нет дела до них!» Так ласково, так хорошо улыбнулась, как улыбается мать оробевшему ребенку, желая подбодрить его: «Ну чего ты? Чего испугался? Я же здесь!..»

На какое-то мгновение мелькнул перед ним такой же момент из дней его молодости. Это было на клубной сцене небольшого городка в первые дни их знакомства. Судьба свела их выступить вместе, чтобы потом они всю жизнь не расставались. Она ему аккомпанировала. Желая заслужить ее внимание, он страшно волновался. И надо же было запнуться!.. Все вдруг вылетело из головы. И тогда ее ободряющий, ласковый взгляд пришел ему на помощь. Он воспрянул духом, обрел навсегда уже уверенность в себе и запел вдохновенно. Для нее. Для нее одной!.. Любимой, единственной!..

И вот на этот раз тоже, под ее взглядом, он как-то вдруг успокоился, облегченно перевел дыхание. Она чуть заметно кивнула ему ресницами, ударила по кла-

вишам и бравурно, с блеском проиграла вступление к украинской шуточной народной песенке «Нехай так!»

В зале оживились, зааплодировали. Он приосанился, лихо закрутил воображаемый казацкий ус, озорно подмигнул зрителям и запел... Его будто подменили: лицо ожило, глаза заискрились, улыбка «до ушей» разбежалась в десятках морщинок. Запел широко, свободно, с огоньком, с юмором, с выразительной мимикой... И голос звучит!..

Чоловік сіє жито,
Жінка каже: «Мак, мак!»
«Нехай так, нехай так —
Нехай з жита буде мак».

Кто-то в зале не выдержал, крикнул от удовольствия: «Браво, дружище!.. Знай наших!.. Давай, давай!..» Кто-то подхватил припев, за ним другой... И вот уже весь зал подпевает, притоптывает, присвистывает...

Чоловік пiймав щуку,
Жінка каже: «Рак, рак!»
«Нехай так, нехай так, —
Нехай щука буде рак».

Последний куплет певец закончил таким неожиданно молодецким гиканьем, что окончательно привел в восторг весь зал.

Буря аплодисментов, смех, одобрительные возгласы. Словно свежий ветер пронесся по залу и смахнул налет скуки и равнодушия. Аплодируют старому певцу уже не из вежливости или сочувствия, хлопают от всей души, благодарно, искренне радуясь и гордясь им: «Вот она, старая гвардия!». «Жив курилка!..»

Долго не смолкает овация. Певец, тронутый вниманием, раскланивается направо и налево, по-старинному галантно прижимая руку к сердцу, а сам все поглядывает на жену: довольна ли она?

Ах, как она довольна! Вся расцвела от гордости за мужа. «Вот видишь? — говорит ему ее сияющий взгляд. — А ты трусил. Ты меня слушай! Все будет отлично. Ну давай еще!»

96935940
0020110333

«Ну что ж, можно еще!» Теперь он уже не сдает позиций! Он чувствует себя в форме. Пригладил лысину, расправил плечи. Обвел ряды кресел смеющимся взглядом, уверенным, победительным взглядом прежнего кумира, и объявил арию Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст».

В зале зааплодировали... Помнят!.. «Ну еще бы не помнить!.. Это же его конек был когда-то!..» «На все-союзном конкурсе вокалистов он получил за нее первую премию...» «Это было... в каком это было году?.. Дай бог памяти... кажется, в тридцать девятом». «А-ай, выдумаете тоже!.. После войны это было, я еще в госпитале лежал...» «Ну что вы, отку-уда?..»

«Ти-ише!!!»

Пошумели, поспорили, замолкли. Музыкальное вступление... Первые же фразы певец подал на широком мощном фортиссимо:

«На земле-е-е весь род людско-о-ой

Чтит оди-ин кумир свяще-е-енный!..»

В зале напряженная, наэлектризованная тишина. Все лица устремлены к эстраде, все шеи вытянуты вперед. Волнуются. Как на решающих скачках, в момент, когда знаменитый рысак-фаворит приближается к последнему барьеру... Возьмет или не возьмет?.. А вдруг сорвется?.. О-о-о! Хоть бы взял!..

«Са-а-тана там пра-авит ба-ал,

Пра-а-вит бал!..»

Голос певца словно раздвигает стены маленького зала. Ударяясь в потолок, громом падает на головы людей. Лица расплываются в улыбках. Нет, напрасны опасения болельщиков: «Голос звучит великолепно!..»

Вдохновляемый страстным участием слушателей, певец сам наслаждается своим пением, каждой своей нотой — преподносит ее, любит ее...

Откуда только взялась вдруг эта широта дыхания, уверенность, сила и глубина мощного, уникального по диапазону баритона!..

Голос, темперамент, изящество жеста, осанка снова вознесли певца к вершинам вдохновенного искусства. «Да-а!.. Это настоящий певец». «Огромного масштаба...»

В зале атмосфера праздника. Певец видит просветленные лица, добрые улыбки и радуется своему сча-

стью. Теперь ему все по силам! Все лучшее, что сохранилось у него от прежнего обширного репертуара. Ему хочется подарить все это этим славным людям, старым знакомым и незнакомым, собравшимся здесь, чтобы послушать его еще один, может быть, последний раз... Они так добры к нему!.. И он поет:

«Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской...»

Поет широко, раздольно, с залихватской удалью, с характерным сочным юмором, с прежним молодым увлечением.

Зрители кричат ему: «Пожалуйста, просим: «Арию Фигаро»... «Хотят ли русские войны?»... «Застольную» Бетховена... Названия памятных им в его исполнении песен. И он не скупится, поет все, что просят; уходит за кулисы, чтобы передохнуть, глотнуть воды, и снова возвращается на вызовы.

Концерт затянулся. Людям не хочется кончать: «Так редко выпадает в санатории столь приятный вечер!» Но певец устал, это чувствуется; жена уже обеспокоенно поглядывает на него. И зрители больше не настаивают.

— Спасибо! — кричат ему из зала. — Спасибо!..

Пожилые люди, согретые не только доброй красотой искусства, но и собственной проникновенной взволнованностью, забыв о своих недугах, спешат к эстраде, тянутся к певцу, чтобы пожать ему руку.

И он, счастливый обрушившейся на него трогательной лавиной признательности, жмет всем руки, благодарит; потом берет жену под руку и выводит ее на авансцену.

И снова зал взрывается аплодисментами: «Разумеется, значительная доля его сегодняшнего успеха заслужена и ею, не только как аккомпаниаторшей. Тут нечто большее», — это всем понятно, и зрители приветствуют старую женщину со всей теплотой искреннего уважения.

Они стояли на сцене рядом, оба счастливые, сияющие, растерянные, и я, сама глубоко тронутая этим неожиданным прикосновением к Чуду, смотрела на их морщины, седые волосы и думала о той трижды благословенной силе, что сделала их сейчас снова молодыми и прекрасными.

...Погасли огни в концертном зале. Отдыхающие разошлись по комнатам. А они вдвоем, под руку, спустились вниз, к пустынному в этот поздний час берегу моря, подышать воздухом, отдохнуть, успокоиться.

Молчаливые от избытка пережитых чувств, они долго стояли у каменного парапета, глядя в темную мерно дышащую глубину моря. Вдали, на горизонте, задумчиво мигали огни сторожевого судна. На пляже тихо плескался и шуршал гравием легкий прибой. Время от времени яркий луч прожектора прорезал густую безлунную тьму, беззвучно скользил по широкой водной глади, нащупывал прибрежные скалы, тропинки... и так же внезапно исчезал, как появлялся. После него тьма становилась еще гуще, непрогляднее.

— Поздно уже. Пойдем! — сказала она, поеживаясь от ночной сырости.

Он заботливо обнял ее за плечи, привлек к себе и вдруг запел, громко, на весь бульвар:

«Кто мо-о-ожет сравниться с Матильдой моей...»

Но на высокой ноте сорвался, издал какой-то хриплый дребезжащий звук и смущенно закашлялся...

— Ах, боже мой! Вот ты уже и простудился! Ну, что за блажь петь в такой сырости!..

— А помнишь... в Харькове, — начал он мечтательно, — когда мы с тобой...

— Ничего не помню, — прервала она его, сердясь, — и не хочу помнить! Подними воротник, пожалуйста, и не разговаривай! Пойдем скорей! Сейчас же в постель! Грелку, аспирин, горячий чай с малиной.

На другой день я снова видела их в столовой. Он шел, как обычно ссутулившись, по-стариковски шаркая по полу подошвами, тяжело опираясь на руку жены. Она осторожно вела его между столиками. Со всех сторон к ним доносились теплые пожелания доброго утра, доброго здоровья, сияли приветливые улыбки.

Внезапная щемящая боль где-то в глубине сердца вдруг напомнила мне о моем собственном возрасте и в памяти невольно всплыли чьи-то мудрые и горькие слова: «Трагедия старости не в том, что стареем, а в том, что остаемся молодыми».

Нана КАНДЕЛАКИ

ДВЕ НОВЕЛЛЫ

FORTUNA

ТОЛЬКО Леван вошел в кабинет, как его вызвал редактор. — Надо подготовить полосу, посвященную трудящимся Зестафонского района, — сказал он, — мне нужны три-четыре очерка, не очень больших и срочно! Номер выйдет в будущий вторник.

— Тогда я сегодня же уеду.

— Не сегодня, а сейчас же, автобусом ли, поездом ли, на своей ли машине — мне все равно. Привези побольше материала, чтоб можно было выбрать. Повидай секретаря райкома, председателя исполкома, они подскажут тебе, о ком писать. Одни восхваления мне не нужны, отметь и недостатки в работе, и пожелания трудящихся. Словом, сам знаешь... Спустись в бухгалтерию, командировочное удостоверение должно быть уже готово. Счастливого пути!

Через час Леван гнал машину по дороге, ведущей в Зестафони. Он только-только вернулся из Кахети и был несколько обижен на редактора за то, что тот, не дав даже дух перевести, услав его в очередную командировку. Спорить с редактором бесполезно, Леван знал, на все его возражения был бы один ответ: — Ты холост и должен радоваться предстоящей поездке.

— Кроме тебя, никто в этой редакции не работает, что ли? — вскипела мать Левана, узнав, что он снова уезжает.

— Я один холостой остался, вот и...

— А когда ты женишься, редакция наверное закроется?

— Будем ездить по очереди...

— Ну так будь добр, женись, мне эти твои командировки уже надоели!

— Ладно, мама, ты правда веришь, что я один в командировки езжу?

— И все же вряд ли кто колесит по районам столько, сколько ты.

— Короче, я прощаюсь на четыре дня!

— Смотри, не пей!

— Постараюсь!

Леван сравнительно недавно начал работать в редакции, и ему нравилось ездить то в Картли, то в Кахети, то в Самцхе-Джавахети

«Теперь посмотрю запад. Действительно, что может быть лучше путешествия, хотя и из Тбилиси надолго не хочется отлучаться!»

К Рикотскому перевалу вела новая дорога, и Леван прибавил скорость. Он уже решил, что первая его статья будет о самой насущной проблеме Зестафони — полной очистке воздуха от вредных промышленных отходов.

«Напишу еще о знатном колхознике и о представителе интеллигенции, и хватит!» — заключил он про себя.

И действительно, в первый же день приезда он написал довольно пространную статью о достижениях завода, не обойдя вопросы, препятствующие успеху дела. На другой день он посетил Сакарыйский колхоз и собрал материал для очерка о передовом колхознике. Оставалось побывать в одной из зестафонских школ — героем третьей его статьи должен был быть учитель. Вернувшись в город, на привокзальной площади Леван повстречался со своим товарищем по институту — Шота Экаладзе.

— Давай поедем в Шорапани, во-первых, со своей семьей познакомлю, а во-вторых, напишешь о моей школе, чем плохо? Есть у меня заслуженный педагог, физик, человек, прошедший войну, опытный садовод, а какой собеседник! Благодарить еще будешь, не сойти мне с этого места!

Леван почувствовал неловкость — как он мог забыть, что его товарищ работает в этом районе директором школы? И, чтобы заглушить чувство вины, извиняющимся тоном сказал:

— Вообще напишу о твоей школе, и о физике, ну особо.

— Нет, нет, обо мне ни слова. Слишком много чести. А вот об учителе физики, прошу тебя, напиши, как он того заслуживает.

По приезде в Шорапани Шота пригласил Левана к себе домой — подкрепиться и отдохнуть с дороги. Хозяйки, мать и жена Шота, встретили гостя из Тбилиси радушно, с подобающим имеретинским гостеприимством. На скорую руку был накрыт стол, и друзья за бокалом вина вспомнили студенческие годы.

Они собирались идти в школу, когда с балкона вдруг донесся женский голос, удивительный, как бы проникающий в самую душу.

— Ваничка, дорогой, письма мне нет?!

— Пишут, Мариэтта, пишут, в дороге оно. Не спеши, как придет, принесу. Погоди еще немножко...

— Эх, ты все обещаешь, обещаешь, а не несешь!

— Если письма нет, Мариэтта, что я тебе принесу? Хочешь, я сам тебе напишу, но это будет совсем не то, что ты ждешь!

— К чему мне твое письмо, не валяй дурака...

— Тогда жди, обязательно напишут!

Леван отодвинул холщовую штору и увидел женщину — статную, с легкой проседью в волосах, лицо ее хранило следы былой красоты.

— Кто эта женщина? — поинтересовался Леван.

— Мариэтта Квирикадзе, наша соседка. Когда-то в далекой молодости пару раз сыграла на нашей сцене, считает себя актрисой и всю жизнь ждет какого-то поздравительного письма. Все ее чокнутой считают, а мама жалеет и заботится о ней, как о родной.

— Жаль мне ее, что поделаешь... Она, конечно, со странностями, все вспоминает прошлое, я-то ей не верю, но слушаю, а ей больше ничего и не надо, — отозвалась мать Шота, Минадора.

— А сейчас она не играет?

— Что ты! Разве Мариэтта снизойдет до актеров нашего Дома культуры?! — засмеялся Шота. — Она утверждает, что была партнершей Васо Годзишвили и Акакия Хорава.

— Выдумывает? — спросил Леван у матери Шота.

— Давнее это дело, но старики говорят, было такое. У нее даже какие-то афиши сохранились, если можно верить... До сих пор помнит наизусть роли Марех и Дездемоны. Сорок лет подряд твердит одно и то же, немудрено и запомнить, скоро и я, кажется, выучу их наизусть, — Минадора с трудом сдерживала улыбку.

— А от кого она ждет письма?

— От театрального общества... Скоро ей шестьдесят, вот и ждет поздравления, — засмеялся Шота, — караулит почтальона, ты же слышал их диалог? Как я себя помню, каждый день одно и то же повторяется. Дядя Ваню — ровесник Мариэтты, видимо эта игра доставляет ему удовольствие, во всяком случае он, по моему, ни разу не оставил ее вопрос без ответа.

— А ваша Мариэтта, видимо, женщина интересной судьбы. Шутка ли, играть Марех и Дездемону в паре с такими известными актерами. Это уже, мой дорогой Шота, достойные истории, и уважаемая Мариэтта Квирикадзе — живая страничка летописи той минувшей поры.

Хозяева переглянулись.

— Вот увидите, очень скоро ваша Мариэтта станет известной на весь городок личностью, — спокойно произнес Леван, снова отодвигая штору. Однако Мариэтты на балконе уже не было. Тогда, повернувшись к Шота, он попросил — если можно, познакомь меня с твоей соседкой.

— Хочешь о ней написать?

— Если то, о чем здесь говорилось, правда, почему бы и нет!

— Пошли... — сказал Шота. Он постучал в открытую дверь комнаты Мариэтты. — Мариэтта, принимай гостя!

— Какого гостя? — Мариэтта поправила волосы и изумленно уставилась на Левана.

— Это корреспондент... Из газеты... Хочет поговорить с тобой... Узнал вот о тебе и хочет познакомиться...

— Вы из Тбилиси? Корреспондент? — Мариэтта вся встрепенулась, бросила горделивый взгляд на соседей. — Видите, обо мне все-таки вспомнили... человек вот приехал. А вы не верили...

Соседи потеряли дар речи. Какое-то время они стояли, не сводя глаз с Мариэтты и Левана, а потом в смущении отошли к перилам общего балкона.

— Я верила, что мои заслуги в конце концов признают. Я надеялась и ждала, а все смеялись надо мной, в том числе и они..

— Ладно уж, Мариэтта, — Минадора с улыбкой смотрела на нее.

— Вы же знаете, как я вас люблю, так вот, чтобы все ваши желания исполнялись так, как сегодня исполнилось мое! — от избытка чувств Мариэтта расцвела на глазах.

Она пригласила Левана в комнату.

— Калбатано Мариэтта, мне следовало бы прийти к вам с букетом роз, но Шота только сейчас рассказал мне о вас, так что простите и не сочтите это за невнимание, — сказал Леван, целуя Мариэтте руку.

Улыбка мелькнула на лице женщины. Щеки ее чуть порозовели, в радостном волнении она кивнула гостю.

— Заходи и ты, Шота, — позвала Мариэтта соседа, но Шота, извинившись и сославшись на дела, неслышно сбежал с лестницы.

Комната Мариэтты напоминала музей.

На одной стене, по бокам, висели портреты любимых актеров, а посреди ее, подобно ковру, красовались две афиши. На одной было написано: «Затмение солнца в Грузии», на другой — «Отелло». На обеих афишах фамилия Мариэтты была подчеркнута красным карандашом.

У противоположной стены стояла широкая тахта с аккуратно разложенными бархатными подушками и мутакми. В углу — старинная кровать, покрытая розовым покрывалом. На столе посреди комнаты шумел самовар. Подле него стояло блюдо с вишневым вареньем и дымящаяся чашка с горячим чаем. Украшением комнаты служила гитара с красным бантом, висевшая над тахтой. Этажерка черного дерева была уставлена книгами, а на верхней ее полке стояли невозмутимые фарфоровые слоники, столь необходимый атрибут семейной обстановки тридцатых годов.

— Вы любите чай, калбатано Мариэтта?

— Очень. Может, и вы выпьете чашечку?

— С удовольствием.

Мариэтта налила гостю чай.

— Когда мы ставили «Затмение солнца», в клубе было ужасно холодно, помещение не отапливалось, на сцене стояла маленькая печушка, а на ней кипел чайник, и мы время от времени согревались чаем.

— Самовар придает чаю совсем другой вкус...

— Да, мне тоже так кажется. Этот самовар мне достался от мамы, последняя память...

— Вы счастливая женщина, калбатано Мариэтта, с какими актерами вам довелось играть...

— Да, я горжусь этим.

— У вас не сохранились фотографии?

— О чем вы говорите, где были тогда фотокорреспонденты, от которых сейчас отбою нет. И потом, разве я думала, что фотография может стать дорогой реликвией? Мне было шестнадцать, когда я сыграла Марех... А Дездемону чуть позже... На мою долю выпали незабываемые дни. Вы не представляете, чем были эти спектакли для нашего клуба... Триумфом, праздником, который забыть нельзя...

— Вы и сейчас в театре?

— О нет... Слишком много времени прошло с тех пор. Все эти годы я лелеяла в памяти те дни.

— Простите, но на что вы живете?

— Я работаю контролером в клубе... По крайней мере дышу тем воздухом, для меня и этого достаточно. Многие не знают о моем прошлом, считают, что у меня не все дома — работает простым контролером, а много мнит о себе.

— Эти афиши кто-нибудь видел?

— Никто не знает о них. Ничего удивительного, кто из старшего поколения остался в этом нашем Шорани? Одни умерли, другие разъехались... А молодежи откуда знать?

— Шота говорил, приближается ваш юбилей.

— Да, но я совсем не претендую, чтобы его отмечали, это удел более заслуженных. Мне доставило бы радость простое упоминание, одна роза... Я и сама могу купить себе цветы, но букет, преподнесенный актрисе, это совсем другое. Вот ваши слова, например, я буду помнить всю жизнь.

— Я уверен, что вам воздадут должное. Таких, как

вы, кто выступал в паре с актерами-исполинами, даже на районной сцене, очень мало.

— Вы знаете, это признание заслуг нужно и молодежи, она должна знать, что творческий труд не предается забвению. Васо Годзиашвили после спектакля поцеловал мне, совсем еще девочке, руку и сказал: ты талант, настоящий талант, моя Мариэтта. Не знаю, почему он назвал меня Мариэттой, мое настоящее имя Мариам, Маро. Однако с тех пор я — Мариэтта, Мариэттой, верно, и умру. А Акакий Хорава во всеуслышание заявил: «Мариэтта ты или Дездемона, это не имеет значения, ты — талант!» Но сейчас никто, кроме меня, не знает, что говорилось тогда...

— Вы больше не встречались с ними?

— Они ездили по провинциям, пока были молодыми, а потом на это у них не было времени: известные актеры, общественные деятели... Нет, они уж не приезжали сюда...

— Какую еще роль мечтали бы вы сыграть?

— У меня было сокровенное желание — сыграть Зейнаб в «Измене» и Кручинину из «Без вины виноватых».

— Что же вам мешает осуществить вашу мечту? Мариэтта смущенно улыбнулась, покачала головой.

— Что вы, директор нашего клуба и без того косятся на меня, он не верит мне, думает, я все выдумываю.

— Не говорите так. Вы — актриса, и если он не понимает этого, мы растолкуем ему. Вам будут приносить цветы, все посчитают за честь знакомство с вами, потому что вы в своей молодости вдохновляли двух исполинов сцены.

Слезы подступили к глазам Мариэтты. На мгновение она опустила голову, затем, взглянув на Левана, прошептала:

— Вы действительно корреспондент или разыгрываете меня?

— Что вы, калбатано Мариэтта... — Леван хотел было показать ей удостоверение личности, но Мариэтта схватила его за руку.

16435920
3020010033

— Нет, нет, не надо... Что бы то ни было, это самый счастливый день в моей жизни, мечта моя исполнилась, сорокалетняя мечта, больше мне ничего не надо... Вы добрый человек, спасибо вам, я буду молить бога, чтобы и на вашу долю выпало такое счастье.

Кто-то осторожно постучал. Мариэтта открыла дверь. На пороге стоял Шота с букетом белых роз и, как юноша волнуясь, извинялся за опоздание.

— Боже, кому этот букет? — восторженно воскликнула Мариэтта.

— Это тебе, Мариэтта, от нашей семьи... Не скрою, если бы не Леван, мы, наверное, не оценили бы тебя по достоинству... Прости нас, — Шота расцеловал потрясенную Мариэтту и вручил ей букет.

— Спасибо! Как давно мне не дарили цветов.. Простите, я даже прослезилась.

— Калбатано Мариэтта, сегодня ночью я уезжаю в Тбилиси и обещаю, что в ближайшем номере будет напечатан очерк о вас, — сказал Леван.

— Мариэтта, может быть устроим вечер в Доме культуры? — спросил Шота.

— Нет! Нет и нет... Я не смогу выйти на сцену. Что вы! Через сорок лет? К тому же и подходящего платья у меня нет.

— Я куплю тебе платье. Скажи ей что-нибудь, мама.

— Нет, нет, это повлечет за собой много волнующих воспоминаний. Люди моего возраста часто не выдерживают столь сильных эмоций. А мне хочется жить, как никогда хочется!

— А как насчет ужина, Мариэтта? Мы ведь можем поужинать вместе? — ласково спросила Минадора.

— Поужинать? — счастливо рассмеялась Мариэтта. — Конечно, это можно... Только при условии, что ваш гость будет моим гостем.

— Мы все будем с вами, все ваши друзья, — Леван поцеловал Мариэтте руку.

На другой день Леван сидел в своем кабинете и, не поднимая головы, работал. Вечером, сдав материалы редактору, он поспешил домой. Впервые за время работы в редакции им владело чувство испол-

ненного долга, и ему хотелось поскорее поделиться с матерью своими впечатлениями.

Дома его ждала телеграмма от Шота: «Утром скончалась Мариэтта. Не вынесла бедняга такой большой радости. Надеюсь, отдашь последний долг и приедешь на похороны».

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

Жил по соседству парень...

КАЖДЫЙ год в начале лета, когда сочные, нежные ягоды хартуты¹, наливаясь соками земли и солнцем, становились молочно-золотистыми, приобретая неповторимый аромат и медовую сладость, Георгий, как бы он ни был загружен и чем бы ни занимался, откладывал все свои дела и, набрав в воскресенье полную сумку снеди — несколько бутылочек доброго вина, пахучую зелень, нежные, дышащие утренней прохладой огурчики, вареную курочку, молодой имеретинский сыр и несколько длинных грузинских хлебцев — «шотис пури», — направлялся в Харпухи², где прошли его детство и юность.

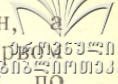
До бирюзового здания знаменитой серной бани — «Чрели абано» Георгий добирался на автобусе или такси, а затем медленно подымался в гору по узким, горбатым улочкам к развалинам старой крепости Нарикала. Шел, любуясь знакомыми с детства и милыми сердцу домишками с висячими деревянными балкончиками, поражающими воображение тончайшим кружевом резного орнамента.

Шел Георгий, весь находясь во власти «давно прошедших чудных дней». А вспомнить было что...

...Выстроенный из тонкого грузинского кирпича двухэтажный дом Пето Намгаладзе, в котором вырос Георгий, стоял в хорошо ухоженном дворике, походившем, если смотреть сверху, на раскрытую ладонь.

¹ Хартута — лучший сорт ягод шелковицы.

² Харпухи — один из районов старого Тбилиси.

Когда-то на втором этаже дома жил хозяин, комнаты рядом занимала семья Георгия. На первом же — жили ремесленники, которым Пето сдавал по одной комнате: сапожник Арифа, мастер музыкальных инструментов Сесиа, шапочных дел мастер Митуа, фельдшерница Тамро и каменщик Джурха.

Посреди двора был водопроводный кран, прижатый к стволу ивы, ближе к воротам стояло огромное раскидистое дерево хартуты с широкими листьями. Ветви его были усеяны крупными медовыми ягодами. Под тутой — вбитый в землю грубо сколоченный деревянный стол с узкими скамейками вокруг. Там и собирались под вечер, когда возвращались с работы, мужчины, обитатели дома.

Соседи жили дружно. Только Джурха иногда шумел и сквернословил. Случалось это, когда он бывал навеселе. Вот тогда доставалось от него Чорне³. Чорной прозвали Тамро, видно за то, что лицо девушки цвета старой бронзы с блестящими черными глазами, ее длинные, густые, черные как смоль волосы и тонкий стан напоминали всем красавицу цыганку, танцевавшую под аккомпанемент бубна и шарманки на базарной площади.

Избрав девушку мишенью для своих злых насмешек, каменщик бранил ее, не стесняясь в выражениях. Мол, срамит обитателей двора, прикрываясь профессией фельдшерницы, таскается без разбора по всей округе, глазки мужчинам строит.

Кое-кто в душе соглашался с Джурхой, считая, что неприлично девице на выданье шастать по домам.

— Работа у меня такая, ведь фельдшерница я. Что же мне, отказывать людям в помощи?!

— Кто в нашем дворе живет, пусть честь свою и дома бережет! Здесь люди достойные, — обращался Джурха к Пето, явно рассчитывая на его поддержку.

— Нет, генацвале, не совсем ты прав, — возражал хозяин дома, — перегибает, брат... Слишком ты строг к девушке. Это долг ее — помочь больному. Понимать надо.

— А может, судьба ее девичья такая, — возражали женщины, — ходит девочка, ходит — и на тебе, может человека встретит, замуж выйдет...

¹ Искаженое от русского «черная».

— Как же, -- ухмылялся Джурха, — да у нее / ж еще зуб мудрости не прорезался. Мелочь она

— Это ты брось. Девушка она что надо, — наступившись, возражал Сесиа. — Сказать по правде, дивлюсь я, как это ее до сих пор не похитили.

— Что? Эту закопченную кто-то в жены возьмет?! Да что, вымерли на белом свете женщины, что ли!..

— Ну так что ж, что черная, зато равной ей во всей округе нет, -- воскликнул Гогита, — она же как солнышко сияет...

На какое-то мгновение воцарилась мертвая тишина, а потом раздался гомерический хохот.

— Молодец, сынок, так его, — ласково притянув к себе Гогиту, одобрила его мать.

— Глупая твоя голова, думаешь, все золото, что блестит? — зло огрызнулся Джурха, скосив на мальчика глаза, полные огня.

— Вот так он все время надо мной измывается, — в слезах проговорила стоявшая у крана Чорна. — Людям на глаза показаться стыдно, так и вправду можно в девках остаться.

— Нынче даже красавицам, подобным персику, трудно найти жениха. Кому ты нужна, дрянь, — вконец разбушевался Джурха. — Чумазая старая дева.

— Да ты что мелешь, — разъярился Митуа, — Тамрико только двадцать исполнилось, в самом соку девушка.

— Ах, двадцать! Агу, молочко еще на губах не обсохло, — хихикал Джурха. — Иди, вытру.

— Вот назло тебе замуж выйду! Да не только за человека достойного, но еще и красивого, за сказочного принца, — взорвалась в конце концов Тамро и пулей влетела в свою комнату.

— Пошла вон, образина! Где тут для таких, как ты, сказочные принцы! — взревел Джурха и швырнул булыжник в дверь, за которой скрылась девушка.

— Эй ты, парень, полегче. Это уж слишком, — взорвался Пето, -- мне отец Тамро наказал оберегать девушку. И нечего в моем доме базар устраивать, понял?..

В ту пору тяжело болел дед Гогиты. Старика мучили головные боли, знобило, и он часто сидел под ту-

товым деревом, греясь на солнышке. Соседи покрывали ему голову разлапистыми листьями инжира, их предварительно в холодной воде бившего неода-
ку от старой крепости родника.

Джурха ушел и часа через два вернулся, наловив старику в Куре свежей рыбы цоцхали. Дед сразу повеселел, и соседи были рады, подумав, что дело идет на поправку. Но ночью отец разбудил Гогиту и послал к Тамро, чтоб та старику сделала укол.

Гогита, еще не успев как следует продрать сонные глаза, постучался в окно Тамро. И девушка в ночной сорочке грудью прильнула к стеклу. Сонные глаза Гогиты мгновенно пробудились.

— Что, плохо дедушке? — спросила мальчика Чорна. — Я сейчас.

Мальчик впился глазами в девушку, появившуюся в дверях и успевшую надеть пригнанный по фигуре ситцевый халатик, подчеркивавший ее тонкий стан, высокую, красивую грудь, и запинаясь сказал:

— Не слушай, Чорна, Джурху... Медведь он... Лучше тебя нет никого во всем Харпухи... Подожди пять лет, только пять лет, кончу школу и женюсь на тебе. Пусть посмеет потом слово промолвить, кишки я ему выпущу...

— Спасибо, золотко, — озарив мальчика ослепительной белозубой улыбкой, ответила Чорна, ласково потрепав при этом кудрявые волосы Гогиты.

Гогита почувствовал в словах девушки насмешку. Он резко отбросил ее руку и, прикусив до боли губу, метнулся вверх по лестнице. В ярости он готов был броситься на каждого встречного, но в это время душераздирающий вопль матери потряс его, и он, ничего не видя, помчался вниз, к баням, где был телефон, вызывать скорую помощь.

Врач несколько часов не отходил от деда, но жизнь старика угасала. Под утро, когда первые лучи солнца заиграли бликами на куполе древней бани, старика не стало.

Весь Харпухи провожал в последний путь знаменитого плотовщика. Под заунывные звуки зурны останки усопшего предали земле.

На похороны пришел и врач скорой помощи.

Джурха с раздражением спросил Пето:

— А этому чего здесь надо? Без него не похоро-
ним, что ли? Лучше б спас старика.

— Культурный, видать, человек, пришел в цивили-
заций путь проводить...

Джурха взглянул украдкой в сторону Чорны. Она была в траурном платье и казалась богиней, спустившейся с небес.

— Попался доктор на удочку нашей жабы...

— А тебе какое дело?

— А такое, что за собакой нашего двора мы сами должны присматривать.

— Э-эх, выйти б ей замуж за доктора, вот бы порадовался отец ее, если бы жив был.

— И ты думаешь, дядя Пето, что этот образованный человек польстится на Чорну?! Меня это и беспокоит. Знаю я этих культурных. Раз, два, а потом драпака! Ищи ветра в поле.

— Тише ты, выносят старика. Царствие ему небесное.

* * *

Через несколько дней после кончины деда пришел Джурха с работы раньше обычного. Войдя во двор и размахивая какой-то бумажкой, он громко крикнул:

— Эй, соседи! На курорт еду, путевку дали в санаторий, на море поеду...

— Хорошо!.. Значит, уважает тебя начальство, заслужил, значит! Поезжай, отдохни, погляди на свет и нам добрые вести привези, — наперебой говорили Джурхе соседи...

...Джурха вернулся в воскресенье. Загоревший и отдохнувший, он прекрасно выглядел в новом костюме.

Соседи сидели за столом под тутовым деревом и, заметив курортника, заголосили:

— Ай да Джурха, ай да красавец!

— Ну, как жизнь? Что у вас нового? — спросил степенно Джурха, подсаживаясь к ним.

— Все нормально и новости есть... Мы тут без тебя свадьбу сыграли. Веселую свадьбу, — ответила жена сапожника.

— Свадьбу? Чью свадьбу?

— Да Тамро замуж вышла, Чорна наша.

Джурха позеленел, потом залился краской и медленно поднялся. Вдруг он побелел как полотно и

едва слышно спросил, обведя собравшихся безумными глазами:

— Как это замуж вышла?

— А как выходят замуж, не знаешь? Собрали ей приданое и благословили в путь-дорожку. В свадебное путешествие укатила с мужем. Медовый месяц.

— Как сказала Чорна, так и случилось, — с болью в голосе произнес Гогита, — вышла за достойного человека... Так что можешь успокоиться теперь. Ушла от нас Чорна, совсем ушла...

— Кто он?

— Да тот доктор. Ну, помнишь, на скорой помощи приезжал к дедушке.

Джурха недоумевающе смотрел то на одного, то на другого соседа, потом обеими руками схватился за голову; как ошалелый кинулся к комнате Чорны, упал у дверей, уткнувшись лицом в землю, и зарыдал...

— Боже мой, сынок, ты что, любил Чорну? — взмахнул руками Пето. — Чего же ты бранил ее, поносил на всю округу...

— Не смел ей признаться, не смел... — рыдал Джурха.

— А мы тоже хороши! Не поняли его, ведь по соседству жил парень, рядом. Хлеб-соль делили, — бил себя кулаком в грудь Сесиа.

Долго плакал Джурха, и никто не смел подойти к нему. Потом, совсем обессиленный, он поднялся и поплелся в сторону улицы. Больше его здесь никто никогда не видел...

Много лет спустя кто-то сказал, что перебрался работать он на строительство дома в другой конец города, а в первый же день войны ушел на фронт добровольцем. Ушел и не вернулся. После войны прошла молва по Харпухи, что погиб Джурха у стен рейхстага, совсем немного не дожив до победы.

И Чорну никто здесь больше не видел, точно оборвала она одним махом все, что связывало ее с этой улицей, с этим домом.

...Только Георгий приходит каждый год в начале лета в крохотный дворик Пето Намгаладзе, когда наливается медовой сладостью хартута...

Перевод Луарсаба ЕГОРОВА

●
 РАССКАЗЫ
 ●

Экзаменатор

СТАРШИЙ преподаватель института Нукри Мамагешвили и сам был крайне удивлен, когда его вызвали в ректорат и сказали: «Нынешним летом из города не выезжайте, никому об этом не говорите, а когда вы будете нужны, мы сами с вами свяжемся». Конечно, он был не таким уж наивным, чтоб не догадаться: столь таинственные действия были связаны с приемными экзаменами.

С его средствами, да с целым выводком детей он и так никуда не собирался уезжать. Но сейчас, узнав о том, что дело государственной важности требует его непременно присутствия в городе, Нукри по дороге из института домой убеждал себя: «Ну как это так, чтобы я не сумел вывезти на лето семью куда-нибудь? В конце концов отправил бы в Годогани к Демуру, мы ведь с ним двоюродные братья, вместе выросли. Да что говорить, он бы от радости с ума сошел. Не преминул бы похвастаться перед соседями, что, мол, вот ко мне приехал двоюродный брат, лектор, с семьей... Однако теперь уж я не могу подвести институт!».

На троллейбусной остановке он так размечтался, что даже представил: узнав о том, что Нукри приглашен на приемные экзамены, на него по-иному стали бы смотреть знакомые. Среди них наверняка нашелся бы и проситель: «Не погуби знаний моего ребенка! Если дело обернется совсем плохо и он ответит на три с плюсом, поставь ему четверку — и я весь к твоим

услугам». «Да что ты, братец! Нас сюда пригласили не губить знания, а оценивать их! И когда это было чтоб мы губили знания?!»

Столь тщеславные мысли пришли ему в голову, но, не буду брать греха на душу, ни о какой выгоде он и не помышлял. Более того, он до сих пор искренне удивлялся:

— Эти проклятые деньги, конечно же, нужны, но как брать и на что тратить деньги, заработанные на взятке? Нет уж, братцы, лучше жить так, как я, хоть спокойно спится по ночам.

Следует заметить, что до сих пор Нукри Мамагвишвили еще ни разу не стоял перед реальной опасностью предложенной взятки. Но о том, что он рассуждал именно так, известно наверняка. Медея, жена Нукри, часто восклицала в ответ на его сентенции:

— Да, пожалуйста, спи! А вот что тебе даст этот спокойный сон, мы еще увидим! Когда выпишься, будь добр, зайди в магазин «Динамо» и купи себе, пожалуйста, пару трусов. А то я все боюсь, как бы дети тебя не увидели в таком виде...

Слова эти Медея произносила «спокойным» тоном, в котором чуткий слух мог уловить и нотки накопившейся горечи. Но ведь в человеческую душу следует заглядывать глубже?! А потому главное не в том, что говорила Медея, а в том, что она при этом думала.

А думала она так: «То, что мой несчастный муж честен, это, безусловно, хорошо. Но почему другие нечестны?». Точнее же, Медея думала: «Почему иные нечестные люди в почете?»

Если вы помните, читатель, мы расстались с Нукри, когда он, по дороге из института домой, остановился на троллейбусной остановке. На счастье как раз в это время подошел троллейбус, Нукри собрался было уже сесть в него, как с проводов соскочил бигель.

«Дай-ка я загляну на базар и куплю арбуз, — подумал он и прыгнул на ходу в попутный автобус. — Неужели опять два рубля просят за килограмм?».

Когда жена открыла на звонок дверь и увидела на пороге мужа с зеленым гурджаанским арбузом в руках, к тому же в хорошем расположении духа, она, конечно же, взяла у него арбуз, но не удержалась и съехидничала:

— Что, даром дали?

Другая на месте Медеи благодарно взяла бы /у взмыленного мужа такой огромный арбуз и улыбнулась бы ему: в холодильник, мол, его положили или в ванну? Что следовало понимать так: ты — глава семьи, как скажешь, так и будет. И это было бы и своего рода компенсацией за поднятый с трудом на шестой этаж, без лифта, арбуз, и в то же время она сделала бы мужу приятное, создав иллюзию, что он глава семьи. Что бы с ней от этого сделалось? Ровным счетом ничего!

Подобная хитрость не чужда была Медее. Но сейчас она ни за что не поступила бы так. Почему? Вот об этом я вам сейчас и расскажу.

...Было примерно часов 11 утра, когда ее позвала соседка, жена милиционера, и сказала:

— Звонят из района, просят твоего мужа к телефону!

Удивленная Медея вытерла о передник мокрые руки и зашла к соседям в гостиную, обставленную дорогой арабской мебелью. Она осторожно взяла трубку, лежавшую на маленьком ажурном столике, украшенном бронзовыми розами.

— Алло, алло, слушаю!

— Говорите с Годогани! — почему-то сердито выкрикнула в ответ трубка.

— Да, да! — повторила Медея и вся превратилась в слух.

— Это я, Демур, двоюродный брат Нукри, собираюсь приехать в Тбилиси, дочку буду в институт устраивать. Вот я и звоню, чтобы узнать, будет Нукри дома или нет...

— Да-а, конечно! — только и смогла сказать Медея.

— Ну, тогда пусть встретит меня завтра утром на вокзале, у меня небольшой багаж и...

— Пожалуйста, я передам ему! — разозлилась она.

«Только этого мне еще не хватало, — подумала Медея. — Притащится сейчас сюда все село, приволокут с собой одну дохлую курицу, а ты готовь им в такую жару обеды, корми и пои целый месяц. Хотя вряд ли месяц, его дочь, тоже мне Ньютон, прова-

лится на первом же экзамене. И уедут, а что же здесь еще делать?!»

Это немного подняло ей настроение. «В конце концов не могла же я выйти замуж за безродного», — утешила она сама себя. И вдруг в нос ей ударил подозрительный запах горелого.

— Молоко! — схватилась она за голову, но было поздно. Половина молока уже матово поблескивала на эмалированной поверхности газовой плиты.

Конечно же, эта неудача целиком была отнесена на счет Нукри и его несчастных родственников. Так что до самого того часа, когда на пороге квартиры возник довольный Нукри с арбузом в руках, у Медеи внутри все клокотало в поисках выхода...

Теперь вам должно быть ясно, почему Медея не могла встретить своего мужа вышеописанной невинной хитростью, даже если бы последний держал в руках золотого тельца размером с тот арбуз.

А бедный Нукри тем временем думал о том, когда сообщить жене радостную весть, она же (хоть и трудно мне, но солгать не смогу) думала так: «До еды сообщить ему о приезде его замечательных родственников, отравить ему обед, или после...»

Пока дети весело шумели вокруг арбуза, Нукри наконец придумал, в какую форму облечь новость (поверьте, он тоже не был агнцем):

— Уж очень жарко стало... Я подумал было, не отправить ли вас к моему двоюродному брату в Годогани. Но дело в том, что меня оставляют на приемных экзаменах, а куда вы без меня поедете?!

Все-таки великая вещь инстинкт самозащиты! Не съязви Медея сейчас, ее хватил бы удар. И даже если бы Нукри сказал, что его назначили заместителем министра и что ему дают четырехкомнатную квартиру в Ваке, жене все-таки пришлось бы отплатить ему за предстоящий визит двоюродного брата и сбежавшее молоко. Такова была логика явлений.

— В Годогани? — с сатанинской улыбкой спросила Медея. — Годогани завтра само пожалует к нам, и тебя даже просили быть на вокзале, чтобы встретить гостей!

Эффект был настолько ошеломляющим, что даже у самой Медеи пропало желание мстить и в ней, нако-

нец-то, проснулось чувство, которому, вообще-то, давая поре было проснуться; — чувство жалости к мужу.

«Что ему делать, несчастному, разве ват?!» — как только жена подумала об этом, к ней моментально вернулись и другие человеческие ощущения. А именно: она вспомнила, что муж упомянул «приемные экзамены» и что у него было довольное лицо.

— Ребенка, им, оказывается, надо устроить и...

— Нашли тоже в моем лице «устроителя», — вывалилось у него. — Неужели они узнали, что я в приемной комиссии?

— В какой комиссии? — осторожно переспросила жена.

— Сегодня меня вызвали в ректорат и взяли расписку о невыезде из города, сказали, что сами меня вызовут, — выдал государственную тайну муж. — Но об этом не должен знать никто, знаешь ведь, сколько всяких...

— Господи, конечно, я — могила! — ответила она, тут же предавшись своим, характерным лишь для жен, мечтаньям.

Теперь, читатель, оставим каждого из них наедине со своими мыслями и перейдем прямо ко второму дню, когда в комнату в сопровождении Нукри один за другим вошли загорелый, лет сорока мужчина и засмущавшаяся долговязая девица. Мужчина внес небольшой бурдюк и плетеную корзину, из которой сквозь перетягивавшую ее марлю высовывался длинношей петух.

Не могу утверждать, что встреча родственников была чрезмерно теплой. Однако следует признать и тот факт, что Медея успела взять себя в руки. Так что принятый для подобных ситуаций этикет не был нарушен.

— Брат, Нуго, — вспомнил детское прозвище двоюродный брат, — не совру: приехал в надежде на тебя.

— Да, но... — беспомощно улыбнулся Нукри.

— Нет, подожди, дай сказать. Ты думаешь, я такой дурак, что возьму и потребую: устрой мою дочь за красивые глаза?! Конечно же, нет! Но, ради бога, не торопись корить меня. Вот уже три года я и ее мать и з

зной, и в стужу гнем спину, и все, что мы накопили, вот оно, в этом свертке!

Из кармана рубашки гость достал завернутые в носовой платок деньги и положил на стол. При виде их Нукри подскочил как ошпаренный.

— Что это? Убери, ради бога! Кто их сегодня возьмет, ты что, с ума сошел?

На что гость двусмысленно ухмыльнулся.

— Помнишь Буду? Пока мы учились в школе, он все время в углу стоял... Так вот, в прошлом году устройство еще более дебильного сына ему обошлось гораздо дешевле, чем вот тут лежит...

— Не знаю, возможно кое-где так оно и есть, но только не в нашем институте... — попытался опротестовать услышанное Нукри.

— Эх ты, именно в вашем институте! Ведь поэтому я, собственно, и решил, иначе, как ты думаешь, я бы приехал? Дай бог здоровья Буду, он сделал доброе дело — назвал мне и фамилии, и сколько кому дал. Ты думаешь, он всем говорит?!

Три дня продолжались споры, в ходе которых старший преподаватель Нукри Мамагеишвили защищал престиж своего института от посягательств ложно информированных элементов. Ну, а на четвертый день он капитулировал.

— Послушай, ты-то что теряешь? Ведь ты ничего не берешь? Тебе только тому человеку сказать надо. Возьмется он — хорошо, а нет — так чего же мучить людей, пусть отправляются своей дорогой, — сказала на исходе третьего дня жена Нукри, которой уже изрядно надоело жесткое мясо длинношеего петуха и она не могла дождаться отправления восвояси непрошенных гостей.

Я вновь пропущу несколько дней и прямо перейду к горячей экзаменационной поре.

Случилось удивительное, невероятное.

Дочь годоганца Демура Мамагеишвили получила подряд три пятерки. Сегодня ей предстоял последний экзамен и сдавала она его своему дяде Нукри Мамагеишвили. Естественно, родство держалось в строжайшей тайне, чему в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что никого из членов экзаменационной комиссии не интересовало, кем доводилась абитуриентка

Мамагеишвили старшему преподавателю Нукри Мамагеишвили. Да и почему это могло заинтересовать Мамагеишвили — вон их сколько, полно на свете...

В семье Мамагеишвили царили сложные чувства.

— Представляешь, он взял у меня деньги, — ошарашенный Нукри ходил из угла в угол. — Мне и в голову такое не могло прийти, я его считал порядочным человеком. Неужели он и в другое время так поступает? Или, может, он внял моей просьбе, пожалел меня? Гм, ни за кого заранее не следует ручаться. Я, конечно, тоже виноват. Но ведь они не отстали бы от меня. Это еще мое счастье, а то ведь мог этот человек позвать милицию, и что бы я тогда делал?!

«Кажется, все устроилось, — думал Демур Мамагеишвили. — Неважно, что пришлось потрудиться, так ведь вряд ли на что-либо лучшее можно было бы потратить эти деньги! А что делать?».

Конечно, он чувствовал, что поступил не совсем порядочно и чуть было не впутал в неприятности двоюродного брата. Но упрямое, слепое родительское чувство пыталось заглушить голос совести, и, кажется, небезуспешно.

«Теперь-то они скоро уедут. Ну, а если в сентябре эта девица вновь пожалует ко мне, что тогда прикажете делать?!—думала Медея. — А мой дебильный муж убивался, мол, у нас в институте ничего подобного не происходит. Теперь же, что говорить, и сам ошарашен... Ему-то, конечно, никто ничего не даст. Еще бы, ведь он умрет, но взятки не возьмет...»

...В 11 часов очередную группу абитуриентов пригласили в большую аудиторию и распределили между экзаменаторами.

Нет, судьба определенно выделяла что-то невероятное: годоганская абитуриентка попала к старшему преподавателю Нукри Мамагеишвили.

— Возьмите билет! — строго обратился Нукри к ней и посмотрел в окно.

Как только девушка взяла билет, в дверях аудитории показался ректор. Проректор и секретарь парткома шли следом, словно полководцы.

Ректор обвел взглядом аудиторию и направился к столу Нукри. Тепло улыбнувшись экзаменатору и абитуриентке, он сказал:

— Ну, начнем.

Не знаю, что будет лучше: описать чувства, которые пережил старший преподаватель Нукри Мамагеишвили, когда возле его стола остановился ректор, или же те, которые владели им, когда он своей собственной рукой вывел в экзаменационном листе дочери двоюродного брата «неуд»? А может, довериться искусственному и пронизательному читателю?..

Эпилог

Вот уже третий год старший преподаватель Нукри Мамагеишвили играет на работе в лотерею. И вот уже третий год выплачивает он долг своему двоюродному брату Демуру Мамагеишвили. Супруги надеются, что в декабре нынешнего года выплатят наконец-то весь долг. Если, конечно, квартирант не подведет и заплатит им сразу, как обещал, за полгода.

С л о в о

МОЙ дед, крупный, солидный старик, — профессор фармакологии, бабушка — маленькая, хлопотливая женщина. Ростом еле достает деду до верхней пуговицы пиджака. Туга на ухо, и если о чем-то говоришь с ней, смотрит в лицо с напряженным вниманием. Каждый раз, когда дед выходит из дому, бабушка непременно провожает его. Взяв у двери щетку со старинной подставки из полированного черного дерева, на которой стоит бронзовая статуэтка высокомерного испанского идалго, она начинает чистить от несуществующей пыли полы (выше не дотягивается) дедушкиного пальто.

— Не опаздывай к обеду, Валико!

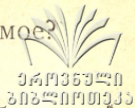
Высокая дубовая дверь тяжело закрывается.

А в комнате продолжается давно начатый спор.

— Женись, сынок, на этой прекрасной девушке, чего ж ты ждешь, тебе уже скоро тридцать, не маленький ведь!

— Она мне надоела, мама, понимаешь, наскучила.

- Разве о Манане ты говорил не то же самое?
— И Манана наскучила.
— А Кетино?
— Ох, она еще больше. Ну и память у тебя, мать!

Молодчина!

Бабушка суетливо входит в комнату. Поправляет передник и готовится мыть посуду. Сняв с безымянного пальца почти совсем стершееся золотое обручальное кольцо, она кладет его тут же, в китайскую вазочку в форме листа.

Мой брат, которому все осточертело, бессмысленно вертит в руках кольцо. Вскинув брови, он внимательно рассматривает надпись на его внутренней стороне: «11 мая 1904 года».

— Бабуль, что произошло 11 мая 1904 года? — с интересом спрашивает он бабушку.

Я громко повторяю вопрос бабушке.

— В этот день я и Валико дали друг другу слово, — говорит бабушка, и глаза у нее начинают светиться.

— Да ну, что за слово? — удивляется внук, и когда до него доходит смысл сказанного, он начинает гомерически хохотать.

А мне становится жаль, что на календаре — год 1974-й.

Повествовательное предложение

ПРИЧИНА спора была столь незначительной, что в другое время они лишь посмеялись бы. Но у нее было такое ощущение, словно эта перепалка продолжала что-то более значительное, существенное, начавшееся давно. И поэтому она захотела до конца разобраться в этом чувстве, чтобы освободиться от него.

— Сама, наверное, и спрятала. Ведь ты так умеешь: положишь куда-то, а потом не помнишь.

— Очень даже хорошо помню. Отдала тебе, чтоб ты спрятал.

— Я не брал.

— И я не брала.

— Почему ты такая упрямая?

— Ну хорошо, я взяла и выбросила.

Спор постепенно перешел в скандал.

«Боже мой, неужели еще лет десять назад я любила этого человека, думала о нем, письма ему писала?» — бросив на него недобрый взгляд, подумала она.

Он между тем выдвинул нижний ящик письменного стола.

— Кто положил сюда? — вызывающе спросил он и замахал перед ее глазами запропастившейся книжечкой.

— Ты! — коротко и зло бросила она и собралась выйти в другую комнату.

— О-о! — вырвалось у мужчины, и он запустил в воздух книжечкой. Описав маленький полукруг, она коснулась виска женщины.

Это было уже чересчур.

Книжечка пересекла черту, за которой совместная жизнь супругов теряла смысл.

Эта мысль одновременно мелькнула у обоих, как только книжечка коснулась виска женщины.

Женщина вздрогнула... и внутри словно оборвалась натянутая струна. Затем ею овладели пустота и спокойствие, словно кончилось бесконечно долгое, тяжелое, тревожное ожидание чего-то.

«Переборщил, -- догадался он, зная ее, — это — конец...» Она спокойно отвернулась. Достала из шкафа щетку, пошарила рукой по полке. Под руку попался тонкий черный свитер. Она взяла его и вышла в ванную.

Прежде чем затворить за собой дверь, мельком увидела широко раскрытые глаза маленькой дочурки.

«Вот почему ты раба, вот из-за кого ты несвободна. Он знает это, надеется, что никуда не уйдешь, не оставишь ребенка».

Невидящим взором уставилась она в зеркало, твердой железной щеткой расчесывая волосы. Рука бессмысленно, механически повторяла движения — от виска к затылку.

«Оставим этот эпизод, он — мелочь, главное — другое».

Чутье подсказывало, что эта мысль могла в конце концов привести к истине, открывать которую ей не хотелось. Иногда эта мысль беспричинно возникала

и раньше, мелькала, пытаюсь развиться дальше, но каждый раз заглушала ее.

В таких случаях она, как правило, вновь перечитывала письма, полученные от него в первые месяцы любви, чтобы хоть ненадолго укрыться под сенью их строк, словно уставший, изнуренный летним зноем и долгой дорогой путник, обретший прохладу под одиноким, стоящим в голой пустыне деревом.

Но вскоре откуда-то предательски выныривала мысль, что чтение писем похоже на плач над одеждой умершего, что это лишь самообман, ибо одежде не под силу воскресить образ умершего.

Она пыталась бороться с этим, пуская в ход логику, разум. Тщетно.

Она стеснялась того холода, с которым встречала ночные ласки мужа, а после злилась на то, что он довольствовался и этим. И ненавидела его за это.

«Неужели ему все равно, кто лежит рядом с ним — влюбленная женщина или бесчувственное, как камень, существо?»

Оставим любовь, должно же было восстать против этого хотя бы его мужское самолюбие? Должен же был он помнить, что были и другие ночи, другие слова, другие чувства, — куда они подевались и почему? То, что осталось от этих горячих чувств, женщину оскорбляло так, как если бы ее пригласили на остатки пира. Пустота, оставшаяся вместо чувства, болела, как болит несуществующая стопа ампутированной ноги.

Чем упорнее пыталась она заглушить мысль, что все кончено, тем упрямее она поднималась вверх, напоминая чем-то пробившийся сквозь толщу асфальта росток, который тянется к солнцу.

«А собственно, почему я страшусь этой мысли?!»

«Не хочу знать правды».

«Почему?»

«Да потому, что в таком случае наш союз будет безнравствен».

«А сейчас? Разве по сути что-либо меняется от того, признаю я или умолчу правду?»

«Выходит, что я предпочитаю самообман. Но ведь ложь — это слабость, капитулянтство».

И вдруг все эти разглагольствования показались

ей глупостью. Вдруг она воочию увидела перед собой
«Чувство умерло».

И только.

Обычное повествовательное предложение. В конце
она ясно увидела точку.

Все остальное было несущественно — свыклась бы
или ушла. Бушевала бы или успокоилась. Все равно
было даже то, почувствовал бы муж это или нет. Он
был почти ни при чем, и было бы глупо предъявлять
ему какие-либо претензии.

Чувство родилось в ней, жило в ней — и умерло.

Имело ли вообще смысл выяснять, когда, как и
почему случилось это? Уйди она из дому или остань-
ся — какое это имело значение? Могло ли это что-либо
изменить в непреложности, существующей со дня со-
творения мира: «Родилась, жила, умерла»?

Медленно стянула черный свитер, не приглаживая
более взлохмаченных волос. Надела халат и вышла
из ванной.

«Передумала, — обрадовался муж, — я, конечно,
малость переборщил, но, слава богу, все обошлось».

Л а с к а

ОСТОРОЖНО, на цыпочках входит она в комна-
ту, где спит ребенок. Поправляет одеяло спяще-
му и, чтобы ненароком не разбудить, едва касается
губами лба.

— Мама! — говорит со сна ребенок. — Мне се-
годня не хватило... знаешь, не хватило!..

У матери словно сердце оборвалось: перед мыслен-
ным взором — три позавчерашние котлеты. Опять за-
держалась на работе, не успела обед приготовить...

— Чего, детонька, чего тебе не хватило?

— Лас-ки! — по слогам говорит ребенок и согре-
тыми под одеялом ручками обвивает шею матери.

Замершее на миг сердце словно кто-то подхлест-
нул: оно начинает биться неистово.

Перевод Дали ЦУЛАДЗЕ

ХРОНИКА ОДНОЙ КОМАНДИРОВКИ

П о в е с т ь

Когда веселье кончилось, Саша достал из кармана ключи, отцепил от связки один и протянул исправленному, которому почему-то поверил:

— Будешь жить со мной. Я ведь один, родные в деревне.

— На поруки берете, гражданин секретарь? Под личную ответственность?

Саша опять, на этот раз коротко, хохотнул, затем внушительно сказал:

— Никакой личной ответственности! Я тебе не дамочка из детской комнаты — у меня дела поважнее, на плантациях сборщиков не хватает, чай горит... Просто будешь жить — и все. Если, конечно, устраивает. Но — одно условие...

— Квартиру чтоб не обчистил? — горько и чуть истерично обрадовался «Чугунный зуб». — По-ня-тно!..

— Дурак! — не на шутку разозлился Саша. — Обчищать у меня нечего. Было бы что — так бы я тебе и дал ключ! А условие такое: не устраивать в доме пьянок, девочек не водить и тому подобное. Словом, не компрометировать меня. Понял? Меня начальство не очень-то любит. Если что — пришьют и аморальность, и чего-нибудь еще похлеще. Теперь ясно? ...Да, и не обзывай меня всякими словечками — у меня имя есть. А «гражданин секретарь» — вообще ни в какие ворота не лезет.

«Чугунного зуба» обезоружила не вызывающая сомнений Сашина искренность. Он слишком много повидал в жизни, чтобы «купиться» на дешевую приманку показного доверия. Здесь же почувствовал: никто его покупать доверием не собирается, и все, что сказал секре-

Окончание. Начало см. в №№ 1 и 2.

тарь райкома — включая условие не компрометировать его, он сказал серьезно и без всяких там уступлений воспитательного характера.

Шакро не ошибся. Саша Григолия был далеко не таким простоватым парнем, каким мог показаться на первый взгляд, и привык в серьезных вещах взвешивать каждый свой шаг. Однако это не исключало и неожиданных, принятых под влиянием минуты решений. Возможно, это и было самой привлекательной Сашиной чертой — способность к импульсивному, опирающемуся на одну интуицию действию.

К тому времени, когда я приехал в Ахалсепели, необычный квартирант прожил в комнате секретаря райкома уже больше года. Работал он на совесть и, судя по всему, с охотой. Саша часто не ночевал дома, оставаясь на ночь в каком-нибудь отдаленном селе, но даже бдительные соседки не могли пожаловаться на поведение бывшего «Чугунного зуба».

Больше того: Шакро сделался одним из самых активных дружинников. Он вовсе не стремился доказать этим, что с прошлым покончено. Просто, как все воры, он терпеть не мог хулиганов. В райцентре же борьба с хулиганством составляла важнейшую задачу дружинников — чем ближе населенный пункт к железной дороге, тем больше в нем разной шпаны; а через энск проходила железнодорожная магистраль. Но к одному довольно забавному, а может, вернее — курьезному случаю транзитное хулиганье отношения не имело.

В день Гиоргоба* райком комсомола проводил рейд на предмет выявления молодежи, склонной к участию в религиозных праздниках. Церковь в городке N была небольшая, но древняя, и сюда в иные дни собирались верующие со всего района.

Саша Григолия оставил свой «Москвич» за углом и в сопровождении верного Шакро поднялся по стертым ступенькам. В храме божьем происходило нечто странное.

Столпившиеся перед амвоном старушки и несколько немощных стариков затравленно оглядывались на

* Гиоргоба — праздник святого Георгия.

угол, где торчало несколько великовозрастных лоботрясов и откуда доносились бодрые звуки джазовой музыки. Верующие негодуя крестились, время от времени издавая возмущенные возгласы. Тогда в ответ раздавалось жизнерадостное юное ржание.

Саша мгновенно оценил обстановку. Он молча шагнул в центр поспешно расступившейся группы, ухватил за шиворот роскошной импортной сорочки транзистородержателя и вырвал у него другой рукой прищипок.

— А ну пойдём, — брезгливо велел он парню.

Тот отчаянно дернулся, отскочил шага на два и визгливо запротестовал:

— Чего хватаешься? Отдай транзистор!

Служба прервалась. Верующие во главе со стройным, похожим на мушкетера батюшкой с живейшим интересом следили за ходом событий.

Сдерживая гнев, секретарь райкома спросил:

— Ты меня знаешь?

— А кто тебя не знает! — перешел на крик воинствующий атеист. — Отдай музыку!

— Замолчи и пойдём со мной.

И тут ошалевший юнец сделал глупость, от которой «Чугунный зуб» затрясся в веселой истерике.

— Ты знаешь, кто я? Я — урка!

— В рамке? — живо заинтересовался Шакро. — Ну, молодец. Уважаю! Что ж, пойдём, урка, потолкуем.

Но Саша не нуждался в помощи. Он легонько сдвинул парню руку выше локтя, в результате чего тот сказал: «Ой!» Потом свел его по лестнице и бережно усадил в машину. Саша знал, что «урка» — единственный, причем горячо любимый сын одного из представителей «большой семерки» района и что подобные решительные меры не принесут ему (разумеется, Саше, а не сыну) ничего, кроме неприятностей.

Однако ошибся. Должностной папа, по случаю воскресенья вышедший на звонок в пижаме, удивленно уставился на живописную группу: секретарь райкома комсомола с транзистором в одной руке и его чадо в другой, само безуспешно пытающееся вырваться чадо и позади них безмятежно посверкивающий золотой коронкой Шакро.

— Прошу вас, товарищи! — механически несло высокое лицо и, оправившись от шока,сило уже человеческим голосом: — Да что случилось, товарищ Григолия?

Он тоже не любил Сашу и потому всегда обращался к нему официально, хотя у нас это не очень принято.

— А то, папочка, — внезапно затараторил отпущенный наконец мальчишка, — что он.. он мешает сознательной молодежи бороться с религиозными пред-рассудками! Он..

Папа был умным человеком.

— Помолчи! — велел он чаду и вопросительно взглянул на Сашу..

Тот ответил ему невинным взглядом.

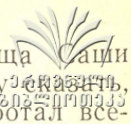
— Я сначала подумал: может, в милицию? Потом решил, что лучше прямо к вам. Исидор Несторович..

Саша коротко изложил суть дела, после чего Исидор Несторович ненадолго удалился из передней в комнату, вынес оттуда широкий офицерский ремень и аккуратно выпорол своего отпрыска, несмотря на громкие протесты последнего, чем и привел «Чугунного зуба» в состояние полнейшей эйфории.

...Естественно, познакомившись с этой историей, я в свое время решил поведать ее широким читательским массам — какой бы иначе я был газетчик? Увы, ничего не получилось. И не потому, что Саша Григолия высказался против моей затеи. Просто когда я попросил друга представить меня «Чугунному зубу», того не смогли найти. Всерайонный розыск, объявленный Сашей, длился пятницу, субботу, воскресенье — и не принес никаких результатов. А в понедельник утром мне надо было быть в редакции.

— Опять закатился, подлец, — сказал, провожая меня к ночному поезду, Саша. — Это уже в третий раз... Знаю, что не ворует и работает тоже честно. Он ведь даже не прогулял, у него в пятницу отгул был. Понимаешь, слово держит — дома себя пайнкой ведет. Но иногда на него находит. Тогда исчезает — пьет. Видишь ли, промотаться полжизни по колониям..

Мне бы очень хотелось подробно рассказать о том, как прошел этот день — обычный день секретаря рай-

кома комсомола и моего хорошего товарища Сашин Григория. Словом «обычный» я вовсе не хочу сказать, что все дни он проводил в разъездах. Но работал всегда одинаково — и забираясь, как сегодня, в крохотные, иные — из пятнадцати-двадцати дворов села горной зоны — Абхазской Сванетии, и сидя за письменным столом в своем секретарском кабинете, в скроенном по стандартному проекту двухэтажном административном здании (наверху, в соответствии с табелем о рангах, — райком партии и райисполком, внизу — райком комсомола, сельхозуправление, комитет народного контроля и т. д.).

Говоря «одинаково», я имею в виду Сашин принцип подхода к тому чрезвычайно сложному (ибо он охватывает в буквальном смысле все без исключения стороны жизни), не менее ответственному (подразумевается, что секретарь отвечает за все — тоже без исключения) и очень часто неблагоприятному делу, которое довольно скучно называется организаторской и политической работой.

Согласитесь положи руку на сердце: читая в газетах о том, что животноводы такого-то колхоза (труженики такого-то завода) получили от каждой сотни овцематок на три ягненка больше плана (выпустили два магистральных электровоза) и что «в основе достигнутых успехов лежит большая организаторская и политическая работа местных партийных, советских, профсоюзных, комсомольских органов и организаций», — вы меньше всего думаете об этой работе.

Два электровоза — это тысячи километров железной дороги, по которой бегут товарные поезда, груженные пшеницей, рудой, лесом, ботинками и прочими полезными и вкусными вещами... А можно ли потрогать руками, попробовать на вкус, ощутить аромат, так сказать, плодов организаторской и политической работы? Казалось бы, конечно, да, конечно, можно, сказано же: «в результате...» Но давайте будем честны перед собой — ведь в будничной, жизненной нашей сутолоке, спешке и обыденности мы как-то не научились видеть зримую, органическую связь между могучим, стремительным электровозом — и протоколом партийного, профсоюзного или комсомольского собрания, свежесве-
выпечен-

ным шотис пури с хрустящей золотой корочкой по краям — и выездным заседанием бюро райкома.

Между тем это большое упущение и несправедливость по отношению к Саше Григолия и его коллегам — не видеть такой связи. Потому что на пути стакана ароматного чая, дымящейся порции острой солянки, хлеба с маслом и виноградной кисти к нашему столу лежат не только нелегкий (порою, скажем прямо, далеко не сладкий) труд животновода, полевода, виноградаря, но и беспокойные ночи работников, которых мы без особых эмоций называем руководящими, экстренные вызовы к начальству, езда по неуютным горным дорогам и разные неприятные слова вроде «обсудим», «разберемся», «придется принять меры», «тревожные сигналы» и тому подобных, отнюдь не способствующих долговечности тех, к кому они обращены.

Саша Григолия всегда работал одинаково — и за своим секретарским столом, и в зале заседаний, и на цитрусовой плантации. «Одинаково» в том смысле, что тяготы труда чаевода он оценивал с точки зрения сборщика этого капризно-изнеженного и невероятно требовательного сырья, мажорно именуемого в прессе «зеленым золотом», беседуя с «чугунными зубами», умел понять, что значит «полжизни по колониям промотаться», а на самых авторитетных совещаниях находил в себе мужество отстаивать собственное мнение.

Иными словами, он мог с полным правом заявить вслед за поэтом, что изучал диалектику «не по Гегелю» (хотя был знаком и с трудами великого немца, и даже, к немалому изумлению посвященных, с учением английского епископа Джорджа Беркли, объясняя эту сомнительную осведомленность тем, что «врага надо знать»).

Может быть, когда-нибудь я расскажу о Саше Григолия по-настоящему. Сейчас мне не позволяет сделать это ясность и локальность задачи, которая передо мной стоит, — довести до конца **хронику одной командировки**.

Пока Саша делал свою секретарскую работу, а Тамрико в каждом из трех сел, где мы успели побывать, возилась с замкнуто-высокомерными, как индейцы, горскими ребятишками или оживленно болтала с

местными женщинами, я вытягивал из Игоря Капанадзе материал для очерка **о том, кто обгоняет время**

Вот как это делается.

Я (профессионально, сдержанно иронизируя над собственными словами): — Ну, давайте для начала познакомимся поближе... Что-то вроде вашей анкеты, что ли... Родились...

Он (с понимающей улыбкой): — Родился в 1950 году, 14 марта, в семье служащего, в Тбилиси. Окончил 43-ю среднюю школу, поступал в медицинский, не прошел по конкурсу...

Я: — Вы говорили, отец воевал?

Он: — Да. Три года. В сорок четвертом был ранен, и довольно тяжело... Потом врачи говорили, что если б не ранение, он бы еще долго жил.

Я: — Простите. Я не знал, что отец скончался...

Он (просто): — Отец умер пять лет назад. Собственно, это было его желание — чтобы я поступил в медицинский. Меня не особенно тянуло, но я подумал: тоже биология, а биология меня интересовала... ну уже в шестом-седьмом классах. Знаете, не хотелось спорить с отцом, он ведь сам был врачом и мечтал о фамильной традиции...

Я: — А как вы попали сюда, на фабрику? Ведь синтетика, как бы сказать, довольно далека от биологии.

Он: — Конечно. Но ведь надо было чем-то заняться.

Я (понимающе): — Зарабатывать, матери помогать, да?

Он: — Нет. Пожалуй, не столько из-за этого, сколько... Мне Евгений Владимирович посоветовал.

Я (заинтересованно): — Ниагвришвили? Значит...

Он: — Да, мы давно знакомы. Он — старый наш друг. Понимаете, они вместе с отцом воевали... Точнее, отец оперировал его, спас от смерти, как говорит Евгений Владимирович. Они подружились там, в госпитале, и когда папа умер, Евгений Владимирович очень нам помог. И с похоронами, и материально... В общем, вы ведь знаете, как у нас в таких случаях бывает.

Я (серьезно): — Да, конечно. А потом?..

Он: — Потом, когда я на экзаменах провалился,

Евгений Владимирович предложил устроить меня сюда, на фабрику.

Я: — А мама теперь одна? ...Простите, это я так спросил, машинально.

Он: — Нет, ничего. Но мама не одна — там брат ее, сестры двоюродные, соседи... Да и летом — я тут уже три года — приезжает. Неделю назад в Тбилиси вернулась, собирается в Москву, к подруге...

Я (с намерением тактично вернуть разговор в нужное русло): — Понятно... И вот вы стали слесарем-сборщиком и...

Он (мягко): — Токарем.

Я (досадуя на свое невежество в производственных делах, которое довольно часто дает о себе знать — ведь рабочего из меня не получилось): — Разумеется, токарем! Я, знаете, профан в таких вещах... Но это же временно — токарем? Вы, кажется, ихтиологией увлекаетесь?

(Увлечение, разносторонность интересов — всегда находка для очеркиста. Хотел бы я встретить газетчика, который не спросит в наше время у интервьюируемого о его хобби!).

Он (задумчиво, потом — шутливо): — Наверно, «увлечение» — не то слово. Я думаю, что стану когда-нибудь настоящим ихтиологом. Ведь я родился в марте, значит — под знаком Рыбы. Вы в знаках зодиака разбираетесь?

Я (чтобы не отвлекаться, хотя эти знаки для меня — «закрытая книга»): — Немного. А чем вас привлекает ихтиология?

Он (застенчиво): — Должно быть, это наивно прозвучит... Но, наверно, романтикой. Понимаете, я иногда во сне вижу: белоснежное научно-исследовательское судно где-нибудь в Южной Атлантике, незнакомые созвездия в небе...

Я (дружелюбно подтрунивая): — ...И вы опускаетесь — один, в ультрасовременном гибком скафандре — на полторакилометровую глубину, в сказочное царство...

Он (все более увлекаясь): — Я много читал о море. У Рэмона Вэсера, сподвижника знаменитого Жака-Ива Кусто, есть очень интересная книга: «Человек и подводный мир». Он там пишет — я запомнил наизусть

— о стометровой глубине: «Это врата в царство фантастики, и они открывают нам путь во владения Игуи». Он еще пишет, что человек имеет лишь неполное, совершенно превратное представление о подводной жизни... Это действительно так! Море — это...

(Игорь прочитал мне целую лекцию об океане и многообразии форм жизни в нем. Я не без сожаления опускаю этот в самом деле захватывающий рассказ, наглядно свидетельствующий о неподдельной увлеченности **того, кто обгоняет время**, ихтиологией, — ничего не поделаешь: тут опять-таки пришлось бы писать отдельное произведение).

Я (памятуя о главной теме будущего очерка): — Понимаю, Игорь, что вопрос — несколько трудный и даже немного странный, но все-таки... Видите ли, все, что вы рассказали, — очень интересно, но... мне нужно **событие**. Понимаете? Событие, какой-нибудь яркий, значительный эпизод из вашей жизни, в котором — пусть это звучит книжно, искусственно, что ли, но это именно так, — в котором проявились бы ваши качества как молодого рабочего наших дней (мы называем это «идущий впереди» или «обгоняющий время»), как вожака молодежи... Без такого эпизода все, что я о вас узнал, останется нагромождением разрозненных фактов, чем-то аморфным... Видите, я, как говорится, раскрываю перед вами подноготную нашей газетной «кухни».

Он (с вполне объяснимой растерянностью): — Какое же событие?..

Я (подталкивая его, откровенно): — Думаете, я знаю?! Хотя... Ну, попробуйте, например, рассказать историю с этим... Марленом, которого вы взяли на поруки. Кто он?

Он: — Марлен — шофер Еремии Шалвовича. До того тоже был шофером, только на грузовике...

Игорь не рассказал мне о Марлене, по существу, ничего нового. Ну, пил, хулиганил, коллектив за него поручился, а директор сказал: «Пусть у меня поработает — моего водителя в армию ведь призвали. Будет все время на глазах, посмотрю, как он тогда хулиганить станет!» Пока что Марлен ведет себя прилично, только вот бирюком живет, на людей рычит почему зря, сами видели... Ничего, остепенится.

Он так и выразился, словно умудренная жизненным

опытом старушка: «Остепенится», — и во мне опять шевельнулось неприязненное чувство к этому не по возрасту положительному и правильному субъекту.

Но в общем я был благодарен Игорю Капанадзе: с иным, бывает, измучаешься, пока вытянешь из него необходимые для очерка факты. А вообще, если говорить серьезно, разве можно сделать настоящий очерк, даже целый день проговорив с человеком? Был такой фильм — «Чужие дети». Его сценарий написан на основе очерка, напечатанного в одной центральной газете. Прежде чем взяться за этот очерк, его автор целый месяц провёл в семье, о которой собирался рассказать. Мы все чуть от зависти не поумирали, когда узнали, как это было. Вот жизнь: месяц «вживаешься» в тему, да еще тебе творческий отпуск дают, чтобы спокойно писал, не отвлекаясь на «текучку»! У нас же, как я уже говорил, срок командировки — два-три, от силы четыре дня. И изволь привезти в блокноте три-четыре материала! Вот почему я всегда буду говорить: молодежная газета — лучшая школа для журналиста. И до сих пор злуюсь, когда мальчики и девочки, прямо из вуза по протекции попавшие в «большую» газету, снисходительно называют нашу «Молодежкой». Не «Молодежка», черт бы их взял, а «Молодой»! От «Молодого рабочего», как называлась наша газета в свое время. Строго и мужественно.

Когда мы отправились в обратный путь, день был на исходе. Снежные шапки Кавкасиони из ослепительно-белых стали тускло-золотистыми — заходящее солнце старательно покрыло их слоем жидкой латуни. Засыпающие вершины, круглый год живущие в царстве зимы, казались близкими — рукой подать. На самом деле они были в нескольких дневных переходах: горы всегда обманывают неопытного путника. По нервно подрагивающим темным доскам «колхозник» осторожно перебрался через стремительный поток, с размаху врывающийся тяжелой ртутной струей в темную грудь вздувшейся Кодори.

Пьяняще-чист был острый холодный воздух. Гордо стояли мачтовые сосны — прямые, как взгляд честно-го и смелого человека. Благословенный край! Если понастроить здесь туристских отелей, связать изумрудные склоны — неистощимые кладовые кислорода — сталь-

ными нитями канаток, провести благоустроенные асфальтовые дороги, то куда там будет до этих прекрасных мест каким-нибудь швейцарским или итальянским Альпам!

Увы, если бы...

Перед тем как сесть в машину, мы попрощались с семьей, живущей в доме, рядом с которым отдыхал наш «колхозник». Семья в полном составе — высокий, широкоплечий отец, чуть пониже его — жена, рослая светловолосая сванка, и, в порядке старшинства, пятеро детей — чинно сидела перед домом на толстенном, больше метра в диаметре, бревне. Глава семьи неторопливо встал:

— Кетили гза!*

За ним поднялась хозяйка (до этого она вынесла нам солидный круг мчади, кусок овечьего сыра и бутылку жипитаури, и, разумеется, отказалась взять деньги) и тоже гортанно-певуче пожелала доброй дороги. Следом, строго по старшинству, повторили обряд прощания дети. Затем все вновь уселись на свои места.

Прежде чем мы отъехали, из-за поворота улицы-дороги, вынырнув из подступившей к самому селу ореховой рощи, вышли несколько шумных и беззаботных, как птицы, туристов: через село проходил один из маршрутов. Среди них были девушки; две — в купальных костюмах.

Стец семейства при виде такого безобразия молча встал, плюнул себе под ноги и ушел в дом.

И — хотите верьте, хотите нет — вслед за отцом и матерью, в точности их копируя, то же самое сделали дети! Они поднимались с бревна по очереди — будто грибы, мал мала меньше, как по волшебству, выскакивали из-под земли. С особой тщательностью выполнил эту процедуру замыкающий семейную шеренгу сван чрезвычайно неприступного вида и лет трех от роду. В широчайшей своей шляпе он и в самом деле был точь-в-точь шагающий вперевалку аппетитный белый гриб.

Тамрико звонко рассмеялась, Игорь рассудительно сказал:

— Носи шапку по обычаю страны, в которую пришел гостем.

* Кетили гза (груз). — доброй дороги.

Трудно было с этим не согласиться. Но меня охватило недоброе чувство к «обгоняющему времени», торый так правильно строил свою двадцатидвухлетнюю жизнь и на все ее случаи имел безукоризненно верные суждения. А еще я злился на него из-за Саши: тот, проживший весь свой сегодняшний трудный день на одном дыхании, увлеченно, с полной отдачей сил, теперь спит.

И потому я задал не очень-то остроумный вопрос:

— Да, а каким, собственно, образом вы оба сегодня — не на работе?

— А я, собственно, использовал один из полагающихся мне трех отгулов...

Черт, неужели он догадывается о причинах моей недоброжелательности к нему?

— Меня Еремия Шалвович сам отпустил, я не просила! — оправдываясь, как школьница, принялась объяснять ничего на этот раз не понявшая Тамрико. — Точнее, не он, а Евгений Владимирович. Я нечаянно — дверь не была до конца закрыта — подслушала. Он сказал: «Отпусти ее, Еремия, пусть проветрится. Думаешь, ей весело в этом предбаннике целый день сидеть?» Он так смешно это сказал, я и запомнила почти наизусть! — Тамрико вновь рассмеялась — вспомнила, верно, как говорил Ниагвришвили. Потом сделалась серьезной, сказала почти проникновенно, с удивившей меня глубиной чувства: — Он очень хороший — Евгений Владимирович! И сделал нам много добра... Знаете, папа давно болеет, так он ему путевку достал в Трускавец, хотя папа к фабрике никакого отношения не имеет, в колхозе трактористом работает...

— Но почему? — заинтересовался я. — Вы, может, родственники Ниагвришвили?

— Нет, — сказала Тамрико. — Просто у него своих детей нет. А он детей любит. Он очень добрый...

Стемнело. «Колхозник» выбрался наконец из лабиринта холмов, теснящихся за одинокой усадьбой Абе-ла Арчвадзе, и весело побежал навстречу поселковым огням.

Вечером мне пришлось быть гостем Бичойиной «Пармской обители». Он явился в наш номер совершенно трезвый, чопорно произнес:

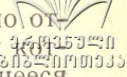
— Батонебо, вам предстоит серьезное испытание. Моя милая тетушка пронюхала, что в славном городе Ахалсопели находятся два высокопоставленных идеинный вождь и вдохновитель районной молодежи и представитель республиканской прессы. Я же имел глупость заявить, что вы оба, глубокопочтимые сэры, — мои закадычные друзья, и мне было велено доставить вас живыми или мертвыми... Не завидую, но прошу не отказывать. Иначе эта дура окончательно перестанет меня уважать.

Саша, успевший залезть под простыню, виновато развел голыми руками, что означало: как собака устал, а завтра вставать чуть свет... Я был вынужден подчиниться.

Против ожидания, скучать в «Пармской обители» не пришлось.

Мы сидели вчетвером в очень уютной гостиной, смотрели телевизор и лакомились отлично приготовленным сациви, запивая его легким цоликаури. «Лакомились» и «запивали» преимущественно я с хозяином — Абрамом Мошиашвили, который с первой же минуты пришелся мне по душе. Его жена, двоюродная тетка Бичойи, Нэстан Тариэловна больше выполняла роль связующего звена между столом и кухней, откуда приносила все новые и новые яства (здесь были дымящиеся хачапури, хрустящие золотистые «спички» — мелко нарезанная картошка, джонджоли и огурчики домашнего соления, бадриджаны с орехами и — венец ужина — восхитительные табака; это — не говоря о роскошном «наполеоне» и различных сортах варенья, которые я поспешил горячо расхвалить, без труда завоевав грубой лестью сердце хозяйки). Что же касается самого Бичойи, то он, как и большинство пьющих горькую, почти не ел, а веселое легкое вино прихлебывал с уже знакомой мне гримасой отвращения. Когда на столе практически не осталось свободного места, Нэстан Тариэловна вернулась из кухни уже с пустыми руками, без передника, в изящном темном платье (возможно, несколько излишне для ее возраста открыто, но тут я не судья) и села вместе с нами. Бичойя через минуту поднялся, промолвил «пардон», вышел. Тетка проводила его внимательным взором, однако ничего не сказала.

На мой взгляд, племянник был чересчур строг по отношению к ней. Ну, пусть уют, насажденный в этом тедже, скроен по принципу: место — вещам, оставшееся — людям. Ну, допустим, слишком уж «интеллигентны» манеры хозяйки: пухлый мизинчик изящно отставлен от кофейной чашечки, а непрерывные «угощайтесь, батона Гиви» и «простите за скромный стол» начинают надоедать. Ну, импортированная непосредственно из Чехословакии люстра («мы побывали с мужем за границей в прошлом году — какая там везде чистота!») не очень гармонирует с мебелью, а откровенная неприязнь к женам других итээровцев («представляете? Жена директора не желает уезжать из Кутаиси — поселок, видите ли, ее не устраивает! Тоже мне бомонд!») смешна... Что тут особенного? Стремление к уюту, слава богу, давно уже перестало причисляться к явлениям антисоциальным, и нет ничего страшного в чисто женском желании перещегоолять в «респектабельности» остальных дам тесного поселкового общества. А уж в сочетании «Нэстан Тариеловна»*, над которым так потешается Бичойя, его тетушка и вовсе не виновата — ведь не она, в конце концов, придумывала себе имя!

Хозяин нравился мне просто так, без всяких скидок, — разве что вызывал к себе жалость, которая, как почему-то принято считать, унижает человека. Был Абрам Мошиашвили долговяз и сутул, с длинными руками, честными широкими ладонями, с унылым висячим носом и печальными черными глазами, смотрящими по-детски вопрошающе, чуточку виновато. Свою супругу он называл «Нэстанчик», причем повторял это ласкательное имя через каждые два-три слова, так что речь его напоминала птичий щебет:

— Я бы хотел еще кусочек цыпленка, Нэстанчик... Спасибо, Нэстанчик!.. Как ты думаешь, Нэстанчик, завтра не будет дождя?

Мы беседовали о погоде и космических полетах, нездоровой политической обстановке в Китае, загрязнении атмосферы, низком качестве отечественной обуви и о том, что молодежь нынче не та. Абрам во всем соглашался с женой, а также со мной и Бичойей (послед-

* Нэстан, Тариел — имена главных героев поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

ний уже трижды ненадолго удалялся из комнаты и возвращался все более оживленный; взгляд, который сопровождала его Нэстан Тариэловна, из внимательного сделался бдительным, затем тревожным и наконец пронзительным).

— Да, конечно, — кивал лысоватой головой бывший шофер, ныне инженер-экономист, на какое-нибудь очередное вздорное заявление супруги. — Что верно, то верно: погода теперь совсем не та. Вот лет десять назад...

— Я и говорю, — с готовностью подхватывал он презрительную реплику племянника, — климат — климатом, спутники — спутниками. Какая связь?!

И все-таки он вызывал к себе симпатию. Наверно, подкупающей своей незащищенностью (мы всегда симпатизируем таким людям — их ведь можно не опасаться), а также тем, что привычка безоговорочно капитулировать перед железным характером «Нэстанчика» явно зиждилась не столько на собственной его бесхребетности, сколько на юношеской влюбленности в жену. Абрам Мошиашвили, несомненно, до сих пор обожал эту маленькую пятидесятилетнюю женщину с резкими мужскими повадками, скачущим воробьиным взглядом и высоким до пронзительности голосом.

Между тем я начинал понимать, в силу каких причин первая дама Ахалсопели решила заполучить меня в качестве гостя. Сначала загадка казалась неразрешимой: матери и тетки пьющих сыновей и племянников обычно терпеть не могут их приятелей, не без основания полагая, что все они — такие же забулдыги и нечестивцы.

Когда выпито и съедено было, по мнению хозяйки, достаточно, она задумчиво произнесла:

— Как сложно устроена наша жизнь! И сколько в ней несправедливости!.. («Святая истина!» — воскликнул развеселившийся Бичойя; награжденный испепеляющим взглядом, криво усмехнулся, однако продолжать не стал). — Подумать только: одним все само собой в руки дается, а другие век спину гнут — и хоть бы кто их заметил!

Нэстан Тариэловна помолчала, скорбно поджав губы, и продолжила свою мысль: — Не-ет, я давно поняла — дело не в том, как человек работает, какую

пользу обществу приносит... Просто надо уметь показать — вот и весь секрет!

Абрам Мошиашвили виновато уткнулся взором в недоеденный кусок «наполеона».

— Вот посмотрите на этого человека, батона Гиви! Четыре года он самоотверженно трудится на одной и той же должности. И сверхурочно на работе сидит, и на дом бумаги таскает... А толку?! ...У вас кофе остыл, дорогой гость. Сейчас я свежего принесу. А ты, — она ткнула в мужа пальцем, — так и сиди. Сиди — жди, пока тебе повышение на подносе принесут! ...Сию минуту, батона Гиви! — несмотря на мои протесты, хозяйка решительно удалилась.

Абрам Мошиашвили оторвал глаза от тарелки, сделал попытку лихо нам подмигнуть, что у него, скажем прямо, не получилось. Бичоёя с мексиканским выражением лица горячо зашептал:

— Дядя Абрам, я тебя научу, как ее обуздать! Слушай и запоминай. Только она начнет заводиться, ты — хлоп ладонью по столу, вот так, — и грозно: «Что с тобой?» Она удивится, замолчит на секунду — не давай рта раскрыть, продолжай: «Ты что — с ума сошла?!» Потом — еще громче: «Вот еще!» И — во весь голос, как из пушки: «Все!!!» — да ка-ак жажни со всего размаха, чтоб посуда зазвенела! Вот гляди... — Бичоёя занес руку. Но тут на пороге возникла Нэстан Тариэловна — и он позорно на ходу перестроился, сделал вид, что приглаживает волосы. Заметил мою усмешку, пожал плечами: конечно, мол, со стороны смотреть — каждый герой! — и немедленно, сказав «пардон», исчез.

На этот раз тетка не обратила на него внимания, поставила передо мной чашку с кофе:

— Вот — прямо с огня. Вы опасный человек, батона Гиви, как же — представитель прессы! Не понравится вам кофе — еще пропишете в своей газете...

Она неумело изобразила заразительный смех. Мы с Абрамом вежливо захихикали. Ободренная успехом, Нэстан Тариэловна увлеченно «гнула свою линию»:

— О, газета — великая сила! В наше время это понимает любая передовая домохозяйка. Вот в прошлом году в нашей районной прессе раскритиковали работу

кинотеатра — и что вы думаете? На другой день сиди директора! Но бывает и наоборот...

Людей, мечтавших «попасть в газету», я встречал достаточно, однако еще никто не хлопотал об этом с такой умилительно-наивной откровенностью, да к тому же — за собственного мужа. Это кого угодно могло бы растрогать.

Вернулся Бичойя, тяжело плюхнулся рядом со мной в импортное вишневое полукресло. Он был пьян, и я шепотом спросил:

— Были сегодня на станции?

— На станции? — недоуменно воззрился на меня Бичойя. — А-а! Нет, сэр! Увы, этот Гобсек от прилавка мне больше в долг не поверит, я знаю.

Это «я знаю» прозвучало довольно громко, и тет-ка, прерванная на полуслове («...оценить по заслугам человека, своим трудом поднявшегося от простого шо-фе...»), напустилась на него:

— Ну что? Что ты знаешь?

— Я знаю только то, что я ничего не знаю! — высокомерно парировал Бичойя.

— И тебе не стыдно?! Пять лет учился в высшем учебном заведении, получил диплом — путевку в большую жизнь...

— Жизнь! — неожиданно трезво и серьезно сказал Бичойя. — Что вы знаете о жизни, а тем более о ее неизбежном логическом завершении, господа и дамы? Я имею в виду Ее Величество Смерть...

— Боже мой, Бичойя! Ну как тебе, в самом деле, не совестно? За столом — и о смерти... Это же неприлично!

— Почему, черт возьми? — обозлился Бичойя. — Почему неприлично? Смерть — не раздавленный таракан и не дохлая муха, уважаемая тетушка, чтобы о ней было неприлично говорить за столом! Итак, на повестке дня — вопрос о Жизни и Смерти...

Он был очень пьян, я только теперь как следует разглядел, но далек от шутовства — этой хрупкой защиты, к которой обычно прибегают алкоголики, имевшие несчастье родиться людьми чуткими и впечатлительными и потому страдающие от своего презираемого всеми недуга вдвойне.

Абрам Мошиашвили смотрел на Бичойю с печальной жалостью, и она мне была понятна — именно так

и должен был реагировать на происходящее подобно складу. Но когда Нэстан Тариеловна, попытавшись осадить зарвавшегося племянника, перестала плести свою дипломатическую сеть и молча исчезла из гостиной, я вдруг впервые за время нашего знакомства испытал острое чувство вины и тревоги за Бичойю. Что, в общем-то, ждет этого далеко не глупого и уж во всяком случае незаурядного человека?

Но что его может ждать?

Он начал пить отнюдь не в силу каких-либо драматических обстоятельств — скорее наоборот, оттого, что жизнь шла легко и беззаботно, катилась себе веселым, пущенным под уклон теннисным мячиком. Так, по крайней мере, казалось со стороны... И не останавливался по той же причине.

Бичойя сидел на краю полукресла, вытянув нескладные ноги, с усилием удерживая голову на расстоянии от спинки, — и не замечал своей неудобной позы. Он тяжело ворочал непослушными остекленевшими глазами, переводя их с Абрама на меня и обратно, безуспешно пытаясь хоть ненадолго зафиксировать взгляд. По-моему, он даже не надеялся получить ответ на вопросы, которые мучили его бедный воспаленный мозг.

— Жизнь... Смерть... Вы скажете, сэры, что банально ставить такие проблемы, и будете правы. Но... — Бичойя хотел возвести руки к небу — и чуть было не сполз на ковер, я едва успел поддержать его. — Благодарю вас, милорд! — с достоинством сказал он, уселся прямо. — Вы знаете, когда между тремя и четырьмя часами ночи... Кстати, почему — именно в это время? Вы не можете ответить? Я тоже не могу... Да, когда, разбуженный безжалостным толчком в солнечное сплетение сознания, я вдруг просыпаюсь и ощущаю во рту химический привкус смерти, и за окном — равнодушные звезды, и мысль холодно, с жестокостью насекомого твердит: «Ты один... ты один... Ты и умрешь когда-нибудь вот так — совсем один, потому что все умирают в одиночку, даже если над ними склонилось десять человек...» Так вот... О чем я говорил? — Он с жалобной улыбкой потер затылок, заглянул в глаза мне, Абраму. Мы молчали, не зная, что сказать. Потом Абрам сочувственно произнес:

— Я понимаю, Бичойя... Что верно, то верно. Ты не думай...

— Вот! — обрадовался Бичойя. — Вот-вот: «Не думай!» Не думай, человек, что тебя ждет, потому что ты и без того это знаешь и изменить — не в силах... Никто — не в силах, и всех ждет — одно... Да, уважаемые сэры, когда вы просыпаетесь между тремя и четырьмя утра... А может, ночи? В том-то и ужас этого времени — оно находится на стыке жизни и смерти. Оно неопределенно и сродни небытию. Это час великих мечтателей и самоубийц... Хотите, джентльмены, я скажу вам, чем страшна Смерть? — он с неожиданной стремительностью встал, качнулся, ухватился за край лакированного, под орех расписанного стола. — Нет, не мыслью, что ты не выполнишь своего предназначения на земле, а тем более — так называемого долга перед обществом и людьми! Это всего лишь хитрая выдумка опрятных лекторов из «Цодна»*. Я ничего никому не должен — кроме доброй официантки Заиры... А «предназначение» — что ж, если вы его не выполнили, то, значит, именно в этом оно для вас и заключалось! Каково, а? Как вам нравится подобный силлогизм? — Бичойя демонически расхохотался, замолк, постоял, покачиваясь на ногах-ходулях, и с неожиданной силой заключил: — Страшно лишь одно: перед Смертью будет только Страдание — одно голое, ничем не прикрытое последнее Страдание, неважно, в каком обличье оно к вам придет — боли, удушья, сумасшедшей скачки мыслей или беспредельного ужаса! Только это и страшно по-настоящему: будет одно сплошное Страдание, а потом — Ничто! — Он вновь сделал бесплодную попытку задержаться взглядом на ком-нибудь из нас, сбиженно спросил: — А ведь это несправедливо, сэры? Разве...

Но, видимо, так уж устроено в жизни: момент, когда сила трагизма происходящего на сцене достигает кульминации, в зале кто-нибудь непременно скрипнет стулом.

— Выпил! — донесся откуда-то со двора пронзительный вопль, в котором с трудом можно было узнать

* Цодна (груз.) — знание. Бичойя имеет в виду одноименное Общество по распространению политических и научных знаний.

голос первой дамы поселка. — Все выпил, бесстыжие твои глаза!..

Начиная догадываться, в чем дело, я вопросительно взглянул на Бичойю, а нечестивый хохот уже рвался из меня.

— Увы, — подтвердил он, с удивительной легкостью возвращаясь к обычному ампула. — Все одиннадцать бутылок, причем до последней капли... Но мою очевидную вину смягчает одно важное обстоятельство — наливка была дрянная...

Итак, третий день моей командировки закончился скандалом в благородном семействе. Бичойя ночевал на свободной кровати в нашем «номере». За ним, деликатно помахивая гибким черным хвостом, в гостиницу пожаловала Багира. Мы ее не прогнали.

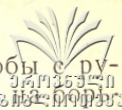
ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Когда спасение утопающих — забота самих утопающих ● Самосвалу нужен водитель ● Пешком по воде ● Бичойя, как всегда, острит ● «Шен хар венахи...»* ● В моем блокноте — усмиренная стихия

Летнее буйство Кодори, регулярно повторявшееся каждый год, стало настолько привычным, что кто-то, как вы уже знаете, с холодной злостью окрестил его «календарным ЧП». Однако та критическая точка, когда половодье превращалось в наводнение, неизменно являлась для людей неожиданностью — сколько бы они ни готовились к ее встрече. Да и то сказать: какое это иначе было бы ЧП? Чрезвычайные происшествия всегда происходят внезапно — таков, если здесь уместно подобное сравнение, непреложный «закон жанра». Но на этот раз не обошлось без известных отклонений от общего правила.

В частности, Саша Григолия проспал начало наводнения самым бессовестным образом. Накануне, разбуженный нашим с Бичойей появлением, а затем деликатным, однако достаточно настойчивым визитом Багиры, он долго, подвывая от удовольствия, смеялся над историей обнаружения и ликвидации тайника Нэстан

* «Шен хар венахи...» («Ты есть лоза...») — начальные слова древнего грузинского песнопения, восславляющего виноградную лозу.

Тариэловны. И потому сейчас вместо того, чтобы с рывково-водящими криками организовывать молодежь, я, как будто с разбушевавшейся рекой, немзыкально посапывал своим мингрельским носом на матовом греческом лице, уткнувшись им в чахлую гостиничную подушку. Бичо́й же, который бодрствовал, проснувшись «на стыке жизни и смерти» — между тремя и четырьмя, мрачно просидел полночи на узкой казенной койке в позе роденовского мыслителя, но с сигаретой в зубах. Он и услышал первым торопливый стук Тамрико в дверь и ее возбужденную скороговорку:

— Вставайте! Вставайте же — Кодори разлилась...

Через несколько минут мы впятером (я считаю и Багиру) бежали к реке.

...Теперь, прежде чем продолжать повествование, необходимо сделать некоторые пояснения.

Начну с того, что мне следовало понимать давно, но что я понял по-настоящему, лишь непосредственно столкнувшись с событиями, имевшими место в поселке Ахалсопели и его окрестностях в первых числах августа 1971 года.

Любое событие — в смысле его значимости и весомости последствий — можно расценивать по-разному; да так оно, собственно, всегда и бывает.

За пределами Грузии о наводнении, очевидцем которого мне пришлось стать, узнали считанные единицы.

В масштабах республики оно отозвалось негромким эхом скромной — строк на восемьдесят — заметки информационного телеграфного агентства, озаглавленной... совершенно верно: «По законам мужества».

Объем многочисленных докладных и объяснительных записок, поступивших из разных организаций в соответствующие ведомства, был, само собой, значительно солиднее, что, кстати, на данном конкретном отрезке времени не привело ни к каким результатам.

Жители N-ского района — в особенности, естественно, те, кто самолично сражался с рекой, — говорили о «календарном ЧП» в продолжение почти месяца.

А для некоторых людей оно имело весьма далеко идущие, даже фатальные последствия.

В подобной неравнозначности резонанса, вызванного одним и тем же событием в различных географических пунктах и применительно к судьбам разных лю-

дей, нет никакой несправедливости. В конце концов трагическое сообщение о землетрясении где-нибудь на островах Океании, унесшем тысячи человеческих жизней, даже не лишает нас аппетита; зато засорившийся мусоропровод в течение недели остается темой взволнованного обсуждения жильцов целого подъезда многоэтажного дома... Это не только не несправедливо, а даже хорошо, ибо иначе просто невозможно было бы жить.

Я не собираюсь просить прощения за многословность: такое отступление было нужно хотя бы потому, что оно поможет вам понять (а ведь понять — значит простить, неправда ли?) некоторую фрагментарность моего дальнейшего рассказа.

Тамрико сообщила нам о наступлении критической точки, когда половодье превратилось в наводнение, около семи утра. К этому времени река, выйдя из берегов, успела залить десятка полтора гектаров колхозных пастбищ и вплотную подступила к посевам кукурузы. Еще через час мутные волны захлестнули первые метры владений «королевы полей», а примерно к девяти под угрозой оказались наиболее низко расположенные поселковые дома.

Тогда и началась главная работа. Она длилась до ночи.

Это был тяжелый день. Около полудня примчался на мотоцикле Саша Григолия (позже я узнал: он ездил за помощью в одно из сел, где мы были накануне), отчаянно ругаясь, сообщил мне, что районное начальство «только сейчас проснулось», — хотя наводнения ждали давно и как будто готовились к нему... Так или иначе, но автомашины с людьми и техника подоспели из райцентра лишь на исходе дня, когда «календарное ЧП» было уже при последнем издыхании.

За это время и произошло все, о чем я должен рассказать и что сумел записать в свой блокнот способом, пусть не числящимся среди признанных видов скорописи, зато много более экономичным, чем стенография.

Каждый газетчик знает: порою два-три слова в блокноте несут в себе куда больше информации, нежели иные исписанные сверху донизу страницы. Я говорю, в сущности, все о том же «стержне», на который нанизываются «мертвые» сами по себе факты. Взаимодействуя, они, как в индукционной катушке, рожают высо-

кое напряжение жизни, зафиксированной в слове. Такие записи бесценны, ибо можно свободно без них обойтись. Здесь нет парадокса (как нет и «громких» слов, если «бесценны» — правда, то пусть вещи называются своими именами): к чему заносить в блокнот события, оставившие след в душе?

Не стоит тратить место на подробную расшифровку первой записи: «Совсем как у Ильфа с Петровым — «Дело спасения утопающих — дело рук самих утопающих». Поселок, фактически, предоставлен себе...» Об этом я уже говорил, а корни выявленного стихийным бедствием головоуятия были вскрыты и изучены много позже. К тому же разговор на такую тему выходит за рамки моей задачи. Вот смысл второй записи я раскрою.

«Повредил руку и вышел из строя — во всяком случае, сидеть за рулем не в состоянии — водитель самсвала... А дорога каждая минута, каждая машина на счету — река заглатывает камень и щебень целыми кузовами... Тамрико вдруг радостно закричала: «Игорь! Где Игорь? Он же водитель третьего класса!...» Через некоторое время я сделал торопливую — чтобы не затерялась в сутолоке стремительно сменяющихся впечатлений ассоциативная связь — приписку: «Добросовестное, даже творческое отношение к труду, так называемая общественная активность, начитанность (черт бы побрал это дурацкое слово! «Начитаться» звучит как «нажраться»), разносторонность интересов, целеустремленность и прочие апробированные качества «обгоняющего время» — еще не главное. Они еще не делают героя. Для того чтобы быть героем, надо прежде всего быть человеком. ...Это — главное. Остальное — домыслится».

Поспешность, с которой я сделал эту запись, была продиктована боязнью упустить наиболее важное — не самый факт, а его осмысление, вообще вызванные им к жизни оценки явлений, в том числе и мимолетную злость к любителям пощеголять заголовками прочитанных модных или, напротив, малоизвестных книг... Словно и здесь действует закон перехода количества в качество, и достаточно какому-нибудь тупице загрузить свободные клетки своего серого вещества литературным ширпотребом, чтобы превратиться в так назы-

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

ваемого интеллектуала! ...Лишь позже, немного «отодня», отключившись от бешеного темпа того сумасшедшего дня, я с удивлением подумал: а для чего, собственно, мне было спешить записывать мелькнувшую (кстати, далеко не новую, просто впервые лично прочувствованную) мысль о том, какие качества необходимы герою? Ведь было уже ясно — очерку об Игоре Капанадзе не суждено красоваться на третьей полосе нашей газеты... Ясно, тут сделала свое дело привычка, если хотите — инерция профессионального мышления. Однако расскажу, наконец, что же все-таки произошло.

Так же, как в масштабах республики все наше «календарное ЧП» в целом явилось лишь каплей в море событий того дня, вполне заслуженно удостоившись восьмидесятистрочной заметки, — так и внутри самого чрезвычайного происшествия, по ходу развития событий, возникали, чтобы сыграв отведенную им случаем роль, тут же раствориться в прошлом, события-малютки, локализованные во времени и пространстве, захватившие и увлекшие за собой ограниченное число людей. Соотносительно с наводнением в целом это были только эпизоды. Для тех же, кто представлял собой «опорную стену» недолговечного строения эпизода, — для людей — минуты его существования были минутами их жизни.

Когда Тамрико, успевшая изрядно вымокнуть и в кровь исцарапать руки, выкрикнула имя своего жениха, те, кто был рядом, инстинктивно обрадовавшись предлогу ненадолго прервать работу, принялись искать его глазами. На свое несчастье, Игорь Капанадзе оказался поблизости.

— Садись! — распахнула Тамрико дверь кабины — ей, конечно, было приятно увидеть любимого в роли человека, который нужен всем. — Ты поведешь машину!

Но Игорь не торопился следовать ее призыву. Он откинул, как это делают люди, занятые грязной работой, сжатой в кулак рукой волосы с запачканного чем-то высокого лба и улыбнулся своей привычной спокойной улыбкой:

— Прости, Тамрико, но это несерьезно. У меня есть другие обязанности. Я секретарь комитета комсомола и должен вести за собой людей.

— Вести? Ха! — слышался невежливый голос из кучки тяжело переводящих дыхание, с ног до головы мокрых и грязных людей. — Никого никуда, вести не требуется. Все сами идут!

Секретарь не обратил внимания на грубияна. Терпеливо, как маленькой, он сказал девушке:

— Я бы с удовольствием выполнял какую-нибудь одну конкретную обязанность. Поверь, это намного спокойнее, чем отвечать за других.

Тот же голос, уже злее, выкрикнул:

— Да не надо за нас отвечать! Мы за себя сами ответим... А если боишься — так и скажи. Конечно, на карьер ехать — не корреспондентов да девочек на прогулку возить, тут и гробануться недолго... Боишься, так я самосвал поведу!

Я не успел обидеться на «прогулку» и подивиться информированности ахалсопельской общественности. Из кабины самосвала высунулся коренастый мужчина в майке и, мешая грузинские слова с русскими, внушительно заявил:

— Тоже мне шофер выискался! Так я тебя, дурака, и пушу за баранку, салага несчастный...

— Кто салага, кто?! — смутьян выдвинулся из кучки вперед и оказался тоненьким рыжим пареньком, совсем мальчишкой на вид. — Докажи, что я салага! Сначала докажи!

Человека создал труд, это бесспорно. Но, по-моему, один труд был бы бессилён перед лицом столь сложной задачи. В не меньшей степени своему привилегированному положению среди остальных божьих тварей человек обязан присущей ему одному великой способности — смеяться.

Мощный шум реки утонул во взрыве смеха.

— Не обижайся, Бочия, — сказал шофер, когда смех унялся. — Я знаю, что ты на автокурсы ходишь. Но здесь, понимаешь... — Он в сердцах хватил перевязанной, напоминающей большую мертвую куклу, рукой по дверце, скривился от боли и выругался уже на одном чистом русском языке: — Ах, ...твою мать!

Вот тут Игорь Капанадзе и совершил непоправимую ошибку. Сейчас я понимаю, что его толкнуло на это. Расчетливый и осторожный, он решил заранее пресечь возможные новые попытки заставить его взяться за де-

ло и впрямь не очень-то легкое, пожалуй, действительно несколько опасное, хотя бы в смысле вероятности справиться с ним — и таким образом уронить свое ре-
номе в глазах окружающих. И эта врожденная (или выработавшаяся?) осторожность, привычка — какой бы удивительной, инородной применительно к двадцатидвухлетнему парню она ни показалась, — его погубила.

— Я ничего не боюсь и говорю это не для того, чтобы перед кем-то оправдываться, — так сказал Игорь, гордо вскинув голову. — Но одно дело — вести машину, а другое — работать на самосвале... Хотя это, наверно, не каждому понятно.

— Не надо работать! — оживился шофер, забыв о боли. — Поднимать кузов, вываливать и все такое я смогу. И как под ковшом разворачиваться — тоже подсказывать буду... Твое дело — баранку крутить.

В его левой — здоровой руке тускло блеснул ключ зажигания... Странная вещь ассоциативное мышление: «Как рыцарская перчатка», — ни с того ни с сего подумал я.

Но перчатка брошена не была, и Игорю Капанадзе не пришлось ее поднимать — равно как и отказываться от вызова.

— Ты что здесь делаешь, Игорь? — раздался твердый голос Евгения Владимировича; в нем звучала спокойная злость. — Вода подступает к прибрежным домам, и необходима срочная эвакуация... Марш туда! Немедленно. Впрочем, поедем вместе.

Игорь не умел притворяться, и я невольно обрадовался этому: ведь как бы ни был тебе несимпатичен человек, всегда неприятно открывать в нем новые изъяны. Не говоря ни слова, он пошел к «колхознику», за рулем которого сидел нахохлившийся Марлен. Меня не удивило неожиданное появление Ниагвришвили — с самого начала он, как говорится, успевал быть повсюду, и так уж получилось, что именно к нему, а не к примчавшемуся (к полудню) секретарю райкома партии и не к председателю райисполкома обращались за советом и распоряжениями и люди с фабрики, и колхозники, и подоспевшие строители. Он был, несомненно, прирожденным организатором — смелым, предприимчивым, решительным, вездесущим... Но я не кончил об Игоре Ка-

панадзе. Да, он не умел притворяться, и если бо-
льшинству присутствовавших при инциденте, в отличие от
меня, просто не могла прийти в голову мысль о том, что
Евгений Владимирович искусно выручает его из затруд-
нительного — ох, до чего незавидного! — положения, то
в равной мере невозможно было не заметить другого.
Откровенного облегчения, с которым Игорь подчинился
приказанию Ниагвришвили. Того, как он уходил: не гля-
дя по сторонам, опустив голову, — словом, признавая
фиаско. Ему было, как-никак, меньше двадцати двух
лет, а в этом возрасте, если даже ты и способен на не-
красивые поступки, обычно еще не успеваешь научиться
совершать их с таким видом, словно ничего особенного не
произошло... И это все о передовике производства и ак-
тивном общественнике Игоре Капанадзе, потому что он
так и не стал героем моего очерка, а в дальнейших
событиях, происходивших в рамках хроники, никакой су-
щественной роли уже не играл. Но хочется поделиться
одним наблюдением.

Никто из очевидцев жалкого поведения Игоря, да-
же тщедушный скандалист Бочия, никак не проявил
своего к нему отношения. Ни презрительной улыбки,
ни жеста осуждения, ни даже элементарного «эх, ты!»
Люди у нас слишком великодушны от природы, чтобы
бить лежачего. Напротив, взглядевшись в лица окру-
жающих, можно было заметить почти одинаковое у
всех выражение неловкости и смущения — как будто
они сами испытывали чувство вины. Это — не считая
Тамрико. Девушка проводила «колхозник», увозивший
ее жениха, потерянным взглядом, медленно пошла в
сторону от людей...

Прежде чем Марлен рванул машину с места, Ев-
гений Владимирович повелительно бросил:

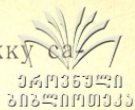
— Найдите водителя на самосвал! И поскорее. Вре-
мя не ждет!

Водитель нашелся.

В моем блокноте этот эпизод обозначен несколько,
на первый взгляд, игривым: «Шла бы ты домой, Пене-
лопа!». Надеюсь, эта кажущаяся неуместная игри-
вость будет мне прощена.

— Давай ключ! — совершенно новым для меня, тре-
бовательным тоном велел Абрам Мошиашвили и с пора-

зительной легкостью вознесся на высокую подножку самосвала.

— Ключ-уч? Теб... Вам?

Шофер в майке недоумевающе уставился на лысого долговязого человека преклонного возраста в строгом сером, уже изрядно перепачканном и измятом костюме.

— Мне! — интонации Абрамова голоса исключали возможность каких бы то ни было возражений. — Ты сколько лет шоферишь?

— Я? Ну, десятый...

— А я — двадцать четыре. В общем, поехали! Что верно, то верно: время не ждет.

Мотор взревел, и мне, как человеку, бывшему в курсе дел семьи Мошиашвили, послышались в этом реве радость раскрепощения, торжество нежданно сбывшейся, многие годы рвавшейся из оков мечты, впервые за долгое время во весь голос заявившее о себе чувство достоинства.

Абрам дважды сильно выжал газ — и, по-моему, сделал это просто от полноты души. Затем мотор успокоился, задышал нечасто и ровно, инженер-экономист, вновь превратившийся в шофера, включил первую скорость, так мягко тронул тяжелую машину с места, что хозяин самосвала успокоенно откинулся на спинку сиденья... Послышался знакомый мне пронзительный женский голос:

— Куда ты, горе мое?! Остановись, Абрам! Сейчас же слезай с машины — ты должен руководить наведением!

Честное слово, так она и сказала, вернее, прокричала, эта неукротимая Нэстан Тариэловна. И — опять же честное слово! — когда, в первое мгновение послушно убравший ногу с акселератора, Абрам Мошиашвили вдруг ответил ей громовым: — Шла бы ты домой, Нэстанчик! — это прозвучало как досадливо-нетерпеливое Одиссеево: «Шла бы ты домой, Пенелопа!»

С места забрав всю доступную ей стартовую скорость, машина умчалась.

Как эти двое оказались на полуострове, образовавшемся в результате разлива Кодори, — вернее, практически, острове, потому что с трех сторон он был окру-

жен водой, а с четвертой упирался в почти отвесную горную гряду, поросшую чахлам, чудом держащую на ней кустарником? Никто не задумался над этим вопросом. Мы только видели: бегают по узкой полосе земли два человека, размахивают руками, — явно злые и, кажется, голодные, если наше толкование доносящихся обрывков слов: «Да-мше-у...а-а!»* — правильно.

Посоветовавшись, решили, что правильно, и задумались: как им доставить еду? Дело в том, что никто в поселке лодки не держал — в обычном своем состоянии Кодори здесь, километра на два вверх и вниз по течению стесненная обрывистыми берегами, была слишком бурной; к тому же дно ее было утыкано острыми скалами, как оторванная подошва гвоздями, а мост, через который мы вчера переезжали на «колхознике» и который уже тогда весь дрожал под напором реки, сейчас почти целиком скрылся под водой, и его в любую минуту могло снести, как выразился бы Абел Арчвадзе, к чертям собачьим.

Иван Аршба снял с себя завязанный «вечным» узлом выдавший виды галстук, перочинным ножом обрезал на глазах изумленных зрителей обе резинки, накрепко связал их концы, прикрепил к дужкам очков, надел, отчего сразу стал похож на диковинного мотогонщика, и веско сказал:

— Лодки нет — пойдем пешком.

Он быстро разделся, обнажив неожиданную стройность мускулистых ног и выпуклые бицепсы.

— Неужто поплывет?! — восторженно ахнул кто-то, и было отчего: предстояло преодолеть поток метров в четыреста шириной; он был, правда, не так уж стремителен — перехлестнув через обрывистые стены тесных берегов, река несколько утихомирилась, — но вид имел устрашающий — мутная желто-коричневая вода тащила на себе обломанные ветки, всякую плавучую дрянь, свивалась местами в отвратительно правильные воронки водоворотов.

— Давайте хлеб и консервы! — велел главбух.

— Ай да парторг! — восхитился чей-то голос — и

* Как покажет дальнейший ход событий, толкование было верным — они кричали: «Дамшеулеби варт!» (груз.) — «Изголодались мы!»

00000000
00000000

здесь мне хочется обратить ваше внимание на два мента. Во-первых, я только теперь узнал, что скромный, немногословный Иван Аршба, главный бухгалтер фабрики изделий из синтетической ткани, одновременно является секретарем партбюро предприятия, что уже само по себе было странно: неписанные законы этики требовали, чтобы мне представили его хотя бы во время давешнего застолья. Во-вторых, восхищение в реплике неизвестного комментатора ощутимо было разбавлено таким панибратским юмором, если не сказать — иронией. Однако напряженность момента заставила меня сразу забыть об этом.

Минут через сорок в блокноте появилась запись: «Пешком по воде». Ее телеграфная краткость объясняется не столько моей природной скромностью (да, я действительно, несмотря на протесты окружающих, то ли боявшихся за мою жизнь, то ли страшившихся ответственности за нее, переплыл разлившийся Кодори вместе с Иваном Аршба!), сколько нечаянной выразительностью этого далеко не изысканного оборота речи: ведь в нем был весь главбух — застенчивый и тихий пожилой человечек, немало, без сомнения, взволнованный собственной решимостью.

Плыть оказалось не так трудно, как, по совести говоря, страшновато. Водовороты были слишком малы и немощны, чтобы закрутить человека; но я учился плавать в парниковых условиях спортивного бассейна. И все-таки недаром же был у меня некогда первый разряд по плаванию! А Иван Аршба работал волосатыми руками уверенно и неторопливо, без всяких там «кролей» или «брассов», и по всему было видно: плевать ему с высокого дерева на водовороты и быстрое течение.

Мы доставили терпящим бедствие (они сказали, что с вечера, как и не однажды ранее, перешли на тот берег по мосту рыбачить, а утром оказались отрезанными от «большой земли») пропитание, которого хватило бы дня на три, и благополучно вернулись обратно.

Бичоюя проявил себя с лучшей стороны, с какой только мог проявить себя человек его положения в создавшейся ситуации.

С самого утра и в течение всего хлопотного, до отказа набитого событиями дня он слонялся по посел-

ку — точнее, по той его части, которая прилетала к взбунтовавшейся реке, и досаждал иступленно работающим людям язвительными замечаниями.

— Ну как — показываем образцы трудового героизма? — скептически вопрошал он у фабричных ребят, усталой рысцой спешивших к воде с носилками, груженными землей.

— Привет очаровательным хозяйкам светлого грядущего! — глумливо кричал девушкам, охапками таскавшим ветки и сучья.

Или, утвердившись в позе Бонапарта за спинами добросовестно взмахивающих кирками и лопатами молчаливых сванов, которые спустились с гор по зову Саши Григолия, немзыкально распевал:

— Нам не страшны ни льды, ни а-ки-я-ны...

Что толкало его на эти бессмысленные выходки? Я знал: Бичойя не зол по натуре. Он был, по существу, мягок и застенчив, и паясничанье, к ненадежной защите которого он временами прибегал, ему претило. Не могло не претить... Потом, позже (почему нам так часто приходится употреблять эти слова: «позже», «поздно», «слишком поздно»?!) — я, кажется, отчасти разобрался в мстивах его поведения. Нет, дело было не в тяжелом похмелье и не в вынужденной, не знающей пощады трезвости. Наверное, осознав себя совершенно одиноким (ведь самое страшное одиночество — это вынужденная бездеятельность среди объединенных общим важным делом людей) в тревожной, авральной и тем не менее радостно-приподнятой обстановке «календарного ЧП», Бичойя, возможно, впервые по-настоящему ощутил и с безжалостной ясностью понял свою полную ненужность. Никому. Ни в чем. И ему было плохо. Очень плохо. Я не согласен с древними римлянами в том, что «*De mortuis aut bene aut nihil*»*. Какого черта! В таком случае и о детоубийце, которого, к сожалению с опозданием, прикончили, извольте «или хорошо, или ничего!» Но если человек был честным, чистым и умным при жизни, то кому, скажите, принесут вред несколько лишних сказанных о нем добрых слов? Я же утверждаю, что Бичойя был хорошим человеком, а его

* «О мертвых или хорошо, или ничего» (лат.).

порок был его бедою, его страданием, несчастьем
стоянной, непреходящей болью.

...Вот как все произошло.

Некто (не стоит называть имени этого человека — он и без того наказан сурово), выведенный из себя Бичойиными бесконечными приставами, крикнул:

— Пошел ты... знаешь куда? Сам-то ведь никому не нужен! Паразит несчастный!..

Бичойя моментально сделался серьезным. Несколько секунд он молча разглядывал обидчика («Берегись, парень! — развеселились находившиеся поблизости. — Сейчас он тебе покажет!») — развеселились, потому что тот был здоровяк, а франтоватый пиджак Бичойи висел на нем, как на вешалке), затем холодно усмехнулся:

— Вы говорите, уважаемый сэр, я никому не нужен? Осмелюсь возразить... больше того — доказать, что есть на свете существо — кстати, превосходящее вас как благородством, так и интеллектом, — которое любит меня больше собственной жизни... Багира, вперед!

Он указующим жестом протянул руку в направлении мутной тяжелой воды, и собака, как всегда сидевшая у его ног, черной стрелой метнулась в Кодори.

Люди в один голос вскрикнули — Багиру тотчас подхватило течение, потащило от берега, закружило в водовороте, она беспомощно заколотила по воде лапами... И тогда как был, в неизменном белоснежном костюме и изысканном галстуке, Бичойя неумело взмахнул руками и плюхнулся в реку.

Он держал над водой преданную морду Багиры, и их обоих несло течением до тех пор, пока возникшее бог весть откуда тяжелое бревно не ударило его в спину. Бичойя разжал руки, но в тот же миг и его, и собаку подхватили сразу трое — среди них был невольный виновник беды.

Надо полагать, не в бревне было дело. Все решило состояние Бичойиною сердца, измочаленного многолетней чудовищной нагрузкой — перегонкой выпитого.

Когда у него началась последняя икота, молоденькая — совсем девчушка — докторша, плача, растерянно спросила:

— У вас бывало... вы раньше когда-нибудь икали, Бичойя?

— А как же, мисс... — ответил он через силу. Всегда... когда меня кто-нибудь... кто-нибудь...
нал.

Я напросился в кабину одного из самосвалов — без всякой цели, просто так, чтобы на время избавиться от близости этой проклятой реки.

Водитель попался знакомый — тот самый, что подвез меня в первый день с моря до поселка; он тогда еще без умолку ругал Абега Арчвадзе за его упрямство и вредный характер. Весь день с тупой настойчивостью моросил мелкий, густой, как плотный туман, дождь, дорогу развезло, машину то и дело заносило в опасной близости от обрыва, но это не мешало шоферу так же безостановочно болтать — на этот раз о Бичоие.

— Правда, — спрашивал он, рывком выворачивая руль, чтобы вывести самосвал из юза, и успевая пытливо заглянуть мне в глаза бледно-голубыми своими, словно бы выцветшими, линялыми какими-то глазами, — правда, корреспондент, что тот парень разные университеты кончал — и все-таки пил напропалую?

Лихо переключал скорость, высовывался из кабины протереть заляпанное жидкой и желтой, как куриный помет, грязью стекло и продолжал свои дурацкие вопросы:

— А он правда из Тбилиси? Кажется, профессорский сынок, да? Эхма, чего это людям по-людски не живется... Мне бы туда! По Руставели пройдешься, в ресторане в субботу посидишь... По-людски, конечно, не так, как иные, которые с жиру бесятся!

Он так часто повторял это «по-людски» и так мне надоел, что в конце концов я невежливо перебил:

— Слушай, друг, а ты сам-то как, скажи, живешь?

Водитель, добродушный такой, круглоголовый бело-брысый парень, несказанно в первый момент изумился (даже самосвал, казалось, изумился с ним вместе, вильнул беспричинно в сторону), покрутил лобастой башкой, проницательно ухмыльнулся:

— Насчет моего понимания смысла жизни, значит, пытаете, товарищ корреспондент? Ну, я-асно, ваше дело такое...

— Да нет, какой там «смысл жизни»! Скажи мне

16035940
2020.01.03.33

просто, как живешь: плохо, хорошо, доволен, нет, хочешь?

Никогда я не говорил с интервьюируемыми в подобном тоне, но ведь и не интервью это было, а просто очень уж возмутил меня этот самодовольный крепьш. Я ждал, что он начнет разглагольствовать на тему «каждому — по труду», расскажет о своей приверженности к «умственным» книжкам, о зароботке и учебе на заочном отделении машиностроительного техникума.

Но парень поглядел на меня внимательно и тихо спросил:

— Он что вам — друг был?

— Да. Друг, — сказал я.

Знаю, моралисты, всеми почитаемые за ясность суждений, основанных на неустанной заботе об общественном благе, осудят меня за откровенное сочувствие к Бичойе, скажут: сам виноват! — а то и как-нибудь порезче выразятся. Что ж делать? Человеческая жизнь, пожалуй, единственное, чего нельзя повторить. И мне жаль Бичойю, хотя, как я уже говорил, он не был моим другом в истинном значении слова. И вообще: давайте постараемся не быть однозначными в оценках. Потому что чересчур радикальные, неоспоримые, «лобовые» суждения всегда даются легче, но не становятся от этого справедливее. А сказать о погибшем (пусть — «глупо») человеке: «Сам виноват» — легче легкого, для этого не требуется ни большого ума, ни большого сердца.

Мы подъехали к крепости «последнего советского единоличника», когда уже совсем стемнело. Дождь унялся. Наверно, поверху пронесся сильный ветер. Небо очистилось, вывездило, ослепительно чистая, сверкала узкая полоска месяца — луна была в последней четверти, но светила ярко, как всегда в горах ясной ночью.

Абел Арчвадзе неподвижно стоял перед домом. На нем был светлый свитер, у его ног сидел огромный белый пес, и в четкой контрастности августовской первой тьмы они, казалось, чем-то походили друг на друга.

— Вот... кулак окаянный! — проворчал молчаливый остаток пути шофер, протягивая мне смятую пачку сигарет; на этот раз он не сомневался в моей солидарности.

— Останови на минутку, — попросил я.

Он поглядел удивленно, но остановил. Я прыгнул на мокрую траву. Собака зарычала.

— Кого это опять... — привычно начал Абел, узнав меня, обрадованно шагнул навстречу: — Сагамо мшвидобиса, дзвирпасо* Гиви! И Бичойя с тобой?

Конечно, мне следовало быть готовым к этому вопросу — я знал, что старик любит Бичойю. Однако он словно ударил меня под ложечку. И в полной растерянности я ответил ему с жестоким лаконизмом:

— Бичойя умер, дядя Абел.

Абел будто в каменное изваяние превратился, и это не красивые слова, так оно и было, и продолжалось целую минуту, а может, больше, не знаю, и только в ту минуту я наконец понял, какой, в сущности, драмой обернулась для старика его жизнь. Ведь он любил людей и тянулся к ним, а когда, не желая, как он сам выразился, по глупым приказам жить, порвал с колхозом, то, увы, не только независимости добился — еще и очень многое потерял. Ту живую, веками освященную связь с «миром», корни которой восходят к незапамятным временам вынужденного объединения людей для совместной борьбы с враждебными силами природы, то чувство локтя, которое за годы существования нашего общества исподволь, незаметно вошло в плоть и кровь советского человека, занятого крестьянским трудом, — не столь уж важно, как он стал именоваться: коммунар, членом сельхозартели, колхозником или рабочим совхоза. И могли ли заменить эту связь ему, Абелу Арчвадзе, всю сознательную жизнь прожившему в коллективе, его нынешняя «крепость», достаток, телевизор и возможность жить своим умом?.. Вот и отдал он всю нерастраченную силу несбывшихся отцовских и дедовских чувств непутевому «тунеядцу из столицы», неизвестно чем и как покорившему его ошетинившуюся душу... А еще я подумал о том, что просчеты в великом, сложнейшем искусстве работы с людьми, в руководстве хитрым и тонким, поистине ювелирным механизмом хозяйствования, подмена Творчества — бездумным копированием, а Принципиальности — начальственными окриками и бесцеремонным одергива-

* Добрый вечер, дорогой (груз.).

нием, — словом, все, что позднее было названо «волюнтаризмом», «некомпетентностью», «отступлением от норм», получает свой губительный резонанс не в одних лишь экономических показателях. Куда страшнее их глубинные последствия: скажем, нравственная пустота Игоря Капанадзе, не выдержавшего испытания экстремальной ситуацией, или жизненная драма Абела Арчвадзе.

Я нарочно говорил со стариком только по-грузински — не хотелось посвящать в дела, которые касались нас одних, белобрисого водителя самосвала, а он, как мне показалось, переехал в наши края совсем недавно.

Шофер действительно ничего не понял, потому что засигналил нетерпеливо и громко, как на пожар.

— Вот так... — закончил я свой короткий рассказ.

Каменное изваяние дрогнуло.

— Да, сынок, — сказал Абел еле слышно. — Ты поезжай, Гиви...

Я был уже в кабине, а шофер, привычно чертыхаясь, круто выворачивал руль, чтобы ехать по скалистому лабиринту в объезд арчвадзевской усадьбы, когда Абел внезапно взмахнул руками, подбежал к самосвалу со стороны водительского места и закричал:

— Езжай... прямо езжай! Гони через виноградник, через огород... К чертям собачьим гони!

В неистовом этом взрыве смешались гнев, боль, страдание, решимость, горе, отчаяние. В глазах старика стояли слезы. Парень испуганно глядел на Абела, машинально пытаюсь крутить уже вывернутую до упора баранку. Мотор ревел, буксующие колеса разбрасывали комья мокрой земли. Зараженная неистовством хозяина, в задушенном хриплом лае закатилась собака.

Я смотрел на Абела Арчвадзе, как на привидение. Я пытался что-то сказать, но слова не шли с языка.

Он ли это, способный свалить кулаком быка, с хитрой и вместе простодушной крестьянской улыбкой три дня назад хвастался, что ничего, мол, строителям против него не сделать — закон за ним, Абелом.

Он ли осторожно, чтобы не повредить неспелые, еще травянисто-зеленые ягоды, срывал с лозы засохший лист — пусть не мешает грозди впитывать сахарный солнечный сок.

И он ли, выпив со мной и Бичойей шесть стаканов волшебного, как живая вода, чхавери, расчувствовавшись, пел тогда звучным густым баритоном: «*ღივნივენი ვენახი*»...

Абел Арчвадзе взмахнул кулаком величиной с дыню-«колхозницу» у самого лица отшатнувшегося водителя.

— Гони, тибэ гаварьят! — яростно по-русски заорал он. — Гони туда, куда гаварьят! Ше мамадзагло*, слюши сюда!

Я попытался вмешаться:

— Дядя Абел, успокойся! Этого больше не требуется — наводнение почти кончилось. Уже нет спешки, слышишь? Зачем губить виноградник?!

Он воткнул в мои зрачки дикий взгляд — мне даже почудилось, что я ощутил мгновенный укол невидимой тончайшей иглы. В его глазах была невыносимая мука. Потом Абел разжал чудовищный свой кулак, уронил, как посторонний тяжелый предмет, руку, весь обмяк.

— Гиви, — произнес он отчетливо. — Гиви, виноградник можно посадить снова и вырастить... И можно вскопать новый огород, и заложить новый сад... А человека повторить нельзя.

И оттого, что он почти слово в слово повторил собственную мою недавнюю мысль, мне сделалось странно и немного страшно.

А он уже отпустил мой взгляд и буднично, почти мягко сказал шоферу:

— Делай, как я говорю, швило**. Делай...

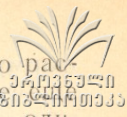
И наш самосвал прошел напрямик по ломающимся с покорным треском кустам, вдавливая в размякшую почву неосуществленную благодать виноградных гроздьев, и сровнял с землей любовно ухоженные грядки, и по колее, проложенной нами, прошли потом другие машины и проделали обратный путь, тяжело груженные кусками взорванного базальта, и это продолжалось всю ночь до утра.

Я улетал в полдень, и Багира летела со мной.

* Ше мамадзагло (груз.) — Сукин ты сын.

** Швило (груз.) — сынок.

Я сердечно пожал руку Ивану Аршба, печально расцеловался с Абрамом Мошиашвили, который, все в том же сером, чудовищно грязном костюме, одиноко сидел после бессонной ночи в гостиной и молча плакал (Нэстан Тариэловна не выходила из спальни), поблагодарил за все Еремию Берадзе и как всегда подтянутого, сдержанного — только тени пролегли под глазами — Евгения Владимировича; теперь, после наводнения, мое решение написать о нем очерк было окончательным. Я пожал руку молчаливой Тамрико, в тех же джинсах сидевшей за своей машинкой, и она слабо улыбнулась мне на прощанье. Повидаться с Игорем Капанадзе не довелось, да я его особенно и не искал. Не встретился мне и веселый любитель анекдотов Яша Ройтенберг; впрочем, я его вообще больше не видел после банкета в день нашего знакомства.

Саша Григолия доставил меня и Багиру к заслуженному ЛИ-2, тогда еще обслуживавшему местные авиалинии, на своем мотоцикле. Он коротко переговорил с маленьким, черным, как жук, пилотом, и тот устроил нас в последнем, никем не занятом ряду.

Багира вела себя в полете спокойно. Время от времени она молча взглядывала мне в глаза — словно ждала ответа на какой-то вопрос. И, не дождавшись, опять опускала голову на могучие черные лапы в акkuratных белых рукавичках.

Мы прилетели в Тбилиси около двух. Было жарко. В экспресс меня с собакой пускать не хотели. Я не стал спорить. Пересчитал оставшиеся деньги, сел в такси и поехал домой.

Была суббота. Срок моей командировки кончился вчера.

О ТОМ, ЧТО БЫЛО ПОСЛЕ

«За» мною недоволен ● Арчил Караманч и другие ● Я проявляю политическую близорукость ● Эпистола-детектив ● Мы с Багирой едем к морю

Любой редакционный работник знает: возвращение домой еще не означает конец командировки. Чаще наоборот — именно потом начинается настоящая работа. Ведь торопливые, обычно лишь тебе одному понятные записи и личные впечатления еще предстоит отлить в

форму очерка, корреспонденции, репортажа. Слышется, что вполне, казалось бы, успешная командировка оборачивается пустышкой. И записи есть, бланки от них прямо по швам трещит, и впечатлений хоть отбавляй, а материал не вырисовывается... Так, впрочем, бывает редко.

Я привез пять материалов: корреспонденцию о восхождении коллектива фабрики изделий из синтетической ткани к тем высотам производственных достижений, за которые его представили к почетному званию; вторую корреспонденцию — о вкладе в общее дело комсомольцев, юношей и девушек предприятия (она начиналась увлекательным описанием взятия на поруки и перевоспитания бывшего хулигана Марлена); очерк о Евгении Владимировиче; репортаж о наводнении на Кодори («календарный» характер ЧП, разумеется, стыдливо умалчивался) и очерк о Саше Григолия, о котором я давно хотел написать, — разумеется, не потому, что он был моим другом, а потому, что именно таким, на мой взгляд, следовало быть секретарю райкома комсомола.

Как вы помните, все, что касалось фабрики, было задумано пронизательным «За» в качестве эдакого «тайного оружия»: материалы предполагалось использовать в роли «фитиля» другим органам печати, в ближайшем номере после опубликования радостной вести о присвоении предприятию звания коллектива коммунистического труда. Известно также и мое решение очерка об обгоняющем время (не правда ли, звучит почти как «Бегущая по волнам»?) не писать.

Выслушав мой короткий отчет о результатах командировки, «За» с холодным неодобрением заключил:

- Значит, очерка о передовике ты не привез?
- Я тебе уже говорил.
- Но ведь мы условились!

Он пытливо смотрел на меня своими карими глазами; при всем желании в них нельзя было бы отыскать ни намек на чувство юмора. «За» был воплощением серьезного отношения к делу и, убедившись после недолгого молчания, что я не собираюсь повторить объяснений по поводу Игоря Капанадзе, еще раз сказал:

— Мы же условились! Сам понимаешь, четыре такой командировки...

Это означало: четыре дня командировки на море — раз; их дал тебе я, а не кто-нибудь другой, причем в разгар курортного сезона, — два; мы не можем разрешить себе **такой роскоши** (сам знаешь, до чего скуден у нас фонд командировочных), чтобы не полностью выполнить программу командировки — три. Не мне тебя учить: если не подошел для очерка один, то **надо было найти** другого — четыре...

Все это я без труда прочитал в его пытливо-укоризненном взгляде и, хотя мне было что ответить, продолжал молчать.

— Что ж, — выразительно пожал «За» худыми, как у подростка, плечами. — Придется считать, что задание ты выполнил не до конца, и если редактор — а он приезжает на днях...

Это было уже слишком, хотя в поведении секретаря для меня не было ничего неожиданного.

— Не валяй дурака, — сказал я, но отнюдь не примирительно. — Вместо четырех материалов я привез пять, а разговора с редактором я не боюсь. Кому-кому, а тебе это пора знать.

Я имел в виду довольно забавный случай примерно годичной давности. В редакции готовилась очередная «баня». Надо признать, что у руководства было достаточно оснований для недовольства: все мы как-то разболтались. Может, это произошло оттого, что редакция переживала некий переходный период — от нас ушло сразу несколько «старичков», выросших из молодежной газеты, их место заняли совсем еще зеленые ребята, и тут неожиданно выяснилось, что эти, в общем-то ничем не замечательные, даже, пожалуй, заурядные работники составляли то ядро, без которого нет полноценного коллектива.

Участились случаи опоздания, прошла «полоса» ошибок в номерах (каждый газетчик знает, что ошибки в газете — нечто вроде эпидемии), не выполнялись планы. А тут еще, окончательно разрезвившись, мы вздумали выпускать стенгазету. Не благонадежную какую-нибудь «Пятую полосу» или «Молодого журналиста», а легкомысленно-нахальный листок под игривым назва-

нием «Начнем с понедельника». Нельзя сказать, что он отличался ортодоксальностью. Скорее наоборот, чем печатались (конечно, на пишущей машинке), точки и стишки, своей идейной направленностью нисколько не помогавшие администрации и местному в борьбе с нарушениями трудовой и производственной дисциплины, а просто: смешно, попало дураку или подхалиму? Вот и хорошо! Естественно, подобная профанация воспитательной и организующей роли стенной печати не могла не раздражать отдельных представителей внутриредакционного начальства. Да и в самом «Начнем с понедельника» содержался весьма прозрачный намек на то, что мы отнюдь не полны готовности работать с полным напряжением сил и поднять дисциплину до надлежащего уровня немедленно, сию же минуту, как того требует ответственность и важность стоящих перед нами задач... Наконец, в определенных, как говорится, кругах стало, очевидно, известно, что сочинил это крамольное название я. Так или иначе, но примерно год назад меня отвел в сторону Арчил Караманыч и предупредил:

— Слушай, завтра, кажется, будет баня... И, по-моему, тебя собираются... Словом, приготовься.

Эта была бесценная информация. Арчил Караманыч, сколько я помню себя в редакции, занимал скромную должность переводчика, хотя, по общему убеждению, давным давно мог бы стать редактором. Если бы захотел. Но он не хотел. Я это понимал. А некоторые, в том числе, само собой, «За», не могли понять. Просто так уж был устроен Арчил Караманыч, что наплевать ему было на должности (между прочим, его единственного, кроме редактора и пожилой старшей машинистки Ольги Борисовны, мы называли по имени и отчеству, причем совсем не потому, что он был лет на десять старше любого из нас: это был Арчил Караманыч — и все тут).

Опять же, сколько я помню себя в редакции, он занимал пост председателя месткома — тоже потому, что мы просто не могли бы представить себе на этом месте кого-нибудь другого.

Редакционный переводчик Арчил Караманыч занимался всем, кроме переводов.

Он доставал дефицитные лекарства для наших бабушек и своих многочисленных знакомых; доброволь-

но брал на себя самую неприятную из всех человеческих обязанностей — хоронил чьих-то родственников, улаживал семейные конфликты и утешал легковверных туристов, обманутых нашими местными скороспелыми женихами, — словом, всего, как пишут газетные халтурщики, не перечислишь.

Но не надо думать, что Арчил Караманыч был плохим журналистом. Более того: он был хорошим журналистом — и именно потому писал редко. Упаси меня боже быть заподозренным в пристрастии к эффектным стилистическим приемам!

Просто таковы факты: он писал очень редко, но был в то же время настоящим газетчиком. Позднее я понял, в чем причина этого. Арчил Караманыч органически не умел работать, как, например, Нонна Румянцева или (увы!) я, — писать много, легко и ни о чем. Уж если писал, то так, что наша скромная газета бывала нарасхват, а подчас даже продавалась предприимчивыми киоскерами из-под полы, по немислимой цене — рубль и больше за номер!

Однажды мы опубликовали разгромную статью под заголовком «Нельзя рубить сплеча!» Ее автором был Арчил Караманыч, а смельчаком, благословившим в печать, — естественно, редактор (и я прошу учесть это второе обстоятельство, так как наш редактор вернулся из заграничной поездки, когда все описанные в настоящей хронике события уже пришли к логическому концу, так что рассказать о нем подробнее мне не удастся).

Главным действующим лицом здесь был управляющий крупным трестом, бюрократ и самодур, от которого подчиненным житья не было. Он, конечно же, остался на своей высокой должности, а автору и редактору крепко попало, ибо наша газета — молодежная, а всяк сверчок... Если же говорить об Арчиле Караманыче просто и серьезно, то он всем нам, особенно тем, кто помоложе, был истинным — умным и верным — другом, и многие (не только в редакции) обязаны ему тем, что не сломали себе шею на тернистом пути газетчика. А кое-кто — и на жизненном пути.

Арчил Караманыч посоветовал мне подготовиться — я подготовился.

Закон естественного отбора справедлив и безотказен: в роли ведущего на том производственном сове-

шании (так, благозвучия ради, официально именовалась «баня») выступал «За». Ему поручили — полнял... Но не только оттого, что поручили. Главный секретарь любил подобные роли.

После предельно краткого вступительного слова редактор сел (как мне показалось, с облегчением) и впросительно посмотрел на «За». Тот достал из папки лист бумаги, подчеркнуто развернул его на наших глазах и, демонстрируя свою полнейшую объективность, голосом, лишенным каких бы то ни было эмоций, проквакал:

— Мне поручено проинформировать коллектив редакции о выполнении плана за июнь месяц текущего года. Сегодня — пятое июля... Итак, Долинский... Из шести основных пунктов выполнено четыре...

Он посмотрел на меня, и все на меня посмотрели. Он — ничего не выражающим взором бесстрастного информатора. Мои друзья — сочувственно. Недоброжелатели, в том числе завистница Нонна Румянцева, — торжествующе.

— Повторяю, — квакал секретарь дальше, — из шести...

— Одну минутку, — встал я. — Можно?

Ясно, обратился я не к нему, а к редактору. Тот взглянул на меня с живейшим интересом и разрешающе кивнул, сохраняя, впрочем, из педагогических соображений суровый вид.

Тогда я извлек из кармана брюк четвертушку бумаги и прочел:

— Шестого июня опубликована моя корреспонденция на двести пятьдесят строк из Гори. Десятого — триста строк очерка о следователе-комсомольце. Четырнадцатого — два материала: двухстрочная зарисовка о сельском враче и подборка выступлений участников студенческого строительного отряда, которые работают на целине. В подборке — около четырехсот строк. Двадцать первого...

За июнь было напечатано, в общей сложности, семь моих материалов, из них четыре плановых. Три были срочно, в номер, написаны непосредственно по заданию редактора. Еще два лежали в секретариате. Правда, тоже внеплановые.

Все это я доложил ровным негромким голосом скромно сел.

Наступила тишина. Я чувствовал на себе взгляды ликующих единомышленников. Эмоциональный Алик Сарибеков выбивал на спинке стула победный ритм — когда-то он был ударником в джаз-оркестре. Сидевшая рядом Лиана Джапаридзе, заведомо пропаганды, добрая душа и хорошая девочка, мы с ней дружили, восхищенно ткнула меня локтем в бок.

Ответственный секретарь дважды глотнул воздух, в растерянности поморгал длинными красивыми ресницами и вдруг нашелся — громко, уже откровенно злорадно спросил мужественным голосом:

— А бюллетень? Тебя на прошлой неделе два дня не было.

У него в голосе порою внезапно звучали на редкость мужественные интонации. Это ему, при тщедушном сложении, очень не шло — ну, как если бы девица вдруг заговорила басом или кошка залаяла.

И тут я, не вставая, вынул из другого кармана сложенную синюю бумажку и ткнул ему:

— Вот бюллетень.

Алик в полном восторге и в полный голос сказал:

— Авоэ!

Тесный редакторский кабинет ожил, и, честно говоря, у ребят были все основания воспринять мое заявление как сенсацию: я не отличался особой дисциплинированностью, и это сходило мне с рук только благодаря терпимости редактора; кроме того, как я подозреваю, он совсем не плохо ко мне относился.

На этом, собственно, кончилась не успевшая начаться «баня». Редактор подверг резкой критике хулиганскую сарибековскую выходку, переведя таким образом разговор в новое русло... А минут через десять мы разошлись по рабочим местам.

— Продолжим разговор позже, — зловеще пообещал шеф. — А сейчас — номер стоит.

Арчил Караманыч сидел с непроницаемым лицом. В его глазах светилась загадочная улыбка сфинкса.

Разговор, понятно, не получил дальнейшего продолжения; к тому же переходный период, как видно, изжил

себя сам, без всяких там административно-хирургических вмешательств, и редакционная жизнь потекла но.

Мне было наплевать на недовольство «За». Материала я собрал более чем достаточно, а если б и не собрал, то редактор все равно и слова худого бы мне не сказал, зная, что в следующий раз я с лихвой отработаю расходы на командировку, которая почему-либо не удалась.

Но «За» продолжал делать вид, будто он уверен, что я намеченной программы не выполнил, мало того, чуть ли не провалил командировку, съездил, видите ли, на побережье, как персонаж крокодильского фельетона, — искупался в море, позагорал... На первых порах подобные приемчики на меня действовали. В то время я вообще не представлял, как можно в рабочее время ничего не делать, — ведь зарплата идет?! И, покончив со своими делами, слонялся по редакции, предлагая услуги: там информашку выправить, автору ответить... Старые газетные волки посмеивались над моей наивностью, во услуги принимали охотно. Однако я скоро понял, что даром денег не получаю. Даже если за два-три дня ни строчки не напишу, то все равно рано или поздно долг выплачу, да еще с процентами. Редакционная работа — не операции на конвейере, тут раз на раз не приходится, и рабочий день у нас фактически не нормирован. То есть быть на месте в половине десятого утра ты обязан, а вот уйти можешь, только покончив со всеми накопившимися «хвостами»... Но я говорил о подлой линии, которую тогда пытался вести со мной «За». В принципе это очень обыкновенная линия поведения, ее берут на вооружение почти все мелкие карьеристы, поднявшиеся хотя бы на одну ступеньку выше своих недавних коллег, которых они, после того как на эту ступеньку поднимутся, коллегами уже не считают. Они видят в них подчиненных — и совершенно искренне убеждены, что подчиненных надо постоянно держать в руках, а для этого при малейшем удобном случае внушать им, что они чего-то не сделали, а если и сделали, то не так, как надо.

Словом, я и на этот раз видел «За» насквозь и сначала подумал, что он все-таки слишком уж не умен: на-

964135920
0022010333

до ведь понимать, на кого такие штучки могут подса-
ваться и кому они — «до лампочки».

Я спросил:

— Почему ты такой подонок, а?

Без всякого, впрочем, интереса спросил, потому что,
повторяю, насквозь его видел.

Он опять, как на той несостоявшейся «бане», глот-
нул воздуха, не сразу найдя ответ. Теперь я смотрел на
«За» уже с любопытством. Что он сделает? Выругает
меня тоже? Нет, пожалуй, не посмеет. Но вот к про-
вокации я был готов — слишком много вложил в свой
оскорбительный вопрос, чтобы «За» мог так легко вы-
крутиться из сложного положения. Я вложил в этот во-
прос всю свою злобу на нелепое устройство человече-
ской жизни, которое впервые (ведь до сих пор у меня на
глазах еще не умирали мало-мальски близкие люди)
во всей возмутительной безнаказанности предстало пе-
редо мной, когда умер Бичойя. И горячее сочувствие,
беспомощное понимание жизненной драмы Абега Арч-
вадзе, уничтожением своего ненаглядного «венахука»
отомстившего себе за вину, в которой он не был вино-
ват. И горечь разочарования Тамрико — не говорите, что
не случилось ничего страшного, что, мол, подумаешь:
первое разочарование! Тем горше оно, что оно первое...

Вошел оживленный Арчил Караманыч. Его нос, на-
поминающий турецкий ятаган (хотя я никогда не видел
ятаганов), казался еще более изогнутым от загадочной
улыбки под полоской черных донжуановских усов. Он
швырнул на диван папку, с которой был неразлучен
(кто знает, сколько жалоб и заявлений людей, наивно
веривших во всемогущество редакции, приняла она на
своем веку в многотерпеливое лоно!), окинул нас цеп-
ким взглядом, сразу уловил напряженность атмосферы,
деликатно ничего не заметил, сменил загадочную улыбку
на обаятельную, весело спросил:

— Как дела, мальчишки? От редактора ничего?

Этим вторым вопросом он, в сотый раз восхитив ме-
ня пронизательностью и умом, сразу все поставил на
место. В редакции отлично знали, что они с шефом ро-
весники и друзья, поэтому в праздном внешне вопросе
отчетливо послышалось: что-нибудь не поделили? А к
чему, собственно, сейчас делить? Приедет редактор —
сам разберется.

Причем для меня вопрос прозвучал примерно так: «Делать тебе нечего — связываться с этим дураком! Через день-два он перестанет быть «За» и займется своими макетами». А для «За» — совсем, разумеется, иначе: «Опять этот спецкор характер показывает? Ну, ничего, приедет шеф — он его скрутит! Не волнуйся».

И мы в самом деле перестали волноваться, успокоились. Такой уж он был человек — Арчил Караманыч. Самой природой предназначенный для улаживания конфликтных ситуаций. Он достал пачку «Филиппа Морриса», угостил нас. Заметил жадный взгляд «За», который был одержимым курильщиком, протянул ему всю, почти полную пачку:

— Бери! Мы с Гиви обойдемся «Мзиури».

«Как собаке кость!» — удовлетворенно подумал я, хотя знал, что это совсем не так.

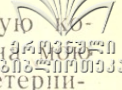
Арчил Караманыч погасил едва начатую сигарету, интригуяюще сказал:

— Хотите интересную новость? Я только что из УБХСС — был там по одному делу... — У него часто бывали дела в милиции, прокуратуре, судах — все клезузные заявления передавались ему. — Любопытная вещь! В одну тбилисскую сберкассу поступил лотерейный билет... Фальшивый. И знаете, какой «выигрыш»?

— Случайно, не «Волга»? — у меня пересохло во рту.

— Как ты догадался, дорогой?! Именно «Волга». А знаешь, кто предъявил? — И Арчил Караманыч, уже знавший от меня историю счастливого лотерейного билета, которым дали сдачу бывшему фронтовику — «командиру производства из фильма послевоенных лет», сказал то, в чем я почти не сомневался: — Еремия Шалвович Берадзе. Его задержали до выяснения обстоятельств.

Не буду пересказывать историю дела о лищениях, которые в течение ряда лет имели место на Ахалсопельской фабрике изделий из синтетической ткани, — оно получало широкую огласку и не один месяц было темой горячих пересудов. Тем более не стану вдаваться в подробности куда менее масштабных событий, имевших место в нашей редакции. Скажу лишь, что вконец обалдевший от страха «За» попытался (да, да, пред-

ставьте себе!) свалить всю вину за злополучную командировку на меня. Он напирал, в основном, на общеизвестную недисциплинированность и нетерпимость к добрым советам и предостережениям разумных людей. Он напомнил, что несколько лет назад я написал очерк, прославлявший некоего гагановца*, который впоследствии, как выяснилось, получил пятнадцать суток за мелкое хулиганство («какой позор!»). Это было тем более подло, что я сам, приглашая его посмеяться, рассказал «За» о приведенном курьезном случае, — лишнее подтверждение глубокой правильности афоризма, касающегося наших языков и наших врагов. Он также отметил — в данном случае как явный признак «безответственного отношения к трудной и благородной миссии советского журналиста» — ту легкость и быстроту, с которой я писал, и «отдельные несерьезные высказывания по поводу нашей сложной и почетной профессии...» Противно и неинтересно приводить все, что он ухитрился втиснуть в три страницы объяснительной записки, приготовленной к возвращению редактора. Может показаться нелепостью, но мне действительно грозили немалые неприятности. Был ведь в оные времена, как рассказывали «старички», случай в нашей редакции, когда на общем собрании обсуждался персональный вопрос одного сотрудника, носившего зеленую шляпу... Главное же заключалось в том, что я, из презрения ко всей этой дряни, разведенной перетрусившим «За», ни в коем случае не стал бы защищаться. Я даже подумывал, не написать ли мне заявление об уходе «по собственному желанию», и сказал об этом Арчилу Караману. Он немедленно назвал меня дураком, вразумляюще добавив:

— Шеф все равно не подпишет. А бросаться заявлениями об уходе и потом оставаться — дешежка. Согласен? Подожди меня здесь...

Я был согласен, что дешежка, и уходить мне не хотелось. Я любил эту редакцию.

Арчил Караману вернулся и принес с собой кучку исписанных бисерным почерком «За» клочков бу-

* Гагановцы — последователи некогда известного почина.

маги. Так это дело и кончилось. Позже я узнал, что «За» был задан только один вопрос:

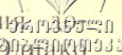
— Неужели на инструктивном совещании солидной организации могли сказать подобную глупость?

Это уничтожило «За», выбило у него почву из-под ног. Арчил Караманч слов на ветер не бросает. Если он сказал «глупость», то, значит, что-нибудь в этом да есть... А вдруг они там вовремя спохватились, изъяли скороспелое предложение о присвоении фабрике изделий из синтетической ткани высокого звания? Или — «За» уже сам себе не доверял — он что-то не так понял на совещании?! Короче, вопрос о моей политической близорукости, из-за которой я не сумел распознать в Берадзе, Ниагвришвили и «иже с ними» расхитителей народного добра, с повестки дня был снят без обсуждения. Материалы, ясно, погибли. Не пошел и очерк о Саше Григолия. «Подобные кандидатуры надо предварительно согласовывать», — веско сказали мне.

Чтобы уже покончить с «За», скажу: ныне он занимает **должность**. Кроме того, однажды я видел книжечку его очерков, а потом — рассказов. Не стану брать греха на душу, подозревая, что их изданием наш бывший ответсекретарь обязан своему новому — уже не имеющему никакого отношения к газете, а, так сказать, околоруководящему служебному положению. Знаю только, что в Союз писателей его, несмотря на должность, не приняли. Там голосование тайное... А жена ему по-прежнему изменяет.

Прошло время — и в редакции забылась история моей командировки в Ахалсопели. Прошло еще время — и люди перестали ахать по поводу дела о хищении государственной собственности в особо крупных размерах, имевшем место на фабрике изделий из синтетической ткани. И оно, и много других дел, как поменьше, так и покрупнее, отступили на второй план перед тем новым, что властно и неудержимо ворвалось в жизнь моего края, ломая великое множество безнадежно дискредитировавших себя взглядов, суждений, критериев, утверждая нормальное отношение людей к вещам и друг к другу.

Очистительное это половодье многое изменило и в моей жизни, в жизни моих товарищей по работе, ко-

торых я люблю и уважаю, ибо наша профессия достойна уважения — хотя бы за «вредность»... Однако здесь начинается уже совсем другой рассказ. К нему я пока не готов и потому по всем вопросам относительно того, как журналистское ремесло отражается на здоровье, отсылаю интересующихся к статистическим справочникам и другой специальной литературе.

«Салют, мой дорогой акробат пера! (Этому выражению меня научил бедный Бичойя, и только позднее я вспомнил, что уже встречал его в художественной литературе. По-моему, оно тебе подходит, чертов шакал ротационных машин!)»

В этом — весь Саша. Он всегда, как мальчишка, боялся прослыть сентиментальным.

«Думаю, тебе будет интересно узнать некоторые подробности о веселых вещах, творившихся на нашей Ахалсопельской фабрике. Уверен: вас, мастеров слова, еще не удосужились толком проинформировать на этот счет. Я же, само собой разумеется, в курсе дела (видишь, как хорошо быть комсомольским вожаком и членом бюро райкома партии!) и, по доброте сердечной, поделюсь с тобой. Тем более, что в ближайшем будущем тайное, как говорится, станет явным...»

Саша был прав. Мы сплошь и рядом не знали об очень важных и подчас далеко не веселых делах, совершавшихся рядом, — особенно о невеселых. Вероятно, считалось целесообразным оберегать впечатлительные души творческих работников от неприглядной правды жизни: не зная ее, мы могли с большим вдохновением прославлять победное движение вперед работавших, как часы, трудовых коллективов. Зато решение провести какой-нибудь невинный месячник молодежной книги поступало в редакцию под впечатляющим грифом «Сов. секретно!» А затем мы пропагандировали это мероприятие на газетных страницах.

«Ты наверняка догадываешься, что предприятием, которое тебе поручили прославить в веках, соответствующие органы интересовались давно. Добавлю: они даже имели довольно отчетливое представление о масштабах хищений... Но вот подступиться к фабрике вплотную не могли. Столь полюбившийся тебе скромный зав. экспериментальной лабораторией, рафиниро-

ваный интеллигент, только чувствующий и своеобразно мыслящий Евгений Владимирович Ниагвришвили (ладно, не злись, больше не буду) великолепно низовал дело. Даже его правая рука — Яша Ройтенберг и тот не знал до конца всего... Кстати, он сейчас в бегах, смылся сразу после банкета — почуял, видно, что с лотерейным билетом неладно; на него объявлен всесоюзный розыск. Иван Аршба вообще пребывал в блаженном неведении. Нашли кого выбрать секретарем партбюро! Хотя это вполне закономерно. Что же касается Еремии Берадзе, то он просто болван. Покупать лотерейный билет! Да он свою старую «Волгу» мог до последнего болтика обновить, и никто бы ровно ничего не заподозрил. А фальшивый билет — ясно: или сам изготовил, или купил. Во всех случаях подозрительно, требует проверки, а главное — дает законное основание для задержания, обыска... Покопались на даче Берадзе. И нашли три сберкнижки на 15 тысяч рублей (вот бы нам с тобой, а?!), на четыре с половиной тысячи — трехпроцентных облигаций, около двух с половиной — деньгами, еще пятьдесят тысяч — закопанными в землю... Ну, там драгоценности, желтый металл, 500 рублей — при личном обыске... Так, мелочь, видно, на карманные расходы... Это он на карманные расходы две с половиной мои зарплаты, гад, держал! ...Впрочем, больше я подобных цифр приводить не буду — жалко мне тебя, мой бедный шакал (между прочим, сколько тебе за очерк платят, каким золотым дождем осыпают?).

Еремия Берадзе, как директор, естественно, получал солидный куш. Но и он не полностью был посвящен в курс дела — Ниагвришвили правильно рассудил: слишком глуп, ненадежен. Он с другими на паях работал — с дельцами покрупнее, однако о них — особый разговор, здесь неуместный.

Здорово работал твой Евгений Владимирович! Я не говорю о таких мелочах, как «освоение» и «внедрение» изделий, давным давно освоенных и внедренных на родственных предприятиях. Этим он баловался на первых порах, пока не занялся более солидными вещами.

Есть такая штука — капроновые туристические мешки. Цена им в магазине — полтора рубля. Формально

фабрика и выпускала, в частности, эти мешки. Но в торговую сеть, в том числе в наш потребсоюзский магазин, сдавался не товар — вносились деньги. А выпускали они хозяйственные сумки-авоськи, по рубль девяносто за штуку. Ты что ж думаешь, присваивалась разница? Куда там — держи карман шире. Хитрость заключалась вот в чем: на мешок требуется 400 граммов пряжи, на «сетку» — тридцать... А дальше считай сам. Но и это не все. Они, сволочи, даже лекала изготавливали уменьшенные. Так, по миллиметрам, по граммам, и собирали свои тысячи!

Дальше — заниженные нормы. Вот, скажем, второй цех. Чтобы выполнять план, он мог работать всего восемь с половиной часов в сутки. А на самом деле работа там была двухсменная, и десятки тысяч модных плащей в год шли «налево». Вот тебе и высокие показатели! Чем не предприятие коммунистического труда?! Тут, конечно, и головотяпство плановиков из Министерства местной промышленности, и фальшивая технологическая документация... В общем, все постарались: кто воровал, кто помогал воровать — вольно или невольно.

Однако и это цветочки — у них в одном филиале из семи станков только два числились на бухгалтерском учете. И были еще станки — ахнешь! Заграничные, их только на валюту купить можно: Как твой синтетический король и его К° сумели их раздобыть — мне пока неизвестно. Эти станки работали в «левом» цехе. Здесь, в Ахалсепели, действовало самое настоящее тайное производство! Как тебе нравится такой детектив? ...Да, любопытная деталь. Между прочим, Марлен — тот самый мрачный субъект, о котором мы говорили, когда ездили в горы, — не случайно стал шофером Еремии Берадзе. Он был доверенным лицом Ниагвришвили, тот его нарочно подсунил балбесу-директору — чтобы не натворил каких-нибудь глупостей. И ведь натворил — при тебе о своем «счастливом» билете ляпнул! Не окажись ты свидетелем — Ниагвришвили, уж тут сомневаться не приходится, в зародыше задушил бы идиотскую выдумку с лотереей. Так что можешь считать: ты здорово помог следствию... Но знаешь, Гиви, что меня не на шутку за живое задело? Ниагвришвилевская метаморфоза. Ведь он в самом де-

ле на фронте был, воевал храбро. И вдруг! Он искренне любил этого твоего несостоявшегося героя Капанадзе и совершенно бескорыстно помогал семье Тамрико. Он в самом деле страдал оттого, что не имел детей и, если отбросить усмешечки, действительно был незаурядным — умным, своеобразным, по-настоящему интеллигентным человеком. Вот иди после этого — занимайся черно-белым фотографированием жизни...»

Далее следуют рассуждения Саши Григолия о глухих тайнах человеческой природы и сюрпризах, которые способна преподнести психология *homo sapiens*, — слишком, на мой взгляд, заумные рассуждения, чтобы стоило их цитировать.

ЭПИЛОГ

В следующий раз я попал в эти места через два года — поехал туда в отпуск. Мой выбор был продиктован следующими немаловажными соображениями:

Во-первых, море — не какой-нибудь там курортный пляж, когдаходишь на полкилометра от берега, а вода тебе чуть выше пояса. Берег за Ахалсопели был что надо — дно круто уходило вниз, хоть иырьй, как со стартовой тумбочки.

Во-вторых, начал функционировать тот самый дом отдыха, который во времена моей командировки только строился.

В-третьих, Саша Григолия, давно, как известно, вышедший из комсомольского возраста, занимал теперь достаточно заметный пост, чтобы суметь меня в этот дом отдыха устроить. Он стал начальником районного управления сельского хозяйства — не такое уж, между прочим, большое повышение. В руководстве района произошли значительные изменения, однако сам Саша остался прежним, а неуживчивых людей никакое начальство не любит... Надо ли говорить, что свое служебное положение мой друг использовал в довольно оригинальной форме: мне, правда, предоставили комнату с видом на море, зато на предпоследнем, десятом этаже; в случаях, когда лифт не работал (а когда работает лифт в только что сданном строителями здании?), я вспоминал о Саше с самым теплым чувством.

Первую ночь я провел в его доме — моя путевка начинала действовать со следующего дня. Как и два года

назад, мы засиделись допоздна. Ровно в одиннадцать Саша уснул Тамрико спать. Она попыталась было разить, но он остался непреклонен, и Тамрико, уходя, отчетливо, хотя и негромко, с глубоким убеждением произнесла:

— Деспот.

Ей нельзя было говорить громко, потому что за стеной спал полугодовалый Сергей Александрович Григорья.

Саша в третий раз озабоченно спросил:

— Слушай, а он, правда, на меня не похож?

— Конечно, — великодушно подтвердил я. — Весь в мать. Ты не беспокойся.

Но он поглядел с недоверием и тяжело вздохнул:

— А мне кажется, нос — мой, точь-в-точь...

Мы выпили за Сашиных родителей, за мою маму, за маленького Серго и за покойного Бичойю. Когда ложились спать, небо было так густо усыпано звездами и полная луна светила так яростно, что не поймешь: это от них ночь на ночь не похожа или уже наступает утро.

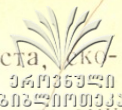
Саша разбудил меня в семь, на управленческом «колхознике» (дождался, наконец!) привез на знакомую станцию и покатил дальше, обещав подобрать к концу дня на обратном пути.

Мы с Багирой прошли почти до самого Ахалсепели, но в поселок не заходили — не хотелось. За что я действительно был благодарен другу — так это за вырванное у директора дома отдыха разрешение поселиться во вверенной ему здравнице с собакой. Дом Абеда Арчвадзе утратил свой нарядный вид и выглядел покинутым. Так оно и было: Саша накануне сказал мне, что старик уехал в Рачу, к каким-то родственникам.

Мы полюбовались на добротную бетонную дамбу, надежно поддерживающую в опасных местах обрывистый берег Кодори. Раскачались-таки, построили... На пристанционную площадь мы вернулись под вечер.

Разномастные уличные собаки по-прежнему занимались своими собачьими делами. Багира смотрела на них с молчаливым презрением.

Я закурил, с удовольствием затянулся — вот он, великолепный способ горожан дышать чистым воздухом! — и услышал мучительно знакомый голос:

— Что же, Чичико, что? Говори, пожалуйста, скорее!

— А то, — внушительно отвечал Чичико, — что ему сказали: «Нет, дорогой товарищ, вы сначала насчет приписок расскажите!»

Это были те самые старики, чью беседу я невольно подслушал здесь же, на этой скамье, два года назад!

— Вот, смотри сюда! — потребовал Чичико. — Везде чистка идет...

— Извини, но «чистка» — не то слово, — несмело, однако явно гордясь политической грамотностью, возразил (теперь я окончательно узнал их) собеседник с кинжалом.

— А-а! Как же не чистка, если секретаря райкома с работы сняли, начальника милиции из партии исключили — еще, вот увидишь, посадят! Обязательно! Санитарный врач уже сидит? То-го!

Чичико, как флагом, победно взмахнул газетой.

— И все-таки... — Кинжалоносец, судя по всему, претерпел за минувшее время определенную эволюцию. — Ты, дорогой Чичико, слишком уж безапелляционно выражаешься... Безапелляционно! — с удовольствием повторил он звучное слово, выжидательно и несколько даже свысока поглядел на собеседника, потом выкрикнул: — Хотя — пусть «чистка»! Так им и надо! Пускай их чистят. Но ты мне, Чичико, вот что скажи: опять будешь говорить, что в Техасе живем? Опять, да?!

Чичико подумал, подумал, крепко провел по дубленому лицу еще более жесткой ладонью и философски сказал:

— Поживем — увидим... Вот так! Поживем — и увидим.

Хотел было я подойти к ним, пристыдить скептика Чичико: что, мол, еще «смотреть», когда и так уже все ясно? Но передумал. В конце концов на то они и старики, чтобы во всем сомневаться и ворчать по любому поводу.

— Гав! — обрадованно воскликнула Багира.

Это, как всегда лихача, резко затормозил рядом Саша Григорья, чтобы забрать нас к себе домой, а утром отвезти к морю.

«Женщины всех советских республик, всех наций и народностей страны вносят достойный вклад в развитие социалистической Родины, в дальнейшее укрепление дружбы и нерушимого единства братских народов. Советские женщины беззаветно преданы идеалам коммунизма, великой ленинской партии. Весь свой энтузиазм, знания, трудолюбие и мастерство вы отдаете великому делу строительства коммунизма, осуществлению исторических решений XXVI съезда КПСС».

(Из приветствия ЦК КПСС советским женщинам).

Светлана ИСАШВИЛИ

ИСКУССТВО ТРУДОЛЮБИЯ

О черк

ОДИН известный писатель, познакомившись в подмосковном Доме творчества с Анаидой Беставашвили, был поражен:

— Сколько помню себя, постоянно встречаю ваше имя под переводами грузинской прозы. Я предполагал, что вы уже старушка. И древняя, как сама грузинская литература. А вы, оказывается, вот какая!

Высокая, стройная, с темно-рыжими волосами и огромными голубыми глазами, Анаида Беставашвили принадлежит к числу тех женщин, которые очаровывают сразу и надолго. Трудно представить, что на счету у этой красивой женщины более 30 книг—переводов как классической, так и современной грузинской прозы, тысячи строк подстрочника и множество опубликованных статей, рецензий, монографий.

— Когда же вы столько успели? — удивился писатель, сам автор многих произведений.

— А я считаю время минутами...

Это не было просто шуткой. Еще на студенческой скамье — а она закончила Литературный институт имени М. Горь-

Из серии очерков, посвященных нашим землякам, самоотверженно работающим в самых различных уголках нашей необъятной Родины и прославляющим ее. Публикация этой серии, посвященной 60-летию СССР и 200-летию со дня подписания Георгиевского трактата, начата в № 1 «Литературной Грузии» за 1982 год.

кого — многих поражала необычайная работоспособность Анаиды Беставашвили, которая уже тогда успевала не только заполнить весь объем заданий, но и переводить «для живых людей» более интересных, талантливых, самобытных современных авторов. Еще в шестидесятых годах вышли в свет переведенные ею книга Тамаза Чиладзе «Прогулка на пони», рассказы Эдишера Кипиани.

С первых же шагов работы в издательстве «Мерани» она была включена в комиссию по подстрочному переводу «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, а также редактировала подстрочники Н. Бараташвили. Тогда же ей заказали перевод «Русуданиани» — грузинской прозы XIII — XVII веков. Одновременно А. Беставашвили увлеклась переводами произведений тогда еще молодых писателей Тамаза Чиладзе, Эдишера Кипиани, Арчила Сулакаури.

И все успевала. Секрет?

— Думаю, обстановка доброжелательности, искренности всегда повышает работоспособность. А именно в такую атмосферу попала я с самого начала в коллективе, возглавляемом опытным издателем, ярким, незаурядным человеком Марком Израилевичем Златкиным. Он всегда поддерживает молодежь, мягко и в то же время обстоятельно указывает на ошибки, без которых, увы, не обходится ни один начинающий литератор. Но, главное, он доверяет молодым.

Но еще больше дало молодой переводчице общение с выдающимся мастером грузинской литературы Георгием Леонидзе.

Узнав, что редактором издания «Русуданиани» будет Георгий Леонидзе, молодая переводчица ужасно разволновалась. Еще бы, живой классик, стоящий в одном ряду с Акакием Цеццели, Ильей Чавчавадзе, Галактионом Табидзе... Она уже готова была отказаться от работы над переводом, потому что вдруг разуверилась в своих возможностях. Ей казалось, что все получается как-то коряво, неточно, бездарно...

Но ее встретил очень красивый, очень веселый, очень добродушный седовласый человек, который сказал:

— Такая молодая переводчица и такая древняя проза... Что из этого может получиться? А может быть, это и очень хорошо.

И Анаида вдруг почувствовала себя бодрее, увереннее. Она перестала нервничать и уже могла внимательно слушать все то, что говорил ей этот замечательный поэт. А говорил он конкретно, интересно, по существу. Отталкиваясь от какого-либо выражения или слова, он раскрывал перед ней необъятный, неисчерпаемый мир грузинской литературы. Он вводил ее в этот мир ненавязчиво, тактично, добро. И то неясное, непонятное, что отпугивало вначале неопытную переводчицу, вдруг раскрывалось перед ней во всей величественной красоте большого искусства.

Анаида Беставашвили приносила Г. Леонидзе свои переводы по частям — и каждая встреча с поэтом, ярким, блистательно остроумным человеком, обладающим, кроме всего, замечательным даром импровизатора, становилась для нее пра-

здником. Он растолковывал непонятное, учил понимать текст со всеми его нюансами, помогал находить соответствующие выражения в русском языке. Георгий Леонидзе был не только большим поэтом, но и величайшим исследователем литературы.

Случилось так, что в то же самое время ее назначили редактором сборника стихов Георгия Леонидзе, одного из последних прижизненных изданий. Делая по его просьбе подстрочные переводы и рассылая их русским поэтам, Анаида Беставашвили завязала постоянную переписку с Николаем Тихоновым, а потом не раз встречалась в Переделкине с этим выдающимся мастером пера, что, конечно же, не могло не оказать влияния на ее художественное мировоззрение, вкус литератора и переводчика.

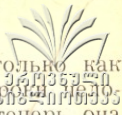
Не менее важно было и чисто эмоциональное ощущение, которое возникало у нее каждый раз во время бесед с Г. Леонидзе и Н. Тихоновым. Оба были замечательными рассказчиками. Остроумно, с юмором говорили они о своих взаимоотношениях, о впечатлениях, произведенных тем или иным жизненным эпизодом.

— Я был тогда начинающим поэтом и заядлым альпинистом, — рассказывал Николай Семенович Тихонов. — Однажды в горах я встретил пастуха, который беседовал с собакой, ритмично покачиваясь, будто читал стихи. Вначале я не понял, в чем дело, и спросил об этом пастуха. Он отмахнулся: — Подожди, не видишь — разговариваю? Кончу — отвечу тебе. — Я терпеливо ждал, пока высокий, колоритный горец-грузин беседовал с не менее колоритной огромной овчаркой с по-человечьи грустными глазами. Наконец он снизошел до объяснений: — Собака потеряла щенков. Она переживает. Чтобы отвлечь ее от печальных мыслей, я читаю ей стихи, — ответил он мне. И тут я понял, что не зря терял время. Я понял, что нахожусь в стране поэзии.

Много лет спустя Анаида прочитала об этом и многих других эпизодах, рассказанных ей когда-то Николаем Семеновичем, в двухтомнике, выпущенном издательством «Мерани».

Навсегда запомнились Анаиде Беставашвили и встречи с Симоном Чиковани. Она переводила книгу статей писателя, а потом просто стала частым гостем в его семье, которая была воистину очагом грузинской культуры. Здесь не раз бывали почти все известные русские и грузинские писатели и поэты. Остроумный, обаятельный хозяин дома был неизменно гостеприимен и доброжелателен.

Собственно, доброжелательность к молодежи и объединяла таких разных по характеру и внешности, по творческой манере и литературному мировоззрению писателей, как Георгий Леонидзе, Николай Тихонов, Симон Чиковани. Они искренне радовались каждому творческому успеху молодых литераторов, стремились помочь, обласкать каждого, кто подавал надежды уже только потому, что он был начинающим поэтом, писателем или переводчиком, как, например, Анаида Беставашвили. Их доброта, бесконечное доверие, серьезное от-

пошение к ней способствовали становлению ее не только как литератора, но и как человека. Они преподали ей уроки вечности, и Анаида усвоила их на всю жизнь. А теперь она сама преподает такие уроки другим.

Пятый год руководит она группой студентов отделения художественного перевода Литературного института имени М. Горького. Это уже вторая группа переводчиков с грузинского, которую выпускает А. Беставашвили. Первая была объединенной грузинско-абхазской, в которой лишь трое переводили с грузинского. Даниил Чкония, талантливый поэт и прозаик, несколько лет назад принятый в Союз писателей, и Вахтанг Федоров-Пиклаури, который ныне успешно переводит очень серьезные произведения Гурама Гегешидзе, Георгия Бакаридзе, Гиви Мамулария, чья проза интересна, психологична, философична. С ними у Анаиды Николаевны и сейчас самые тесные контакты. Третий — Володя Полетаев трагически погиб. Весть об этом надолго выбила из колеи его бывшего педагога А. Беставашвили.

Нынешняя группа гораздо более многочисленна. Здесь и ребята, хорошо владеющие грузинским языком, и те, кому пришлось впервые услышать картлийскую речь лишь на студенческой скамье. Студентка из Болгарии Милена Лилова пять лет назад не знала по-грузински ни слова. Сейчас она свободно владеет речью, переводит стихи без подстрочника. Ее дипломная работа — антология «Грузинские поэтессы», среди которых видное место занимает творчество Анны Каландзе. Переводы ее стихов М. Лилова уже опубликовала в Болгарии.

Не менее успешно овладела грузинским поэтом из Литвы Она Мицкявичуте, готовя к изданию «Антологию современной грузинской поэзии» на литовском языке. Наташа Соколовская и Снежана Соколова также уже обходятся без подстрочника. Первая работает над творчеством Отара Чиладзе, вторая переводит поэзию Хута Берулава.

Единственный поэт, знавший грузинский с детства, Владимир Тереладзе хочет донести до русского читателя всю глубину произведений Терентия Гранели. Он уже неоднократно публиковался, и его переводы заслужили должное признание читателей.

Коль скоро основной состав поэтов-переводчиков недостаточно знал Грузию, ее нравы и обычаи, литературу и искусство, Анаида Беставашвили с самого начала настояла на том, чтобы студенты ежегодно ездили в Грузию.

— Чтобы стать хорошим переводчиком, — говорила она, — надо не только овладеть языком, ему в течение пяти лет ежедневных занятий в институте можно научиться. Главное — постичь психологию нации, усвоить традиции, проникнуть в глубины культуры, искусства. А грузинская культура — это старинные фрески и современная живопись, архитектура. Их нужно видеть в подлинниках, а не на репродукциях. Вековые традиции грузинского театра, обновленные талантливыми режиссерами и актерами. Древнейшие рукописи, хранящиеся в музеях Тбилиси, и общение с талантливыми грузинскими поэ-

тами и писателями — всего этого не усвоить в стенах даже такого института, как Литературный имени Горького.

И вот уже пять лет каждое лето писатели республики приглашают своих будущих коллег в гости. Студенты побывали почти во всех уголках Грузии, видели памятники старины, любовались древними фресками, смотрели спектакли в театрах, посещали выставки.

Но самое глубокое впечатление произвела на них встреча с грузинскими литераторами в Вардзия.

Они заранее готовились к ней. Выучили на грузинском стихи, подготовили новые переводы. Они знали, что будут величественные горы и в их глубине — пещерный монастырь XII века. Но то, что они увидели здесь, глубоко поразило их воображение. В высоких сводчатых пещерах-залах гулко звучали голоса тех, кто рассказывал о кровавых битвах предков, стоявших насмерть, чтобы противостоять бесконечным нашествиям захватчиков, сохранить и донести потомкам величие и богатство грузинской культуры.

А потом читали стихи Галактиона Табидзе на грузинском языке Наташа Соколовская, Милена Лилова, Она Мицкявичуте. И те же стихи звучали на русском, болгарском, литовском... Древние стены Вардзия, сотрясавшиеся когда-то от криков и стонаний, сейчас стали свидетелями дружбы, любви, единения народов и литератур. Древние стены Вардзия слышали грузинскую речь из уст поэтов других народов. Древние стены Вардзия видели, каким радостным блеском горят глаза молодых людей...

— В годы студенчества я еще не могла понять ностальгии Фатимы Антоновны Твалтвадзе, прекрасного переводчика, литератора, — сказала как-то Анаида. — Она дружила с Пастернаком, Заболоцким, имела большой творческий авторитет. Она вела нашу, первую группу грузинских переводчиков в Литинституте. Она всю жизнь прожила в Москве и имела здесь много друзей. А умирать приехала в Тбилиси...

Если поэты группы не знали раньше грузинского языка, то все четыре прозаика владели им в достаточной мере к моменту поступления в институт. В течение пяти лет учебы они лишь совершенствовали свои знания, оттачивая в то же время навыки перевода. Этим четверем ребятам Анаида Беставашвили стремится передать весь свой опыт, мастерство, обретенное за двадцать лет работы со словом.

— Ведь проблема мастерства, — объясняет она, — ощущается каждым литератором в моменты, когда не удастся передать мысль наилучшим образом и приходится искать наиболее точный эпитет, наиболее емкий образ, соответствующий подлиннику. Этот упорный поиск, без которого не существует серьезной работы над произведением, приближает художника к овладению основами мастерства. Это хорошо знает каждый зрелый литератор. И его главная задача в работе с молодыми — объяснить это, убедительно, тактично, доброжелательно научить работать систематически, терпеливо, скрупулезно.

В свое время ее научили чуткости, доброте, доверию молодым писателям старшего поколения. Сейчас она старается

быть похожей на них, как была сама похожа в своих творческих поисках на своих нынешних выпускников, которые между собой ласково зовут ее Мамаидой Николаевной.

Все они уже регулярно публикуют свои переводы, а также же критические статьи, рецензии на произведения грузинских писателей в журналах «Дружба народов», «Юность», «Литературная Грузия» и других. А интерес к грузинской литературе значительно возрос в последнее время.

В этом А. Беставашвили убеждается, общаясь с литераторами, студентами, получая читательские отклики. Около десяти лет читает она курс грузинской литературы на основном отделении Литературного института и на заочном, которое гораздо многочисленнее.

Среди заочников есть люди, живущие в глубинных селах, где зачастую нет даже библиотеки. И когда встает такой студент и просит рассказать о творчестве Отара Чиладзе, то это свидетельствует не только о популярности поэта, но и об авторитете национальной поэзии в целом. Впрочем, творчество Отара Чиладзе необычайно волнует молодежь. Один из студентов перевел его стихи на узбекский и издал отдельную книжкой в Ташкенте, что, несомненно, явилось серьезной вехой в дружбе наших народов. Известный панамский поэт Педро Корео Васкес взялся переводить на испанский поэму «Человек в газетном столбце», посвященную событиям в Панаме. Студент из Монголии попросил Анаиду Беставашвили достать ему подстрочник стихотворений Отара Чиладзе.

Когда речь заходит о том, что грузинская литература вызывает живой интерес у студентов Литературного института, то нельзя сбрасывать со счетов и заслугу Анаиды Николаевны. Образно, вдохновенно рассказывает она будущим поэтам и прозаикам о произведениях своих земляков, о течениях в грузинской литературе, о поисках и находках авторов, действительно достигших в последнее время небывалых высот.

И студенты, зачарованные рассказом лектора, спешат прочитать интересное произведение, а познакомившись с «Законом вечности» Нодара Думбадзе, «Датой Туташхиа», Чабуа Амираджиби, творчеством Тамаза Чиладзе и многих других грузинских писателей, делятся своими восторгами с А. Беставашвили.

Слушатели Анаиды Беставашвили — люди творческие, мыслящие — стремятся полнее разобраться в увлекшем произведении. Они пишут курсовые работы, переводят грузинских авторов на родной язык — марийский, чувашский, калмыцкий, чешский, венгерский, испанский, литовский, узбекский, украинский.

Анаида Беставашвили всячески поощряет интерес студентов к грузинской литературе. Она снабжает их книгами, подстрочниками, которые иногда приходится посылать за тысячи километров. По просьбе, например, студента-заочника, молодого режиссера из далекого сибирского городка, она перевела пьесу Т. Чиладзе «Роль для начинающей актрисы» и переслала ему. Отправляясь в Венгрию, она взяла свои переводы произведений Григола Абашидзе, Эдишера Кипиани.

Тамаза Чиладзе, Арчила Сулакаури. Их просила привезти венгерская писательница Эва Ленард, готовящая антологию грузинской прозы.

Постоянные контакты у А. Беставашивили с Вацлавом Черней, переводчиком из Чехословакии, который, в совершенстве владея грузинским языком, нередко спорит с ней по поводу перевода той или иной фразы.

— Обратите внимание, у меня на чешском это звучит более точно и выразительно, — с этими словами нередко обращается В. Черней к своей коллеге, хотя и отлично знает: оценить его искусство Анаида не может по той простой причине, что не знает чешского.

С болгариним Николой Кынчевым взаимоотношения более ровные. Ему Анаида Беставашивили систематически посылает подстрочники. Не владея грузинским языком, он, однако, очень часто публикует переводы грузинских поэтических произведений.

Коль скоро речь зашла о подстрочниках, то эту область своей работы Анаида считает не менее ответственной, чем перевод прозаических произведений.

— Правда, имя автора подстрочника, как правило, нигде не фигурирует. Но это звено играет весьма существенную роль в том, как поймет и передаст стихотворное произведение поэт-переводчик.

Это она поняла давно, еще в бытность свою редактором издательства «Мерани». Анаида делала подстрочники для Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной, позднее — Владимира Леоновича. Она подолгу сидела с молодыми тогда поэтами, разъясняя подлинный смысл поэтических образов, находя соответствующие ассоциации в русском, вспоминая аналогии, подбирая подходящие идиоматические обороты. Случалось, чтобы точнее выразить мысль автора, ей приходилось петь, танцевать, мимически изображать эмоциональное состояние... Порой только так можно было передать поэтический образ, сообщить, что хотел выразить грузинский поэт.

Собственно, так рождалась ее дружба со ставшими впоследствии признанными мастерами — Евгением Евтушенко, Александром Межировым, Беллой Ахмадулиной, Юрием Рышленцевым, Олегом Чухонцевым и многими другими поэтами, проявлявшими неисчерпаемый интерес к грузинской литературе. Анаида, страстно и беззаветно увлекавшаяся литературой со всем пылом молодости, как бы заражала собеседников эмоциональным настроением, своей любовью к грузинской поэзии и прозе. При всем том она отлично разбиралась в подлинной художественности произведения искусства, давала точные характеристики, высказывала меткие суждения. С ней было интересно и молодым, и маститым.

Контактная, неизменно доброжелательная, обаятельная переводчица стала близким другом большинства литераторов, с которыми ей пришлось столкнуться, будь то русские поэты или грузинские писатели.

Последних, кстати, она узнавала вначале по произведениям, опубликованным где-нибудь в журнале или изданным

небольшой книжицей мизерным тиражом. Обладая истинным литературным вкусом, она сразу распознавала в них истинное дарование и начинала переводить «для себя». Это была проза тогда еще совсем молодых, никому не известных Тамаза Чиладзе, Арчила Сулакаури, Эдишера Кишиаши. Художественное чутье не подвело переводчицу. Эти писатели стали ведущей группой грузинских прозаиков. Их романы, повести, рассказы получили такой большой резонанс, что московские издательства сами стали проявлять заинтересованность в их переводах. Так что «пробивать», «проталкивать» их не пришлось.

Позднее, когда Анаида Беставашвили вышла замуж и переехала в Москву, издательства «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Художественная литература», работая с ней в тесном содружестве, предлагали переводить авторов, которых она к этому времени отлично знала не только по их произведениям. Бывая в Москве, они непременно заходят к ней на чашку чая, рассказывают тбилисские новости, делятся своими планами, вручают новую рукопись. Анаиде же приятна каждая встреча с земляком, каждая весточка из родного города. Одновременно это — деловые творческие контакты, но они тем легче устанавливаются в приятной обстановке семьи Беставашвили, глава которой человек хотя и далекий от литературы, — он ведущий инженер одного из московских предприятий, — но неисчерпаемый на выдумки весельчак, остроумный, гостеприимный, доброжелательный хозяин.

Вот так и повелось, что в небольшой типовой трехкомнатной квартире, в доме у метро «Рязанский проспект», очень часто собираются лучшие представители русской и грузинской интеллигенции, поэты, писатели, режиссеры, артисты, художники, композиторы — все те, кто живет искусством, мыслит художественными образами, творит для людей, на каком бы языке они ни говорили. Красивая, обаятельная хозяйка с огромными голубыми глазами всегда рада гостям. Но для многих из них так и осталась неразгаданной тайна, когда она успевает столько перевести, написать литературоведческую статью, прочитать лекцию, провести семинар, быть чуткой и заботливой матерью двух детей и неизменно гостеприимной хозяйкой. Тайна, да и только...

Лина ХИХАДЗЕ

Пунктирные

линии,

бегущие

вдаль

В ЭТИХ небольших рассказах¹ присутствует тревожное начало. И не потому, что автор концентрирует внимание на выражении своего душевного состояния или состояния души своих героев. Невнимательному взгляду даже, пожалуй, может показаться, что на первом плане в них — подробности быта, внятные голоса обычной, каждодневной жизни. А ощущение тревоги все же возникает. И не извне, а изнутри этого будничного существования людей, воссозданного так достоверно, что представляется, будто воображение тут немало не участвовало; просто автор подсмотрел эти картины в жизни и с протокольной точностью их отразил. Так оно отчасти и было, наверное; наверное, он рисовал хорошо знакомых людей и хорошо знакомые ситуации — отсюда масса подробностей, узнаваемых деталей. Но главное в другом — в том, что превращает частности в целое, в художественную систему, в поэтическую структуру, как мы сейчас говорим.

Вглядываясь в заинтересовавшие его незамысловатые житейские истории внимательными глазами аналитика, писатель умел разглядеть за ними глубокий психологический план,

¹ Джемал Топуридзе. Рассказы. «Литературная Грузия», 1981, № 6.

всю жизнь в ее глубинном выражении, увидел и то, что под-
ням свойственно иногда игнорировать, не принимать в рас-
чет — мир души, фатально упускаемый под давлением еже-
дневности. И, осмысливая источник тревоги, думает именно
именно в этом: жизнь каждодневная, будничная, та, что нас
окружает и которой мы живем, и другая, подлинная жизнь
с ее великой печалью и великим значением подчас драматически
и мучительно не совпадают.

«Посреди комнаты, у гроба стоял коренастый, коротко-
стриженный седой мужчина лет пятидесяти. Глаза его покрас-
нели, борода отросла. К костюму с левой стороны, у сердца,
булавкой была приколата маленькая фотография совсем мо-
лодой женщины; широкая черная повязка то и дело сполза-
ла с левого рукава...» Лексо Затикашвили хоронил жену
(«Лексо»). Мы узнаем из рассказа о том, что Лексо долго
не давалось семейное счастье, и было ему уже тридцать, когда
по дороге из города, под проливным дождем, он встретил крас-
нощекую девушку, будущую свою жену, у гроба которой он
изображен в начале рассказа.

Автор не произносит прямых слов о чувстве своего ге-
роя, не произносит их и сам герой, просто «пятнадцать лет
прожили они вместе, и пятнадцать лет с радостью возвра-
щался Лексо домой и с радостью встречал каждую ночь». А
теперь он стоит у ее гроба и с недоумением прислушивается
к себе.

Одна из особенностей повествования (это относится ко
всем рецензируемым рассказам, не только к этому) — отсут-
ствие патетики, отсутствие, так сказать, курсива и разрядки.
Рассказы глубоко и ненавязчиво психологичны. Настолько
ненавязчиво, что как будто и не претендуют на это качест-
во. В жизнь человека жестко и неумолимо вошло горе, во-
шло, как и положено ему, без предупреждения, «без стука»,
и круто разорвало жизнь на две части, на то, что было и
что есть. Но сознание еще не в состоянии охватить размеры
потери, инерция прежней жизни продолжается, человек как
бы отчужден от себя. «...Лексо оцепенело переводил глаза
с плакальщиц на мертвую Тамро и никакого горя не испы-
тывал. Он словно пришел посочувствовать из вежливости
герю кого-то чужого, далекого. Первую ночь он просидел на
скамейке во дворе и не мог заснуть лишь от стыда за собст-
венное бессердечие. Он надеялся, что завтра все будет по-
другому. Но завтрашнее утро он встретил так же, как и
всегда, посмотрел на небо, подумал — какое хорошее ут-
ро, — вошел в комнату, где покоилась Тамро. Взглянул
сначала на портрет, что висел на стене, потом на жену. Пе-
чали не было и в помине, он снова вышел на деревянный
балкон и принялся разглядывать деревню». Затем следует
целый ряд подробностей, воссоздающих наши деревенские
похороны и поминки: тут и сосед Мито, помогающий «варить
хашламу», и бабушка, которая «причитает и убивается» у
гроба: «Ты должна была засыпать мой гроб землей, как же
мне тебя хоронить», и — снова — тяжелое недоумение Лек-
со по поводу своей бесчувственности — «...хоть бы что,
будто он в доме врага своего».

Живые, правдивые образы создают поэтическую мысль, а не заданная мысль конструирует (как это нередко бывает) поэтические образы. Отсюда выраженная национальная специфика, в частности специфика юмора (нашедшая, кстати сказать, в переводчике внимательного интерпретатора), отсюда реалии крестьянского быта. Отсюда же и то, что сверлящий, недоумевающий вопрос — почему не страдаю? — не переходит в область рефлексирования: его задает себе не интеллигент, а крестьянин, неумело, неловко чувствующий себя в сфере «общих вопросов», и мысли его облекаются в конструкции, несущие отпечаток характерно крестьянского мышления: «...будто он в доме врага своего». Или: «Перед уходом все подходили к Лексо и говорили: «Крепись!». А ему все хотелось выкрикнуть в ответ: «Да такого крепкого, как я, такого пса, такой свиньи бессердечной тут и нет больше». Но вот все кончилось. Усталый Лексо лег в постель и сразу заснул. А за полночь проснулся, словно кто-то его разбудил. Проснулся и... в первый раз оказался один на один со своим горем.

«— Мито! Ты слышал? (будит соседа жена.—Л. Х.) Кто-то вост, может, волки?

— Мать моя родная, да какие же волки в середине лета? — сказал муж, однако встал, босиком вышел на балкон и вскоре вернулся.

— Ну что, Мито? — испуганно спросила жена.

— Да Лексо, бедняга... ревет как бык раненый.

Супруги немного помолчали.

— Может, сходишь к нему, а, Мито? Ведь один он там...

— Ну схожу — и что скажу? Как утешать буду? Мол, вернется она и рядом ляжет, что ли?..»

Судя по всему, краткость — не просто стиливая манера Д. Топуридзе, но особенность художественного сознания, восприятия жизни. Кратчайшая концовка поражает неожиданной, даже как будто (именно как будто) неуместной ироничностью. Но в этой невеселой ироничности — начало, исходный момент раздумья, активизации читательской мысли. И нельзя не ощутить многомерность этой краткости, соединяющей две полярные стихии — трагедию и смех — как в жизни.

А вот другой рассказ — «Нуцико Эмхвари». «...Звонит высокая тоска, необъяснимая словами...» Эти песенные слова были бы как нельзя к месту в эпитафии к нему. Есть в этом рассказе что-то акварельное, что-то светлое, звездное, что хотелось бы оставить в душе. И портрет героини тоже акварелен. Она была зеленоглазой и романтично-воздушной, любила стихи. «А еще она видела сны. Порой в этих снах не было ничего особенного, но когда она просыпалась, ей бывало почему-то очень радостно». А потом, как испокон бывало, нежные сны столкнулись с трезвой реальностью — тема, вообще говоря, традиционно тяготеющая к жанру лирического рассказа, к открытой, явной «лиризации» повествования. Повествование Д. Топуридзе основывается на иных началах — оно не содержит субъективных оценок, в нем констатируются факты, излагаются события, подчас иронично излагаются.

и не оцениваются. Но присутствует одна подробность, сущая субъективный, эмоциональный элемент в «нейтральных деталях» (вроде рояля красного дерева, пыльных штор в квартире, где бабушка воспитывала осиротевшую Нуцико, или железной кровати, маленького столика, на котором часто оставались пустые бутылки, пепельницы, полные окурков, и книг, лежащих на полу, в комнате Гурама). «Две стенки были сплошь увешаны рисунками Гурама, а среди них выделялся натюрморт с цветами, который один французский художник подарил деду Гурама, когда тот в молодости побывал во Франции». Какая художественная надобность вызвала к жизни эту неожиданную деталь, непомерно разросшуюся в своем значении, потому что она явно перерастает узко характерологические цели и преследует цели иные, несоотносимые с теми, которые несут все остальные подробности? Более того, прочитав повествование до конца, убеждаешься, что оно обдуманно как бы под мысленный аккомпанемент этой детали, простенького повторяющегося мотива, звучащего каждый раз в иной тональности. «Она вернулась и долго целовала его... Потом она нашла глазами свой любимый рисунок. Потеряла. Снова нашла, си несколько раз качнулся на стене, отдалился, уменьшился, пропал». Упоминание о натюрморте в другой ситуации придает этой детали символическую значимость: «Летом на вокзале была страшная жара, пыль и крик... Женщины целовали мужчин в военных шинелях и плакали. Звуки духового оркестра из репродуктора не могли покрыть шум. Нуцико с товарищами стояла у деревянного столба. Среди них было несколько солдат. Один стоял рядом с нею. «Ты ведь будешь ждать... — говорил он. — А если со мной что случится, сохрани наш рисунок». Эта деталь возникнет снова, на этот раз чтобы сообщить повествованию новую мелодию, мелодию печали и одиночества, которая пробудит в нас горестное сочувствие к щемяще-грустному соединению слабости и силы, незащитности и мужества, бесполезно исчезающего существования и упрямой и горькой верности мечте. Немолодая уже Нуцико дремлет в кресле, на стене, как и прежде, висит натюрморт. «Боль в сердце разбудила ее. Она попыталась привстать, это ей удалось. Боль внезапно ушла и унесла с собой все силы, так, что стало даже приятно. Нуцико взглянула на цветы, устало улыбнулась, тихо опустилась в кресло и поняла, что больше ей уже не встать». В последний раз этот варьирующийся мотив, измененный, искаженный, ироничный и все-таки узнаваемо печальный, прозвучит в конце рассказа: «В комнате Нуцико Эмхвари стоял длинный стол с вином и закусками. Деревянные скамьи были покрыты газетами. Когда поминки кончились, соседи долго еще объяснялись друг другу в любви. Потом они разошлись по своим квартирам. В пропитанной винным духом и сигаретным дымом комнате остался лишь натюрморт с цветами. Молодая соседская невестка сняла со стены натюрморт и унесла его, затем повесила на дверь большой замок. «Комнату отобрал, так хоть уж рисунок этот я Вардену Кикачешвили не оставлю». — сердито подумала она». Странным образом (потому что в этом, ко-

нечно, не было умозрительного программирования), но на тюреморт — один, в прокуренной, пропитанной винным комнате, и потом в руках сердитой соседской невестки воспринимается точно грустный, испуганный ребенок, покинутый среди чужих. Я, разумеется, не настаиваю именно на этой аналогии, но что поэтический образ рождает какое-то смутное беспокойство о том, что нечто очень ценное и дорогое находится в опасности, — это несомненно.

Дж. Сэлинджер, известный мастер коротких рассказов, говорил: «У рассказов не бывает концов. Самое большое — какое-нибудь удачное место, где рассказчику полагается умолкнуть». Тихая «ударность» финалов рецензируемых рассказов не означает конца, замкнутости, законченности. Точки в конце этих рассказов (если употребить удачное выражение исследователя, сказавшего так в связи с чеховскими рассказами) это — пунктирные линии, бегущие вдаль.

В дверь постучал немолодой худощавый мужчина в морской форме. «Как похожа», — подумал он об открывшей ему девушке и улыбнулся ей (рассказ «Капитан»). Капитана привело к этим дверям сложное ностальгическое чувство. Тоска по девочке, которая когда-то опрометчиво обронила фразу, обернувшуюся для него судьбой, — часть этого чувства. Вот почему ему приятно, что дочь на нее похожа, вот почему пятидесятилетний моряк охвачен неожиданной робкой радостью, впервые за двадцать пять долгих лет. Но приходит женщина, смотрит на него пустыми глазами, произносит пустые слова, и он не узнает в ней, чужой, далекой, той любимой девочки, что когда-то так властно и бездумно распорядилась его судьбой. «Скучная история», — сказал бы Чехов (так он назвал повесть о потерянной жизни, о слишком поздно пришедшем прозрении).

Вообще надо сказать, что эти негромко, чуть-чуть домашнему рассказанные истории, всеми корнями уходящие в национальную почву, обнаруживают и причастность к обще-мировому литературному опыту (в этом смысле они не составляют исключения в современной грузинской прозе), к чеховской линии в русской литературе, например. Но это — другая тема, а к сказанному хочется добавить: отрядно, что хотя бы некоторые из рассказов Джемала Тоцуридзе вышли к всесоюзному читателю в очень хороших переводах А. Златкина (в переводе воспроизведен и национальный колорит рассказов, и их сложность и простота, печаль и прозня). И бесконечно жаль, что их молодого автора уже нет в живых.

ВРЕМЯ, УШЕДШЕЕ В КНИГУ

1.

СУДЬБЫ книг, — судьбы людей, их написавших. Рассуждая о судьбах книг, начать, очевидно, следует с размышлений о судьбах их авторов. Не спору, судьба автора уже судьбы книги, если, разумеется, книга переживает его. Жизнь она тогда уже независимой от него жизнью, отделяется от него, обогащаясь и насыщаясь опытом и чувствительностью новых поколений читателей, ценителей ее, исследователей, последователей. «Цветы Зла» Бодлера, о которых пойдет речь, в 1957 году отпраздновали свое столетие. Однако жить они продолжают не только в контексте истории литературы: у книги и сегодня новый и свежий читатель; «урокам» ее внимает каждое последующее поколение поэтов. Сохраняя национальную окраску и аромат своей эпохи, но размножаясь в бесчисленных переводах, «Цветы Зла» стали явлением мировой поэзии, а следовательно — духовным достоянием не только одних французов. И все-таки, как ни расширять рамки разговора, начать следует с автора, вернее с феномена, определяемого словом «писатель», или, как говорили в старину, «сочинитель».

Профессия маркирует личность. Судьба личности всегда шире и одновременно уже того, что принято считать биографией человека. «Нащупать» же то, что отстоялось в судьбе, при

Имя Гиви Орагвелидзе знакомо читателям «Литературной Грузии» по переводам с французского. На сей раз появилась возможность ознакомить читателей с его исследованием «Время, ушедшее в книгу», посвященным одному из шедевров мировой поэзии — «Цветам Зла» Шарля Бодлера. Но прежде чем сказать несколько слов об этой публикации, хотелось бы представить самого автора.

Гиви Григорьевич Орагвелидзе родился в 1930 году в Тулузе. Окончил западноевропейский факультет Тбилисского государственного университета. Долгие годы жил и работал в Средней Азии — читал лекции, сотрудничал в литературной прессе в качестве критика, переводчика, театрального обозревателя. В 1963 году защитил кандидатскую диссертацию. Его перу принадлежит монография «Стих и поэтическое видение» (Тбилиси, 1973), сборник поэтических переводов с французского «Линии

помощи одной биографии, невозможно, как и невозможно обойти ее. Профессия писателя — чемодан с двойным дном, сверху — иллюзорность существования, снизу — реальность. Жизнь РЕАЛЬНАЯ измеряется количеством исписанных страниц, ИЛЛЮЗОРНАЯ — вытекает из общего для всех понятия «личной жизни». К жизни реальной у писателя есть СВОЕ отношение, позиция, если хотите, убеждение или «кредо», наконец. Есть СУММА чего-то конкретного и обязательно ЛИЧНОГО. А раз личное вошло в реальное, то что же остается от понятия «личной жизни», если не сплошная ИЛЛЮЗИЯ того, что она проходит ПАРАЛЛЕЛЬНО? Параллель, как правило, не идеализируется: она воспринимается траферетно, берется «напрокат» в ключе «живу, как все». Но для ВСЕХ жизнь ЕДИНА, следовательно подчинена определенному «бытопорядку»; писатель же очень часто живет этой второй половинкой бездарно, ибо в ней — лишь приметы иллюзорного времени, времени, ушедшего не в книгу, а значит, — не в судьбу. Отвечая на нападки, вызванные появлением «Цветов Зла», Бодлер писал: «Не для жен своих, дочерей или сестер писал я эту книгу; как не писал я ее для жен, дочерей или сестер моего соседа. Функции эти я предоставляю тем, в чьих интересах смешивать добрые поступки с красивыми словами»¹.

Добрые поступки. Красивые слова. Добрые поступки исчислялись количеством исписанных страниц, красивые слова растворились в иллюзорности существования.

Бытует мнение, согласно которому модель личности проявляется в основных своих контурах еще в детстве. В дальнейшем эпоха, родители, воспитатели, окружающая среда лишь совершенствуют (или наоборот), обогащают (или наоборот), то, что вылилась природа, достижениями (или наоборот) истори-

¹ Здесь и далее все французские тексты и документы цитируются в подстрочном переводе по двухтомному изданию: Charles Baudelaire, «Correspondance», Gallimard. Paris, 1973.

наших ладоней» (Ташкент, 1973), а также ряд статей по проблемам французской поэзии и теории стиха.

Теперь о новой его работе. Гиви Орагвелидзе остановил свой выбор на одном из самых сложных и интересных феноменов мировой литературы. Он не только досконально знает историю возникновения «Цветов Зла», но и ощущает живой аромат эпохи, аромат Прошлого и поэтому с легкостью одаренного рассказчика вводит нас в ошеломляющий мир идей, образов и видений Бодлера. В этом смысле его исследование можно назвать уникальным в нашем литературоведении. Оно подсказало, в свою очередь, идею время от времени знакомить наших читателей с наиболее значительными работами грузинских критиков и литературоведов о выдающихся явлениях мировой литературы.

Заза АЕЗИАНИДЗЕ

ческой эволюции. В данном случае нас интересует писатель, а не для удобства постижения условная формула его «двойного поведения». «Двойственен» ли он с рождения? Думаю, нет. Обычный ребенок, хотя, возможно, в отдельных случаях его отрицательные эмоции могут быть более обостренными, чем у сверстников. Главное — ребенок-то обычен, следовательно — жизнь его ЕДИНА, т. е. реальна и единством этим объединена. Иллюзорность в права свои еще не вступила. Когда же вступает она? В каждом индивидуальном случае свой вариант, свои вехи, свои трещины. Отберу в биографии Бодлера лишь те данные, которые так или иначе окрасили его писательскую судьбу.

Жан-Франсуа Бодлер, отец поэта, скончался, когда сыну едва исполнилось шесть лет. Это произошло в 1827 году. Шесть лет — возраст активной памяти, памяти, правда, чаще всего склонной к идеализации. Поэт до конца жизни идеализировал отца. Изысканный критик искусства, он разыскивал отцовские рисунки и картины, откапывал их в лавках букинистов, таскал за собою по многочисленным чердакам и трущобам, где ему, нищему, приходилось ютиться. Отец рисовал. Матери своей, будущей генеральше Опик, поэт не мог простить «измены» — второго замужества. Но это потом, когда в силу вступило «двойное поведение». Ребенком же он любил отчима, который занимался с ним фехтованием, обучал верховой езде. Обычный мальчик жил еще ЕДИНОЙ жизнью: любил то, что любила мама.

А мама родилась в Лондоне. Француженка по матери, англичанка по отцу, Каролина Дюфай, рано осиротев, переехала жить к родственникам в Париж. Нелегким было детство Каролины. О нем она никогда не забывала. Кротость, набожность и трудолюбие ценили в ней ее парижские родственники; те же качества открыл в ней шестидесятилетний вдовец Бодлер-старший. Изысканное ханжество и своеобразный бытовой опортунизм, отточенные многолетним опытом приспособления к буржуазной среде, ее морали, писаным и неписаным ее законам, не могли не импонировать перспективному майору Жаку Опику. Роднило их и нечто британское — еще дед Опики считал себя шотландцем. На такой почве часто встречаются «полукровки», когда волею судьбы РОДСТВЕННОЕ воспринимается ими как РОДНОЕ. Так или иначе, а прожили они в мире и согласии почти тридцать лет. В ореоле генеральши и сенаторши империи Каролина пережила своего супруга, пережила она и единственного своего сына Шарля Бодлера, автора бессмертных «Цветов Зла». Подытоживая первое десятилетие взаимного отчуждения, поэт писал ей: «То, что Вы лишили меня своей дружбы и того общения, которого вправе ожидать от собственной матери каждый человек, — дело Вашей совести, а также, возможно, и совести Вашего мужа».

В революционные дни 1848 года Бодлера видели на баррикадах с оружием в руках. Видели его в те дни и выходящим из дома с окриком: «Необходимо расстрелять генерала Опику!» Опик же, нося в эти дни эполеты уже дивизионного генерала, делал верную ставку на «новый» режим.

подготавливавший создание Второй республики. Впрочем, генерала был богатый опыт по этой части.

Окончив Сен-Сир, знаменитую военную школу младший лейтенант Опик отличался как мог в бесчисленных походах Наполеона. После возвращения Бурбонов ухитрился остаться в армии, присягая и им. Неожиданное возвращение Бонапарта вернуло капитана Опики под знамена императора. Накануне Ватерлоо, в битве под Флёрюс, раненный в ногу, он избегает окончательного разгрома. Вернувшись в королевскую армию (1817), Опик начинает триумфальное восхождение по служебной лестнице. В 1847 году он уже дивизионный генерал, возглавляющий Политехническую школу. Прекрасная карьера, а тут, как назло, революция.

В годы Второй республики Опик меняет генеральский мундир на фрак дипломата и отправляется с миссией в Турцию, а затем становится послом в Испании. Надо полагать, он был в курсе, находясь в Мадриде, о готовящемся государственном перевороте. Иначе чем объяснить решение Наполеона III оставить его представлять в Испании уже не республику, а Вторую империю? Правда, через год его отзывают, но по его же просьбе, причем не отпускают в отставку, как он просит, а делают сенатором империи. В мае 1857 года в возрасте 77 лет он умирает. Всего два месяца разделяют смерть генерала, посла, сенатора от выхода в свет первого издания «Цветов Зла». Для их автора Опик останется до конца жизни символом реакции, политической беспринципности и воинствующего солдафонства.

Что сохранила память? В «Цветах Зла» есть миниатюра:

Средь шума города всегда передо мной
Наш домик беленький с уютной тишиной;
Разбитый алебастр Венеры и Помоны,
Слегка укывшийся в тень рощицы зеленой,
И солнце гордое, едва померкнет свет,
С небес глядящее на длинный наш обед,
Как любопытное, внимательное око;
В окне разбитый сноп дрожащего потока:
На чистом пологe, на скатерти лучей
Живые отблески, как отсветы свечей.

(Перевод Эллиса).

Ослепительный миг чего-то далекого, но дорогого сердцу смущал впоследствии автора. По свидетельству Эрнеста Прарона, друга поэта, миниатюра была написана не позже 1843 года, т. е. 22—23-летним Бодлером.

«НАШ ДОМИК» был нанят Каролиной в парижском пригороде Нейи и относится к короткому периоду ее вдовства. В нем она, похоронив мужа, уединилась с шестилетним Шарлем и его тринадцатилетним сводным братом Клодом. Стихи косвенно посвящены матери. Высылая ей первое издание книги, Бодлер пояснит, что оставил эти стихи без названия и другой конкретизации, так как «...не хочет проституировать семейные дела». Стихи ведь должны были напомнить Каролине о ее материнском долге, о скромной, но гордой жизни

трех людей, объединенных смертью близкого человека — мальчика и она; не только мать, но и наперсница, но и руководительница, ответственная за духовные ценности «нашем домике», где солнце — четвертый участок у ребенка Бодлера была семья. Больше никогда не было.

Что сохранила память? Три года, проведенные в лионском коллеже, куда был направлен для умирения восставших ткачей Опик, в «Цветы Зла» и вовсе не вошли. Правда, двадцатилетний Бодлер, завязывая литературные связи, обращается к известному критику и писателю Сент-Бёву с развернутым стихотворным посланием, где выявляет отдельные приметы именно лионского школьного быта. Речь, однако, идет лишь об общей атмосфере: поэт вспоминает скучные каникулы, проводимые в стенах интерната, мотивы, навеянные одиночеством и меланхолией, чтение «Монахини» Дидро, «Рене» Шатобриана, драм Гюго и конечно же и прежде всего, его, Сент-Бёва, роман «Сладострастие», его, Сент-Бёва, сонеты и стансы. Обычно Бодлер-школьник постоянно жил в интернате, домой его брали редко. Лишь однажды «папа» (так называл он тогда Опика) взял мальчика отдохнуть на минеральные воды, где сам залечивал старые раны. Итак, в «Цветах Зла» ни слова о Лионе. Но то, что не сохранила книга, сохранили письма Бодлера-школьника, адресованные сводному брату Клоду и опубликованные уже после смерти поэта. Помнил ли автор «Цветов Зла» то, что он в них сообщал брату? Вряд ли. Письма эти ведь не входили в счет жизни РЕАЛЬНОЙ, той, которая исчисляется количеством исписанных страниц. Они остались в ЕДИНОЙ жизни ребенка.

В январе 1832 года семья подполковника Опика переезжает из Парижа в Лион. Старший брат просит младшего рассказать, как проходило путешествие в дилижансе. Шарль не без юмора описывает хлопоты мадам Опик, связанные с переездом, передает детали быта, фиксирует детские радости и огорчения, испытанные им в дороге. И вдруг: «Кончился день, и я увидел весьма красивое зрелище — закат; этот красноватый цвет вступал в необычный контраст с горами, которые казались синими, как брюки самой темной расцветки». Столь неожиданное сравнение цвета гор и брюк, сделанное одиннадцатилетним Бодлером, предвосхищает одну из важнейших особенностей его поэтической манеры: КОНТРАСТНОСТЬ в описаниях, СОПРЯЖЕНИЕ поэтической лексики с прозаическими деталями быта. Это написано в возрасте, когда будущий писатель еще не знает, что станет им, а тем более не подозревает, что такое упражнение в стиле. Органическое чувство словесной композиции, любовь и одновременно ненависть к слову первыми заявляют о себе. Любовь проявляется в поисках единственно точного слова, ненависть вызывают устоявшиеся конструкции, шаблоны, штампы.

Очень рано проявляется у Бодлера и щемящее чувство БУНТА, острая реакция на социальные диссонансы, на попранный справедливость, на политическое флистерство. Двенадцатилетний Бодлер, сообщая брату о безобразном поведении одного учителя-садиста, издевавшегося над учеником, заключает: «Я в числе бунтовщиков. Не хочу быть подлизой,

который боится не понравиться шкрабам. Месть тем, кто высил свои права, как гласила надпись на баррикада-рижа». Основа подобного бунта — непосредственные, кретные проявления самой жизни, воспринимаемые Бодлером остро и бескомпромиссно, поскольку ни мать, ни Ошик симпатиями к парижским баррикадам не страдали, скорее наоборот. Вместе с тем в эмоциональном мире ребенка причудливо уживался стихийный бунт с сентиментальным роялизмом, усвоенным уже в семье. Когда в очередной королевский праздник лионские республиканцы, образовавшие в то время большинство в городском муниципалитете, решили как можно скромнее отпраздновать эту дату, Бодлер пишет брату: «Как парижанин я возмущен тем отношением, с которым в Лионе отнеслись к имени Людовика-Филиппа». Этот сентиментальный роялизм поддерживался еще и робостью да половинчатостью в поведении местных радикалов, что вдохновило юношу на весьма тонкую, учитывая возраст, публицистическую иронию: «Нас в Лионе пугали большими волнениями. На площади возле Селестена (лионский театр), если верить слухам, собралась большая толпа; все эти молодые люди были в красных галстуках, признак скорее их глупости, чем воззрений. Они пели (очень тихо); стоило появиться всего одному полицейскому сержанту, как пение тотчас прекратилось». Как видим, уже в двенадцатилетнем возрасте будущий автор «Цветов Зла» проявляет острую непримиримость к политическому и социальному ханжеству, к полудействиям и полумерам в конкретном поведении окружающих его людей.

Что сохранила память? Почерневшие и унылые стены коллежа Людовика Великого в Париже. Для современного туриста — это образец архитектуры французского классицизма. Здание впечатляет. Но дом, где ты жил, теряет, сохраняясь в памяти, внешние свои контуры; лишь изнутри живет он в ней, содержанием своим, не формой. «НАШ ДОМИК» Бодлера — это длинный семейный стол, это рошица под окном, а в ней — белые потрескавшиеся античные богини. Наш домик. Величественное здание коллежа населяла скука, рутин, взаимное отчуждение; парты напоминали гробы; в памяти прочно застыл специфический запах чего-то сырого, прогнившего, заплесневелого. В этой атмосфере будущему автору «Цветов Зла» пришлось прожить почти четыре года. Мог бы и все четыре, но из последнего класса его исключили.

Сохранился любопытный документ — письмо директора коллежа Опику, объясняющее причину исключения: «Сегодня Ваш сын, у которого заместитель директора потребовал показать записку, переданную ему одним из его товарищей, отказался сделать это, порвал ее и съел. Вызванный ко мне, он заявил, что готов подвергнуться любому наказанию, но секрет своего товарища не выдаст. Вместо того чтобы объясниться в интересах своего же товарища, которого он, таким образом, подвергал неблагоприятным подозрениям, Ваш сын ответил мне хихиканьем, дерзостью, которую я не вправе терпеть. Итак, я возвращаю Вам этого молодого человека, наделенного достаточно яркими способностями, но испорченного все очень плохим направлением ума, отчего благопри-

стойный порядок нашего коллежа неоднократно уже...
дал...»

И формулировка «обвинения», и сам тон письма свидетельствуют о той глубокой пропасти, которая разделяла будущего автора «Цветов Зла» и его наставников. Бодлер не мог, естественно, принять концепции «благопристойности» казенных училищ.

Завершая свое образование уже экстерном, восемнадцатилетний Бодлер напишет брату: «Итак, последний год учебы подошел к концу, и мне придется начать вести новый образ жизни; это озадачивает, и среди тревог, во власти которых нахожусь, самая сильная — гиббор профессии. Эта мысль захлестывает меня и мучает, поскольку я не обнаруживаю в себе никакого призвания, зато самые разнообразные и противоречивые вкусы поочередно берут друг над другом верх».

Знал ли будущий автор «Цветов зла», что профессии ему не занимать, что он родился писателем? Думаю, нет. В этом тоже до конца не понятый им же конфликт между поэтом и школой, поэтом и семьей, поэтом и обществом. Началось детство. Нарастало постепенное постижение этого конфликта.

Самостоятельность начиналась неожиданным ударом из-за угла. В буквальном смысле этого слова. На углу улицы поэт встретил свою будущую смерть в облике панельной женщины. Шел ему двадцатый год. Болезнь залечили, «выжгли», как это тогда практиковалось, иначе гонимая — «загнали вглубь». Остальное предстояло довершить неумолимому Времени, а оно отпустило поэту двадцать восемь лет, полностью ушедших на создание «Цветов Зла», книги его жизни, судьбы и бессмертия. Нет, конечно, этой книгой он не ограничился. Если учесть не только факт его болезни, впрочем, до поры до времени редко беспокоившей поэта, но и постоянные материальные лишения, духовное одиночество, несправедливость критики, махинации издателей, усердие кредиторов и прочие оттенки, вытекающие из спектра всех его бед, — то суммарно литературное наследие Бодлера выглядит достаточно внушительным: десятки критических и публицистических статей, три сборника отчетов о художественных выставках («Салоны»), эссенстическая книга «Искусственные эдемы», работа о Вагнере, сборник стихотворений в прозе «Парижский силли» (лучшее творение после «Цветов Зла») и наконец, перевод полного собрания сочинений Эдгара По; пробовав Бодлер также писать рассказы, пьесы, романы и, судя по сохранившимся фрагментам, мог бы и на этом поприще преуспеть, отпусти ему жизнь хотя бы еще десять лет.

Бодлер экстерном заканчивает коллеж. В respectable буржуазной семье от молодого человека требуют, ставя ему в пример старшего брата, достигшего прочного положения на юридическом поприще, соблюдения устоев и прочих традиций клана. Ведь его покойный отец, вопреки некоторым причудам по части живописи, сумел все же оставить солидное состояние в домах, землях и деньгах; ведь его горячо любимая мать после кончины супруга для его же, Шарля, блага

вступила во второй брак с человеком надежным, заслужившим генеральские эполеты, дабы сохранить и умножить семейное состояние. О, да, конечно, но: «Мог ли молодой Бодлер — отмечает Жорж-Эмманюэль Клансье, — такой как Бодлер, найти тогда себе место в этом в высшей степени буржуазном мире, с которым был связан рождением и воспитанием, но который со всей жестокостью отрицал идеалы, стихийно угаданные им в детстве, и позором клеймил восторги и заветы, воспламененные молодостью?.. С другой стороны, культура, вкусы, сама речь отгораживали его и от народа. В итоге оставалось одно: превратиться в ИЗГНАННИКА, в ПОСТОРОННЕГО» Был ли молодой Бодлер подготовлен свершить этот шаг, обрекающий его на добровольное изгнание, стать на этот путь, ведущий к одиночеству и самоотречению? Нет. Эмоциональный настрой, отрицающий пошлость буржуазного прозябания, стихийный бунт против полуправд и полумер, врожденное неприятие лицемерия того общества, интересы которого защищал генерал Ошик, — все это, умноженное на талант, не могло, к сожалению, заменить собой конкретный жизненный опыт, еще не найденный им. И тем не менее он избрал именно ЭТОТ путь. «Безусловно, — заключает Клансье, — Бодлер добровольно обусловил собственный ад, будучи и жертвой и палачом себе, но это логически вытекало из устоев буржуазного общества, со всей банальностью, жестокостью и непосредственностью выразивших себя в таком признании матери поэта: «Для нас всех было ударом, когда Шарль отказался от всего того, что мы были готовы для него сделать, когда он решил взлететь на собственных крылышках и стать автором! Какое разочарование в нашей семейной жизни, столь счастливой до сих пор! Какое горе!..» Несколько лет спустя, и не без гордости, поэт ответит ей: «...я навсегда отлучен от мира УВАЖАЕМЫХ ЛЮДЕЙ, отлучен своими вбусами, своими принципами».

В набат забил Клод-Альфонт, уже уважаемый чиновник муниципалитета городка Фонтенбло, предложивший собрать семейный совет под председательством генерала Ошика. Наши фарисеи предпочитают выражение «рассеянный образ жизни» и считают, что нужно «удалить» молодого человека из Парижа, где так много «соблазнов»; пусть, дескать, Шарль мир повидает, пусть «попутешествует, успокоится, ума наберется, благо деньги у него есть, поскольку отец завещал ему «кругленькую» сумму, правда, лишь по достижении совершеннолетия, но беда мадам Спик — не только мать, но и «опекунша» над его долей наследства, следовательно — необходимую сумму сумеет предоставить в распоряжение. Но кому? Нет-нет, Шарлю денег давать нельзя! Кому же тогда? Практичный генерал находит выход: есть у него старый приятель, бывалый моряк, капитан Сализ, командующий торговым судном «Пакебо-де-мер-дю-Сюд», деньги можно ему доверить, Шарля тоже; пусть парень поплавает с бравым капитаном, посмотрит острова Индийского океана, в Индии поживает...

Что ж, в наличии воображения генералу не откажешь, па и сам расчет оказался верным — Бодлер соблазнился

перспективой экзотического путешествия. Отдадим должное генералу: «Цветы Зла» не были бы тем, чем стали, не будь май он этого путешествия. Очень важная линия — связь с морем, с первозданностью человека, с красотой естества, выявилась именно на почве воспоминания об этом плавании.

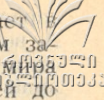
9 июня 1841 года судно Сализа снялось с якоря в порту Бордо. Цель назначения — Калькутта; груз — лошади; единственный пассажир — Бодлер. Поэт захватил с собой собрание сочинений Бальзака с намерением «основательно изучить его метод». Благо времени было предостаточно: судно потратило три месяца на обход африканского побережья и выход в Индийский океан. Все это время погода благоприятствовала плаванию, поэт буквально уивался морским простором, наблюдал за нравами и бытом команды, делал записи.

В Индийском океане морской «идиллии» пришел конец. Начался сильнейший шторм. Впоследствии бравый Сализ «ложит» Опику: «Еще никогда на мою долю на протяжении долгой жизни моряка не выпадало такое: мы все буквально находились в двух шагах от смерти...» Перепуганные животные срывались с привязи, ломали боксы, вырывались на палубу и, скользя по ней, гибли в разбушевавшейся пучине». Капитан действительно оказался бравым, ценой огромных усилий ему удалось бросить якорь у острова св. Маврикия. Об этом событии и еще об одном шторме уже на обратном пути Бодлер напишет матери в следующих словах: «Я пережил две неприятности — но, поскольку мы вскоре встретимся, будем мирно беседовать и беззаботно смеяться, то, выходят, господь бог не совсем злой...» Не будь письма Сализа, мы бы так и не узнали, на какие «неприятности» намекает поэт.

На острове св. Маврикия Бодлер находит радушный прием в доме местного юриста Отара де Брагара, женатого на креолке. Эта обаятельная, смуглая женщина, известная нам теперь как **ДАМА КРЕОЛКА**, поразила молодого поэта своей царственной осанкой, естественной грацией жестов и высокой простотой в обращении. Ей и было суждено открыть в творчестве Бодлера важную тематическую линию — **ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ** миру современной буржуазной цивилизации **ИНОГО**, овеванного экзотикой тропиков мира **ЕСТЕСТВЕННОГО**, пусть и примитивного в своей простоте, но **ЦЕЛЬНОГО**, гордого и благородного. С сонетом, написанным в ее честь, Бодлер дебютирует как поэт в журнале «Л'Артист» 25 мая 1845 года.

Как остров св. Маврикия, так и соседний остров Бурбон (Реюньон), где также побывал поэт, оставили в жизни Бодлера прочное воспоминание, но воспоминание особое, поскольку отразилось оно в его **ПОДЛИННОЙ**, т. е. сугубо творческой жизни. Внешне плавание, казалось, прошло бесследно. Лишь однажды в одной из критических статей начала пятидесятых годов, говоря о силе первозданной мудрости и ее выражении через житейский опыт, Бодлер, опираясь на роман Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния», действие которого частично происходит на том же острове, где поэту

повстречалась дама креолка, скажет: «Виргиния прибывает в Париж, вся еще в дымке морских туманов и в солнечном загаре тропиков, сохраняя в глазах первозданные образы волн, гор и лесов. Она попадает здесь в центр бурлящей до края и ядовитой цивилизации, она же — вся еще во власти чистых и сочных ароматов Индии; ее связывает с человечеством семья и любовь, мать и возлюбленный, ее Польша, столь же ангельски чистой..., они познакомились в церкви Пампмусса, крохотной церквушке, скромной и хрупкой, в безбрежности не поддающейся описанию лазури тропиков, в бессмертной музыке лесов и водопадов. Да, конечно, Виргиния наделена внушительным интеллектом, а это значит, что она способна ограничить себя небольшим количеством образов и воспоминаний, как мудрец — небольшим количеством книг». Такое, именно ограниченное, количество образов и воспоминаний «магического» Востока впитают в себя бессмертные страницы «Цветов Зла».

На островах Бодлер пробыл два месяца. Продолжать путешествие он отказался. Его властно тянуло в Париж. Не потому, что было неинтересно поглядеть Индию. В Париж тянуло призвание, которое он окончательно обнаружил в себе. Да, он будет писателем. Еще не о поэзии думал он, а именно о «писательстве». Поэзия, она, как Виргиния, ограничивается лишь прозрением, выраженным скудным количеством образов и мыслей. Штудирюя Бальзака и его «Человеческую комедию», поэт вместе с тем думал и о другой комедии — «Божественной». Данте обозначил круги ада, через которые проходит творец на пути к совершенству. Значит, поэзия еще впереди, значит — сначала страдание и боль. Страдание, оно в Париже, боль — в собственном сердце. А пока? Пока писать, писать обо всем: о художественных выставках, театральных премьерах, выходящих книгах, модных балах и народных танцульках; о будуарах актрис, светских сплетнях, погоде, наконец! Писать не так, как пишут успеха ради. Писать наоборот. Славить не бога, а черта, не сусальную добродетель, а вездесущий порок; противопоставить салону бордель, особняку — трущобу, буржуазному прогрессу — больницу для нищих. Поставить все на нужное место, с головы на ноги. Ведь красоту подменили красотью, добро — филантропией; ведь если все можно купить, значит — все можно и продать. Обществом правят не только деньги. Обществом правит Зло.

14 апреля 1842 года Бодлеру исполнился 21 год. Совершеннолетие, а это значит — вступление в наследство, полученные отцовской «кругленькой» суммы, вернее последней его, Бодлера, доли, а выражалась эта доля, включая стоимость земельных участков, приносящих определенный доход, без малого в 100 тысяч франков золотом. Правда, расчетливые Опики потребовали около четверти этой суммы в качестве компенсации за расходы, связанные с содержанием и обучением младшего сына мадам Опик. С точки зрения буржуазной морали (да простит мне читатель такое сочетание), Опики поступили «по-божески», явив этим самым образец родительской щедрости и самоотречения. Самая высокая сумма была

израсходована ими в 1836 году и составила 2.158 франков. А ведь генерал, согласно данным исторической статистики за один только месяц получал 7.000, тут же за весь год ~~получил~~ лишь 2.158. Видите, как мало. Да, конечно, если не считать то, что квалифицированный каменщик зарабатывал в среднем 130 франков в месяц. А ведь каменщик приходилось кормить семью и он с этим кое-как справлялся, когда была работа. Да бог с ними, с Опиками, раз такова буржуазная логика! Главное — впереди независимость, возможность жить собственным домом, заниматься собственным делом. Радость поэта не знала предела, но и голову она ему вскружила.

Нравы эпохи поощряли расчетливость, мирились со скупостью, а широкое и открытое проявление щедрости называли мотовством; мотовство же считалось пороком, и не менее страшным, чем алкоголизм, наркомания или сексопатология. Бодлер не учел, что может стать предметом судебного разбирательства за чрезмерную трату собственных денег. Став свободным и материально независимым, поэт дал волю своему причудливому воображению по части «прожигания жизни». В истории литературы и по сей день (увы!) сохранился ярлык, навешиваемый на Бодлера, — ДЭНДИЗМ. О да! Он любил одеваться, мог часами просиживать у модных портных, а те немногие, кто это помнил, восхищались его изысканным вкусом. Именно немногие, поскольку такое продолжалось недолго. И не был тогда Бодлер БОДЛЕРОМ, а всего лишь начинающим литератором «на подхвате». «Галантные тайны театров Парижа» — гласило название анонимной книги, в сочинении которой он принимал участие. Книга слетела, анекдотов, будuarных интрижек. Обстоятельства способствовали тому, что не РЕАЛЬНАЯ творческая жизнь руководила поступками неокрепшего писателя; он находился во власти того, что я определил жизнью ИЛЛЮЗОРНОЙ. Общение в кругу литературной и театральной богемы заменяло ему подлинные творческие контакты с братьями по перу, дэндизм открыл перед ним двери аристократических салонов, а это убедило его в интеллектуальном и духовном превосходстве таланта над элитарной верхушкой общества, коллекционирование картин, разорая его материально, способствовало профессиональному росту будущего критика искусства. И тем не менее жизнь эта была ИЛЛЮЗОРНОЙ, чуждой, взятой «напрокат»: в ней он не умел ориентироваться, не знал ее неписаных законов. В мае 1842 года в жизнь Бодлера вошла ЖЕНЩИНА.

Звали ее Жанной. В театре «Порт Сент-Антуан» она выступала под псевдонимом «М-ль Берт»; в быту за ней числились три фамилии — Лемер, Дюваль, Проспер. Бодлероведение уже традиционно ограничивается фамилией Дюваль, хотя сам Бодлер в переписке, когда официально о ней шла речь, предпочитал фамилию Лемер. С ней, мулаткой, поэт свяжет свою жизнь на многие годы. Очень метко замечает по этому поводу уже известный нам Клансье: «...выходит, будто бы он, отвергнувший свой класс, мог позволить себе полюбить только такую женщину, чья расовая принадлежность, вызывающая ПРЕЗРЕНИЕ, не несла бы никакой от-

ветственности за ту цивилизацию, к которой он сам принадлежал, но которую всем существом отвергал и презирал. Через три года, когда в результате глубокого внутреннего разлада Бодлер предпримет попытку к самоубийству, он в завещании напишет: «Я завещаю м-ль Лемер все, чем обладаю, включая нехитрую мебелировку и мой портрет, потому что она — единственный человек, принесший мне некоторое успокоение... Я мало знаю своего брата — он не жил ни ВО МНЕ, ни СО МНОЙ — я ему не нужен. Мать моя, которая так часто, и всегда невольно, отравляла мне жизнь, в этих деньгах не нуждается. У нее есть МУЖ; есть человеческое существо, привязанность, дружба. У меня только ЖАННА ЛЕМЕР. Только с ней я нашел успокоение, и я не хочу, не могу перенести даже мысль о том, что ее могут лишиться того, что принадлежит только ей...»

Письмо-завещание составлялось, когда Бодлер был уже фактически нищим, а портрет, о котором речь, изображает его в «демоническом» стиле и принадлежит кисти очень одаренного художника Эмиля Деруа.

О Жанне пишут разное. Естественно, мадам Опик ее ненавидела. Что же касается биографов поэта, то одни вешают на нее «всех кошек», другие защищают, ибо сам поэт не был, как говорится, «подарочком». Здесь распоряжалась жизнь, ИЛЛЮЗОРНАЯ для поэта, но РЕАЛЬНАЯ для его подруги.

В любовной лирике «Цветов Зла» самое почетное место занимают стихи, вдохновленные Жанной. Она — тело от волос до пят:

Нега Азии томной и Африки зной,
Мир далекий, отшедший, о лес благовонный,
Возникает над черной твоей глубиной!
Я парю, ароматом твоим опьяненный,
Как другие сердца музыкальной волной!

Я лечу в те края, где от зноя безмолвны
Люди, полные соков, где жгут небеса;
Пусть меня унесут эти косы, как волны!
Я в тебе, море черное, грезами полный,
Вижу длинные мачты, огни, паруса...

Вы лазурны, как свод высоко-округленный,
Вы — шатер далеко протянувшейся мглы;
На пушистых концах пряди с прядью сплетенной
Запах муска, кокоса и жаркой смолы.

В эти косы тяжелые буду я вечно
Рассыпать бриллиантов сверкающих свет,
Чтоб, ответив на каждый порыв быстротечный,
Ты была как оазис в степи бесконечной,
Чтобы волны былого поили мой бред.

(Перевод Эллиса).

Жанна — океан, за чертою которого маячит сказочная страна идеала Бодлера, она же ОАЗИС в ядовитом Париже, забвение, причал (опять море); и сестра она, и мать, где всего, конечно, женщина, плоть:

Сюда, на грудь, любимая тигрица,
Чудовище в обличье красоты!
Хотят мои дрожащие персты
В твою густую гриву погрузиться.

В твоих душистых юбках, у колен,
Дай мне укрыться головой усталой
И пить дыханьем, как цветок завялый,
Любви моей умершей сладкий тлен.

(Перевод С. Рубановича).

В середине 1844 года мадам Опик приходит в ужас, узнав, что ее Шарль не только продолжает вести «рассеянный» образ жизни, но и тратит огромные суммы. Это последнее обстоятельство тревожит всех Опиков и всех прочих Бодлеров. Шутка сказать: за без малого два года он истратил 44.500 франков. Деньги, что и говорить, солидные, почти в два раза превышающие сумму, полученную Опиками в качестве компенсации за содержание и обучение юноши на протяжении четырнадцати лет. Как я уже предупреждал читателя, этого Бодлер не учел. «Священное» право частной собственности поощряло не только накопление капитала, но и защищало капитал от лиц, не умеющих им «разумно» пользоваться. Такой мот сразу же попадал в категорию «аморальных» лиц. «Рассеянный» образ жизни Бодлера, его «секретная» болезнь, «неузаконенная» связь с божемной женщиной и молодой возраст, наводящий на мысль о его незрелости, все это вместе взятое служило достаточным основанием для предъявления ему судебного иска.

По совету генерала, мадам Опик начинает ходатайство об учреждении опеки над капиталом сына. Деньги вскружили ему голову, полагает генерал, надо предельно ограничить его в расходах, тогда он возьмется за ум, начнет трудиться, женщина же бросит его, как только увидит, что деньги кончились, останут и все эти оборванцы-поэты, окружающие его; придется ему тогда подумать о прочной профессии, о семье, о своих сословных обязанностях. За «крутые меры» стоял и брат поэта, добившись места заместителя мэра в своем местечке. Рассмотрев заявление мадам Опик, в котором содержалась просьба установить над Бодлером опеку со стороны нейтрального юридического лица («...поскольку родная мать слаба здоровьем и бессильна перед слабостями родного сына»), — Трибунал Парижа назначает Нарсисса-Дезире Анселя юридическим опекуном Бодлера. Таков итог первого заседания.

Второе заседание состоялось через месяц. Оно было сугубо деловым. Назначенный Трибуналом Ансель представил полный отчет по оприходованию остатка капитала Бодлера.

Как мы уже знаем, в общий объем капитала входила и спекуляция земельными участками, дававшая ежегодно 2 400 франков дохода. Суд постановил выдавать Бодлеру лишь месячное отчисление от годового дохода. Таким образом, Ансель был уполномочен выплачивать поэту по 200 франков в месяц, что он впоследствии скрупулезно выполнял.

Среди пролетариата Франции тех лет самой высокооплачиваемой категорией были шахтеры: шахтер получал в среднем 500 франков в месяц, т. е. на 300 франков больше, чем будущий автор «Цветов Зла». Через четыре года Бодлера увидят отстреливаться от национальных гвардейцев. Тот, кто видит в этом позерство интеллигента, глубоко ошибается. Бодлер не просто сочувствовал рабочим; он считал дело рабочего класса и своим ЛИЧНЫМ делом, поскольку причислял себя, поэта, к разряду именно этих борцов; поскольку в глазах Бодлера рабочие были МОНОЛИТОМ, объединяющим в себе все трудовые, а следовательно, все НЕИМУЩИЕ СИЛЫ страны в противовес имущим, т. е. буржуазии. Не сословное родство искал поэт с рабочими: Бодлер считал свою личную судьбу поэта ИДЕНТИЧНОЙ судьбе всей партии, а пролетариат, в его понимании, что, кстати, соответствовало фактическому положению вещей, и находился в положении партии. В своей рецензии на пролетарские песни Дюпона поэт обратил внимание читателя на «...зрелище этого большого множества, вдыхающего пыль цехов, глотающего испарения хлопка, свинца, ртути и прочих ядов, служащих для создания шедевров; ноющего в клоповниках глухих кварталов, где самые скромные добродетели уживаются с самыми грубыми пороками и блевотиной каторг; этого скорбного и жалобного множества, которому земля обязана всеми своими чудесами: множества, которое чувствует, какая РУМЯНАЯ И БУРНАЯ КРОВЬ ТЕЧЕТ В ЕГО ВЕНАХ, но которое с наполненными грустью глазами ищет свое место под солнцем и под тенью деревьев..., которое упрямо, как утешение и как надежду, повторяет свой спасительный рефрен: «давайте любить друг друга!...»

Лишенный капитала и «приличной» профессии, Бодлер и на деле становится типичным литературным «пролетарием», каких было немало в Париже. Его, однако, отличали от большинства собратьев по «куску хлеба» необычайная добросовестность и серьезность, с которыми он относился к заказам текущей периодики, даже если речь шла о подаче материалов для светской хроники. Свидетельство тому — его беседы в еженедельнике «Тантамар», его «Собрание утешительных изречений о любви» в журнале «Корсер-Сатан», его «Советы молодым литераторам» в газете «Эспри публик», не говоря уже о рецензиях на выходящие книги. Высшим, однако, достижением Бодлера-критика сороковых годов являются брошюры «Салон 1845 года» и особенно «Салон 1846 года». Не до конца, возможно, оцененные, брошюры эти являются несомненно подлинными шедеврами французской художественной критики.

В период революционных событий 1848 года поэт был не только их непосредственным участником, о чем я уже упо-

минал, но и пламенным политическим публицистом. А жизнь шла своим чередом: постоянные смены квартир (из-за затруднений в оплате), бегство от кредиторов (как долги «былого величия», так и текущие), унижения перед нотариусом Анселем (просьбы об авансах) или перед матерью (когда тот категорически отказывался). Душу щемят сегодня эти крики о помощи, адресованные родной матери, генералыше Опик: «Будь добра, УМОЛЯЮ ТЕБЯ И ЗАКЛИНАЮ, — вышли мне и немного денег, 30 франков, если можешь, еще меньше, если хочешь, меньше еще...» Или — «...мне пришлось оставаться три дня в постели из-за нехватки белья и дров... Последний раз, когда вы изволили мне дать 15 франков, я два дня ничего не ел — сорок восемь часов...». Вот почему можно вполне буквально воспринимать то место, где, давая советы молодым литераторам, Бодлер пишет: «Вы можете прожить три дня без хлеба; без поэзии — ни одной минуты; и те из вас, кто считает обратное, ошибаются: они просто не знают себя».

Знал ли он сам себя? И да и нет. Да, когда речь заходила о жизни для него РЕАЛЬНОЙ. Он вынашивал великую книгу, редко публиковал предназначенные для нее стихи, а то, что писал на обочине этой книги, было честно, бескомпромиссно, чисто. Не просто куска хлеба ради, а ради права на бессмертие. Он был беспощаден к себе, мучился приступами лени и апатии, называл себя «скверным монахом».

Но он не знал себя, когда речь заходила о жизни ИЛЛЮЗОРНОЙ, не умел, как его друг Теодор де Банвиль, «изящно» жить в перерыве между делом, считаться со светским этикетом, любить красивых, но глупых женщин, завязывать «деловые» контакты с «нужными» людьми; он не умел нравиться, хотя обладал всеми необходимыми для этого качествами.

Банвиль оставил нам словесный портрет Бодлера тех лет: «Если только слово «обольщение» может быть отнесено к человеку, то этим человеком был он, ибо был наделен благородством, гордостью, изяществом, красотой, одновременно и детской и мужественной, очарованием голоса, в ритмах и тембре которого выражалась удивительная гармония, и убедительнейшим красноречием, вытекающим из глубокого сходства со всем его существом; его глаза, полные жизни и мысли, говорили не меньше, чем пухлые и, вместе с тем, тонко очерченные пурпурные губы, и мне никогда не определить словами ту, чем-то изнутри осмысленную дрожь, которая переливалась в его длинных, густых и шелковисто-черных волосах. Увидев его, я впервые в жизни увидел ЧЕЛОВЕКА, да такого, каким моему воображению рисовался человеческий идеал; он предстал передо мной в героническом ореоле своих первых весен, и, слушая его полную нежного расположения речь, я почувствовал то волнение, которое овладевает нами при приближении и в присутствии гения». Все эти качества видели и Банвиль и Асселино, видел их и Готье, которому официально посвящены «Цветы Зла». В них поэт не видел «нужных» людей. Те же, кто мог ему реально помочь, видели в нем анархиста, презирающего устои, приличия и нормы пове-

деня, завосчивого нищего, циника, а то и просто сумасшедшего. Не умел он им нравиться. Может быть, не хотел.

Непосредственно начало истории создания «Цветов Зла» падает на рубеж сороковых и пятидесятих годов прошлого столетия. Как все будущие поэты, Бодлер писал стихи еще в школьные годы. Отдельные опыты тех лет сохранились в архивах его одноклассников, которые после смерти поэта, когда имя его начинало набирать вес, публиковали их. Уже в этих первых пробах пера чувствуется хватка будущего автора «Цветов Зла». Поэтом, однако, Бодлер осознал себя лишь во время своего индийского плавания. Юношей он любил стихи Ламартина, Гюго и Сент-Бёва, английские «гены» рано приобщили его и к англоязычной поэзии: еще в Лионе он со словарем в руках изучает Шекспира и Байрона, в Париже — уже свободно читает на этом языке и открывает для себя поэтов «озерной» школы и Шелли. До индийского плавания, однако, он предпочитал прозу, особенно увлекал его и буквально будоражил Бальзак. Именно Бальзак обратил внимание будущего автора «Цветов Зла» на законы, управляющие буржуазным обществом. Но не только это. Бодлер увидел в нем и великого идеалиста, ищущего «абсолют», автора, наделенного безграничным воображением. Он увидел в нем поэта, не осознававшего себя таковым, ощутил глубокую перекличку между ним и Данте, нашедшим, создавая свой «Ад», поэтический ключ для передачи именно кризисных ощущений эпохи. Бодлер шел к «Цветам Зла», осваивая КОНТРАСТНОСТЬ в изображении, отсюда ИДЕАЛЬНАЯ и «СПЛИНИЧЕСКАЯ» линии, проявившие себя уже в лирике сороковых годов. Под «сплином»: этой английской реалией, словом, широко распространенным в эти годы, поэт подразумевал особый (ультрасовременный) вид меланхолии, когда первопричиной ее выступает не «метафизическое» томление субъекта, а совокупность объективных причин, имеющих социальное и конкретно-историческое обоснование. Этому учил Бальзак. Так, во всяком случае, полагал Бодлер, когда считал его методом самым перспективным и плодотворным.

С идеалом было сложнее. К моменту выхода первого издания «Цветов Зла» (1857) Бодлер шел от одного разочарования к другому. На островах Индийского океана перед ним открылся мир первозданных ценностей. Он пленял, притягивал, этот мир, но был он не его, Бодлера, миром. Видел он на островах и другое — яд буржуазного прогресса. Слово «прогресс» он станет впоследствии ненавидеть: «Спросите каждого порядочного француза, ежедневно читающего СВОЮ газету... что он подразумевает под словом «прогресс», и он ответит — пар, электричество, газовое освещение, чудеса, незнакомые римлянам, яркие свидетельства нашего превосходства над древними. В мозгу этого несчастного причудливо сплелись и перемешались явления материального и духовного порядка! Бедняга до того американизирован усилиями этих философов зоократии и индустриализации, что полностью потерял способность отличать феномены физического мира от феноменов мира нравственного, отличать естественное от сверхъестественного. Если сегодня та или иная нация воспринимает вопросы

морали более утонченно, чем воспринимали их в прошлом веке, то безусловно — прогресс налицо...» Буржуазный прогресс растлевал островитян: заражал сифилисом, приобщал к алкоголю, толкал на преступление. Он систематически вытрапывал все то, что входило в понятие ЕСТЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА. Мечта о таком человеке и, одновременно, иллюзорность подобной мечты сквозят в таком риторическом вопросе Бодлера: «Что такое ЕСТЕСТВЕННО добрый человек? Кому, где и когда он был известен? Естественно добрый человек был бы ЧУДОВИЩЕМ, я хочу сказать БОГОМ». Тем не менее такого человека он сохранит, но сохранит сугубо для себя, населяя им свою поэтическую страну ИДЕАЛА. Пафос безбрежных океанских широт, свет, краски, экзотические ароматы, стихия женственности во всей ее раскрепощенности и солнце, солнце, еще раз солнце — образуют мир положительных эмоций в «Цветах зла».

Когда, закрыв глаза, я, в душный вечер лета,
Вдыхаю аромат твоих нагих грудей,
Я вижу пред собой побережья морей,
Залитых яркостью однообразной света;

Ленивый остров, где природой всем даны
Деревья странные с мясистыми плодами,
Мужчин с могучими и стройными телами,
И женщин, чьи глаза беспечностью полны.

За острым запахом скользя к счастливым странам,
Я вижу порт, что полн и мачт, и парусов,
Еще измученных борьбою с океаном,
И тамариндовых дыхание лесов,
Что входит в грудь мою, плывя к воде с откосов,
Мешается в душе с напевами матросов.

(Перевод В. Брюсова).

Психологическую несовместимость со своим классом поэт, как мы уже видели, осознал в собственной семье. Жанна, принесяшая определенное облегчение, ибо мыслилась как продукт мира иного, фактически не понимала его, следовательно — разделить его духовные интересы не могла; актриса Мари Добрен, с которой ненадолго сошелся поэт в 1854 году, когда Жанна стала, по его же словам, «...преградой на пути развития интеллекта», оказалась человеком поверхностным и эгоистичным; Аполлония Сабатье, в обличье которой Бодлер стремился увидеть свою Беатриче, находилась всего лишь на содержании у банкира. Говоря о причинах усиления алкоголизма в литературной среде, поэт отметит: «Что же касается женщин, то бесформенность их образования, их политическая и литературная некомпетентность превратили их в глазах многих авторов в эдакую домашнюю утварь или в убежище для плоти. Проглотив обед и удовлетворив зверя, поэт попадает в безбрежность одиночества своей мысли».

Незадолго до революции 1848 года Бодлер открывает для себя социальные доктрины Прудона, становится ревност-

ним последователем его утопий, однако немущие классы, для которых этот философ готовил свой рай», оказались сбитыми с толку демагогической верхушкой Второй республики, загнавшей революцию в тупик и открывшей дорогу тоталитарным тенденциям Второй империи. Бодлер тяжело переживал поражение революции, а день прихода к власти Наполеона III считал «самым черным» в своей жизни. В феврале 1851 года он напишет Анселю: «Вы меня на выборах не видели; теперь этой мой принцип. 2 ДЕКАБРЯ меня буквально физически ДЕПОЛИТИЗИРОВАЛО. Нет больше генеральных идей. То, что так называемый ВЕСЬ ПАРИЖ превратился в ОРЛЕАНЦЕВ — факт, но меня он не касается. Если бы я принял участие в этих выборах, то мне пришлось бы голосовать за самого себя. НЕДЕКЛАССИРОВАННЫМ людям, по всей вероятности, принадлежит будущее...». Себя, как видим, поэт уже твердо и бесповоротно считал «деклассированным» и будущего для подобных себе не видел. Все это, конечно, не означает, как полагают некоторые бодлероведы, что Бодлер стал аполитичным. Нет. Политика продолжает интересовать его до конца жизни, он просто не видит никаких возможностей для благородного действия на этой почве. Возможность изменения действительности отодвигается им на очень отдаленное и неопределенное время, для него лично уже не существенное, ибо он знает, что несет в себе собственную смерть, готовую наступить в любой час.

«Цветы Зла» заключают в себе и интимную лирику, навеянную Жанной и Мари, и возвышенные гимны в честь мадам Сабатье, и безотрадные картины народной жизни (цикл «Вино»), и революционные призывы типа:

Авеля дети! Но вскоре! Но вскоре!
Прахом своим вы удобрите поле!
Каина дети! Кончается горе.
Время настало, чтоб быть вам на воле!

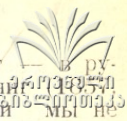
Авеля дети! Теперь берегитесь!
Зов на последнюю битву я внемлю!
Каина дети! На небо взберитесь!
Сбросьте неправого бога на землю!

(Перевод В. Брюсова)

Так где же идеал? Путь к нему должен был пройти через Смерть:

Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!
Нам скучен этот край! О Смерть, скорее в путь!
Пусть небо и вода — куда черней чернила,
Знай — тысячами солнц сияет наша грудь!
Обманутым пловцам раскрой свои глубины!
Мы жаждем, обозрев под солнцем все, что есть,
На дно твоё нырнуть — Ад или Рай — едино! —
В неведомого глубь — чтоб НОВОЕ обрести!

(Перевод М. Цветаевой)

Книга — оформление результата, сам результат — в рукописи. «Цветы Зла» дошли до нас лишь в виде книг (1861, 1868). Ни полной рукописью, ни черновиками мы не располагаем. Сохранились считанные стихотворения, написанные рукой поэта, и несколько каллиграфических копий. Мы располагаем, правда, версткой и гранками первого издания с корректурными пометками Бодлера, но они поясняют только некоторые нюансы тех требований, которые предъявлял поэт к окончательной отделке текста.

Став нищим, поэт жил по принципу: «что имею, ношу с собой». Постоянные смены квартир мало способствовали заведению архивов; тащить за собой ворохи бумаг было и громоздко и накладно. Бывали и такие случаи, когда Бодлер, задолжав слишком много за квартиру и не видя возможности в срок расплатиться, тихонько бежал на другое место. Приходилось порою и «оперативно» уходить под покровом ночи от карауливших его у входа кредиторов, чтобы не угодить в долговую тюрьму. На все эти «пожарные» случаи у поэта существовал свой способ компактно укладывать вещи в пределах того, что он мог сам поднять и унести, не прибегая к посторонней помощи. Как только вышло в свет первое издание «Цветов Зла», вобравшее в себя 101 стихотворение и уместающееся в карман, Бодлер, видимо, сжег все рукописи, касающиеся этого издания, освобождаясь таким образом от уже «ненужного» груза.

Немало споров вызывает и датировка отдельно взятых стихов. Судя по сохранившимся автографам, Бодлер редко ставил дату под только что написанным стихотворением. Стронник порядка в искусстве, требовательный и взыскательный мастер, он, вместе с тем, педантом не был. Общим ориентиром в установлении хронологии «Цветов Зла» служат прежде всего даты публикаций тех или иных стихотворений в периодике. Повторяю, речь, однако, идет лишь о самом общем ориентире. Ведь из 101 стихотворения первого издания только 48 предварительно публиковались в журналах и газетах с 1845 (первая публикация) до 1857 года (выход в свет первого издания). Друг поэта Шарль Асселино утверждает, правда, что видел рукопись «Цветов Зла» еще в 1850 году, однако по объективным причинам (тематика, посвящения конкретным лицам и т. д.) добрая половина пьес, вошедших в первое издание, могла возникнуть лишь после этой даты, следовательно — Асселино мог видеть просто начисто переписанные стихи в рукописи, у которой если и было название, то только не «Цветы Зла», поскольку название это впервые появилось в развернутой подборке «Ревю де Де Мوند» только в 1855 году. До этой даты как в рекламных проспектах, так и в переписке поэта мелькают следующие названия: «Лесбианки» (1846), «Лимб» (1848), «Ямбы» (1850). Как видим, первое название обобщало лишь тему ПОРОКА, второе уже говорит об ощущении УЖАСА ВО ЗЛЕ, ибо «лимб», согласно данто-

вой терминологии, — преддверие ада. Третье название акцентировало социальный и гражданский аспекты книги. Итак, под греховность и гражданский бунт подводят нас к обобщенной тематике под окончательным названием «Цветы Зла».

Чтобы не утомлять читателя бесконечными «но» и «однако», когда речь заходит об уточнении той или иной даты под тем или иным стихотворением, предлагаю вместо точных дат точные вехи в становлении рукописи «Цветов Зла». Их три: стихи, написанные до революционных месяцев 1848 года; стихи, возникшие на рубеже сороковых—пятидесятых годов, и, наконец, стихи, четко уместающиеся в границы между 1852 и 1857 гг. Первая вежа образует 29 названий, вторая — 34, последняя — 38. Моя схема хронологически покрывает 17 лет творческой жизни Бодлера, однако нетрудно догадаться, что основная работа над созданием именно ЕДИНОЙ книги велась в пятидесятые годы, а не в сороковые, как утверждает Жан-Поль Сартр, для которого Бодлер как поэт «скончался двадцатилетним».

Четыре из стихотворений первой вехи появились в печати до 1849 года — сонет «Даме креолке» (1845), сонет «Кошки» и стансы «Дон Жуан в аду» (1846), а также баллада «Хмель убийцы» (1848)¹. Поскольку в 1846 году появилось название «Лесбианки», то и три пьесы этого цикла («Лесбос», «Дельфина и Ишолит», «Окаянные женщины») должны были возникнуть до этой даты. Остальные 22 стихотворения образуют достаточно ясное стилистическое единство, выявляющее именно раннюю манеру Бодлера. Отмечу также, что для определения этой вехи немаловажное значение имеет и свидетельство Эрнеста Прарона, приятеля молодости Бодлера и его соавтора по неоконченному драматургическому опыту (трагедия «Идеалос»). С этим человеком, думаю, есть смысл познакомиться читателя поближе. Итак, Эрнест Прарон!

Родом из Пикардии и ровесник Бодлера, он приехал в Париж изучать юриспруденцию (1839). Сняв комнату в пансионе Левек, Прарон сошелся с поэтом Лававассером и прозаиком Шеневьером, которые зимой 1840-41 гг. и познакомили его с Бодлером. Молодые литераторы решили объединиться в своеобразную писательскую коммуны под названием «Нормандская школа». Провинциалы и северяне, они считали эту региональную вывеску надежным прикрытием для своих литературных дебютов. Парижанину Бодлеру ребята просто понравились. А раз так, то и он решил стать «нормандцем». Индийское путешествие на несколько месяцев разлучило его с приятелями, но после возвращения они вновь вместе. Всеядный литератор и слабый поэт, Прарон обладал, однако, темпераментом организатора. В 1843 году он налаживает издание коллективного сборника под названием «Стихи», пригласив участвовать в нем Лававассера, Бодлера и Огюста Дозона, не забывая, естественно, и самого себя. Вот кто еще в 1843 году видел рукопись Бодлера и, оказывается, тоже под

¹ Русские названия даются по последнему русскому изданию «Цветов Зла» (АН СССР, 1970).

названием... «Цветы Зла». О, память человеческая! Кто только не знал это название еще задолго до того, как оно пришло в голову автору! Впоследствии, уже после смерти Бодлера, Эрнест даже вспомнит конкретные стихи, вошедшие в первое издание, но увиденные им еще тогда. Часть из них полностью укладывается в рамки отмеченного мною периода, но среди перечисленных Прароном пьес будут и такие, которые он никак не мог видеть в 1843 году. Выходит, и к указаниям Прарона следует отнестись критически.

Что случилось и почему буквально в самую последнюю минуту Бодлер отказывается от своего участия в сборнике? Он не хотел компрометировать себя в компании милых друзей, но незадачливых поэтов — считает большинство биографов. Сам Бодлер, однако, никаких пояснений на этот счет не дает.

Прарон своими опусами занял добрую половину сборника, сохранил в своем архиве и фрагменты совместно с Бодлером сочиненной трагедии «Идеалюс», а через год, окончив учебу, вернулся в свою Пикардию и перестал сочинять стихи. Начался многолетний и очень плодотворный этап в деятельности Прарона. Он стал ученым, причем видным, выдающимся даже, опубликовавшим за свою долгую жизнь (умер он в 1909 г.) более 120 томов по истории и археологии родного края. В 1852 году он, правда, вспомнит, что некогда был поэтом и вращался в литературных кругах Парижа. Этюд, опубликованный им в парижской периодике, носил название «О некоторых новых писателях», где есть пассаж с дружескими упорами и поучениями в адрес Бодлера. Говорят, поэту это не понравилось и он прекратил всякие отношения с Эрнестом. Но ведь и до 1852 года, после отъезда в Пикардию, у них прекратились отношения. Судя по переписке Прарона с Жаком Крепэ, готовящим в 1887 году издание полного собрания сочинений Бодлера, отношения у них вроде бы никогда и не портились. Жак Крепэ принял во внимание не только примерную датировку ранних стихов поэта, подсказанную Прароном, включая и явные ошибки, но и ряд весьма существенных фактов из жизни Бодлера начала сороковых годов, засвидетельствованных им. Так, может быть, и не стоит разыскивать причину или сам факт размолвки? До 1929 года такое решение казалось самым разумным.

В 1929 году, двадцать лет спустя после смерти Прарона, бодлеровед Жюль Муке опубликовал книгу под названием «Найденные стихи Бодлера», где он доказывал, правда, не всегда удачно, что подавляющее большинство стихов, подписанных Прароном и вошедших в сборник «Стихи», написаны не Прароном, а... Бодлером. Муке отмечает 21 название. В стане бодлероведов (к тому времени уже многочисленном) воцарилось полное смятение. Первая реакция: вернуть стихи их законному владельцу, выделяя их в особый раздел под названием «Найденные стихи». Одни предлагали включить их в виде приложения в «Цветы Зла», другие (самые осторожные) призывали ограничиться полным собранием сочинений и рубрикой «Стихи разных лет, не вошедшие в «Цветы Зла». Спор продолжался десять лет, пока, наконец, не по-

явился американец Джеймс Воллас, который убедительно доказал ученым мужам, что, как там ни крути, а графоманом Бодлер не был, но что факт плагиата действительно имел место лишь в отношении к двум названиям «Дождливый» и «Над гробовой доской», причем в первом только середина часть (30 строк) принадлежит Бодлеру; начало же и конец — «кисти» Прарона. Итак, факт плагиата налицо. Пусть не столь значительный, как это рисовалось воображению Муке, но все же. Не в этом ли причина размолвки? Возможно, добавлю я, сделав предварительно небольшую оговорку.

Жил в Париже начала сороковых годов колоритный молодой человек с громким именем Александр Прива д'Англемон. Была ли это его подлинная фамилия — неясно, поскольку был он мулатом, уроженцем каких-то таинственных островов. Бодлер, откопавший его неизвестно где, находился тогда в ореоле своего «величия», другими словами — с туго набитым кошельком. Экстравагантная и богемная личность Александра доставляла поэту немало удовольствия. Прива считал себя тоже поэтом, однако поэтом особого рода: стихов он «из принципа» не писал, зато «воплощал» их суть своим поведением в жизни. Нечто подобное практиковали уже в наш век так называемые «футуристы действия», а в наши дни некоторые схожие проявления входят в понятие поп-арт. Как видим, Прива был «предтечей» современного «дураковаления». Вместе с тем, д'Англемон был еще и изрядным нахалом. Однажды он заявил Бодлеру, что хотя стихов «из принципа» не пишет, тем не менее хотел бы опубликовать несколько сонетов, чтобы «кое-кому» доказать, что, дескать, если захочет, то — пожалуйста, но суть, однако, в том, что он, конечно, не хочет, следовательно — не желает. Такая железная логика устраивала Бодлера, и он решил помочь Прива. Редактор журнала «Л'Артист» впоследствии вспоминал, как в его кабинете появилось двое молодых людей. Один из них достал из кармана три листка с переписанными каллиграфом сонетами и дал их прочесть редактору. Когда редактор одобрил сочиненное, то второй молодой человек взял перо и витиевато расписался под текстами: Александр Прива д'Англемон. Так появились в журнале (в трех номерах по одному) следующие сонеты: «Мадам де Берри», «Ивонне Пен-Моор» и «Апрель». Естественно, в «Цветы Зла» Бодлер их не включил. Так это же был забавный Прива, скажет читатель, а не Эрнест Прарон, претендующий не только на титул поэта, но и на пост лидера «Нормандской школы». Вот именно.

Но вернемся к рукописи, вернее к попытке ее хронологической реконструкции. «Цветы Зла» демонстрируют глубокую связь между духовным становлением их автора и сменой его творческих интересов. Поэту исполнилось ровно двадцать лет, когда он сочинил сонет «Даме креолке», находясь на острове Реюньон, ему шел сорок седьмой год, когда он издал в Бельгии тоненькую книжку под названием «Обломки» содержащую несколько самых последних его стихотворений. С 1841 по 1866 год он шел навстречу книге ВСЕЙ СВОЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ и шел к ней через РАЗРОЗНЕН-

НЫЕ стихи. ЕДИНАЯ ПОЭМА, состоящая из разрозненных стихотворений, — это не только отражение конкретной эпохи с ее противоречиями, проблематикой, историческим, социальным и эстетическим фоном; это еще и духовная биография Бодлера, человека, мыслителя, мечтателя.

Разделив первое издание «Цветов Зла» на три вехи, попробуем проследить здесь зарождение, становление и завершение этого варианта книги в хронологических рамках 1841—1857 гг.

Уже в стихах первой вехи четко прослеживаются основные тематические линии: стихи-зарисовки и урбанистические пейзажи; стихи, изображающие пороки; стихи с ярко выраженной философской тематикой. Все это стихи-протесты, порождения СПЛИНА, нечто, гневно отвергаемое поэтом, но и нечто, вызывающее его сочувствие. Сплин Бодлера уже на этой вехе вступает в контраст с его идеальными видениями, с мечтой поэта о чистоте, свете, любви. Это и навеянный индийским плаванием экзотический мир; и мир, сотворенный магией подлинного искусства; это, наконец, женщина поэта, на этом этапе — его Жанна.

Одной из главнейших черт в новаторстве Бодлера является его принципиальный урбанизм. До него французскую поэзию можно было называть «сельской», поскольку она тяготела к уединению под увесистыми кронами лесов или тихим покровом безмятежных парков, мечтала над гладью озер, у пустынных морских берегов, на цветочном ковре альпийских склонов. Идиллические пейзажи, ничуть не умаляя серьезности напева, придавали поэзии, однако, несколько абстрагированное осознание лирического «я» по ту сторону проблематики, которая на деле питала вдохновение. Просто, чтобы осмыслить гул городов, где бушевали страсти, поэты уединялись. Единственным, пожалуй, городским поэтом до Бодлера был Франсуа Вийон, но это было очень давно и как-то прочно забылось. Современники «Цветов Зла» были шокированы непривычной обстановкой словесных холстов поэта; в этом видели они грубую прозу, непростительный для стихов натурализм.

Говоря о стихах первой вехи, посвященных изображению города, нельзя не выделить, в первую очередь, их главного обобщающего героя. Им является СОЛНЦЕ. Это удивляет, поскольку ничего веселого в этих стихах нет, скорее наоборот: сцены, которые мы видим, фон, на котором они происходят, наводят только на скорбные мысли, обычно зарождающиеся под мрачным покровом ночи. Но ведь ночь прячет, нивелирует. Картина городской юдоли, нарисованная Бодлером, бескомпромиссна, отсюда и ее обнаженность, отраженная в беспощадном оке ЖЕСТОКОГО солнца. Да, оно у него именно ЖЕСТОКОЕ, но в жестокости этой есть нечто священное и самоотреченное, ибо солнце выступает как КОРМИЛЕЦ-ОТЕЦ (оно по-французски мужского рода) и как ПОЭТ или просто СОЧИНИТЕЛЬ СТИХОВ: «Оно, словно поэт, спускается в город, облагораживая судьбы самых низких вещей, и входит королем, без шума и без слуг, во все больницы и во все дворцы». Да простит мне читатель цитиро-

вание прозой. Поэтические переводы звучат несомненно «грасивее», но им не хватает тех крохотных, но важных акцентов и оттенков, позволяющих глубоко и правдиво осмыслить авторскую мысль, заключенную в образе. Для примера приведу лучший русский перевод этих строк:

Ты, Солнце, как поэт, нисходишь в города,
Чтоб вещи низкие очистить навсегда;
Бесшумно ты себе везде найдешь дорогу —
К больнице сумрачной и царскому чертогу!

(Перевод Элліса)

Чтобы зарифмовать на другом языке и удержаться в соответственном размере, поэту-переводчику приходится жертвовать, как убеждает пример, довольно значительными (порой принципиальными) оттенками. Нет у Бодлера обращения к солнцу «на ты», поскольку он с ним не беседует, а лишь констатирует его неумолимое присутствие; потерян и такой важный применительно к солнцу эпитет, как КОРОЛЬ: наречие «бесшумно» — слишком убого в сравнении с «БЕЗ ШУМА И БЕЗ СЛУГ»; обобщения «больница» и «царский чертог» (вместо ДВОРЦОВ, самых разных, где живут не только коронованные особы, но и банкиры, вообще богачи) тоже, как нетрудно догадаться, суживают значение этого развернутого образа солнца. Но оставим поэтам их право на вольность. Вернемся к оригиналу.

Ближайшим родственником солнца выступает в городской тематике ВИНО: «Чтобы утопить укор и убаюкать вялость всех этих проклятых, умирающих в тиши, бог, во власти угрызений совести, сотворил сон; человек добавил вино, священного сына солнца». ВИНО Бодлера — начало активное в отличие от божьего сна, дарующего человеку всего лишь ЗАБВЕНИЕ, ибо «песнь вина полна света и братства». Неотделима она и от ТРУДА. «Знаю, — пояснит в своем монологе ДУША вина, — сколько нужно на огненной равнине усилий, пота и обжигающего солнца, чтобы зачать меня». Итак, СОЛНЦЕ, ВИНО И ТРУД вступили в единый и нерушимый союз, отсюда и герои городских зарисовок Бодлера. Они представляют пролетариат Парижа, самое здоровое и, вместе с тем, самое угнетенное большинство нации. Их радость от хорошо выполненного труда соседствует с проклятием, поскольку они осчастливлены и одновременно прокляты трудом.

В стихах истинного парижанина, каким был Бодлер, читатель не найдет хрестоматийных примечательностей этого великого города. Париж автора «Цветов Зла» ограничен рабочим предместьем, лабиринтом грязных улочек, петляющих среди трущоб. Во дворцы, правда, входит Солнце, но поэт туда не заглядывает. Домики-развалюхи, где за каждой шторой «убежище тайного порока», выглядят особенно жалкими в щедрых лучах солнца. Еще более ущербными предстают ковыляющие на костылях калеки, золотушные дети, измотанные нуждой женщины, размалеванные девицы. Солнце — как микроскоп; любую морщинку превращает в

глубокую яму, любую царапинку в кровавую рану. Свершив свой круговорот, оно заходит, и над рабочим кварталом опускается густая ночь.

Тускло горят редкие фонари. Ночью, как правило, валивает ветер. И появляется он, хмельной тряпичник, вынашивающий благороднейшие проекты: «Он клятвы дает, диктует возвышенные законы, уничтожает злых, возвышает их жертвы, и под куполом неба, словно подвешенный балдахин, оньяняется великолепием собственной добродетели». Да, вино, сын солнца, помогает мечтать, когда наступает ночь и все кажется возможным, ибо вино обещает: «Я зажгу глаза твоей восхищенной жене, сыну твоему верну силу и цвет лица; превращусь для него, хилого атлета жизни, в масло, укрепляющее мышцы борцов. И в тебя западу растительной амброзией, ценным зерном, брошенным в почву вечным Сеятелем, чтобы наша любовь породила поэзию». Да, вино способно очеловечить закабаленного изнурительным трудом и нищетой рабочего. Но и убить оно способно.

Последнее подтверждает баллада «Хмель убийцы», решенная в ключе пролетарской песни. Рабочий убивает жену, бросая ее труп в колодец. «Она была, — поясняет убийца, — еще красивой, хотя изрядно усталой! А я, я слишком ее любил! Вот почему я ей сказал: уйди из этой жизни!» Вино довело рабочего до кровавого «прозрения»; оно сотворило зло во имя патологически возвышенной любви. «Никто не поймет меня, — сознается убийца. — Никому из этих тупых пьяниц и в голову не придет в одну из бредовых ночей превратить вино в саван...» Не знают они, тупые пьяницы, что такое настоящая любовь «с черным ее волшебством, адским кортежем тревог, с пузырьками яда, со слезами, с шумом цепей и костей!». Вино — надежда поэта, вино — оправдание убийцы; оно и «растительная амброзия», оно и кровавый запой.

Стихотворение «Рыжей нищенке» — несомненный шедевр портретной поэзии Бодлера тех лет. «Белая девушка с рыжими волосами, дырки на платье которой приоткрывают бедность и красоту». Девушка то попрошайничает на углу улицы, то, как бездомная дикая кошка, разыскивает в мусорных ямах что-то похожее на съестное. Словесный холст поэта выполнен «пастелью»; все в нем насквозь прозрачно и пронизано нигде не названными лучами солнца. Второй герой портрета — поэт, такой же нищий и одинокий: «Для меня, тщедушного поэта, твое юное болезненное тело, покрытое веснушками, обладает особой прелестью».

И тут вступает в свои права «машина времени», нечто неподвластное кисти живописца, но доступное поэту, нашедшему в грамматике своего языка соответствующую глагольную рамку. Сослагательное наклонение переносит нас из Парижа сороковых годов XIX века в живописную эпоху французского Ренессанса. Воображение поэта «переодевает» нищенку: место тяжелых сабо занимают бархатные котурны, куцые лохмотья заменяются длинными складками пышного и шуршащего придворного платья, на ножке, где виднелись дырки чулков, теперь засверкал золотой кинжалик, бюст,

охлажденный сеткой узелков, выявил две красивые груди «сверкающие, словно глаза». Принцессой из красивой, нессанской сказки предстала нищенка. Преображенной лешкой, спешащей на бал. Окруженная ватагой придворных «шалунов», пажей и рифмачей, она ловко и изящно отмахивается от них, дразня их своей трепещущей плотью. Ей дарят сонеты. И кто? Сам мэтр Реми Белло, сам великий Ронсар! О да, — констатирует размечтавшийся поэт: «Ты насчитывала бы в своей постели больше поцелуев, чем лилий, и подчинила бы своим законам не одного из Валуа!»

Но кончается сон. Нищая красавица и нищий поэт расходятся. Прощаясь, поэт говорит ей вслед: «Шагай же без других украшений — духов, жемчуга, алмазов — кроме худой своей наготы, о моя красота!». Красота Бодлера, она всегда без грима. Всегда нага.

Особо изощренное воплощение получают художественные приемы Бодлера в лесбийском цикле. Здесь социальное отчуждение женщины, проявляющееся в самонезлоляции, выступает особенно болезненно. Понимая всю остроту проблематики, поэт резко меняет и технику: ключевые слова, бывшие содержательным ядром в городских зарисовках, уступают здесь место целостным фразам, символ заменяется жестом, пластикой. Вот они, «окаянные женщины». Они движутся парами, доверительно шушукаясь. Это подружки-наперсницы. Фигурки со склоненными навстречу головками подчинены внутреннему ритму доверительной беседы. Их порочное тяготение друг к другу имеет сугубо рациональное, чисто умозрительное обоснование. Пары сменяют небольшие группки, объединенные символической фигурой святого Антония, не выдержавшего соблазна «нагих грудей». Группки эти воплощают дразнящее и агрессивное женское начало, когда неудовлетворенная плоть мстит соблазном. А вот и третий разряд, он отдан под покровительство Бахусу. Это родственницы рабочего, убившего жену, женщины, тонящие угрызения совести в вине. Хмельная капитуляция перед жизнью бросает их в объятия друг другу. И наконец — поклонницы КНУТА, мазохистки, находящие утешение в самобичевании. «ДЕВЫ, ДЕМОНЫ, ЧУДОВИЦА, МУЧЕНИЦЫ», — обращается к ним поэт, но тут же добавляет: «Бедные сестры, люблю вас и жалею».

От пластики групп Бодлер переходит к изображению интимной отдельной пары («Ишполит и Дельфина»). «В бледном свете томных ламп, утопая в глубоких подушках, пропитанных благовонием», лежит женщина. Удачно подобранный свет подчеркивает и удлиняет каждый жест, нюансирует каждый изгиб силуэта. Есть что-то от красок Делакруа в этих словесных холстах. Дельфина, «мощная красота», опускается на колени перед ложем «красоты хрупкой». Речь ее пластична: «Поцелуй мой легкий, как эфемеры, ласкающие под вечер большие прозрачные озера». Чтобы еще больше подчеркнуть эфирность своего лобзания, Дельфина прибегает к обличию мужчины, чьи поцелуи «пройдут по тебе, как тяжелые упряжки лошадей или быков...» И здесь определенное место занимает символ солнца, но солнце лесбийской любви

ви — до предела раскалено: «Тот, кто хочет соединить в мистический аккорд тень с теплотой, ночь со днем, никогда не согреет свое паралитическое тело в лучах красного солнца, название которому любовь!» — подытожит Дельфин.

В оде «Лесбос» Бодлер передает лесбиянок под покровительством «мужеподобной Сафо», «любовницы и поэта», скорбная бледность которой делает ее «красивее Венеры». У Лесбоса много врагов, в том числе и «суровый Платон», ибо «черное таинство» этого острова есть «таинство разнузданных смехов вперемежку с мрачным рыданием». Здесь большое значение для активизации пластического показа имеют персонификации ПОЦЕЛУЕВ и игра ЗЕРКАЛ. Поцелуи, они томные, радостные, теплые как СОЛНЦА, свежие как АРБУЗЫ; они бегут, рыдают, захлебываются, преображаясь в КАСКАДЫ. Зеркала же отражают «дев с полыми глазами», множат причудливые эффекты сплетенных тел.

В лесбиянке поэт увидел крайний символ отчуждения женщины в эгоцентрическом обществе. Вместе с тем поиск «себе подобного» подчеркивал и бунт личности против устоев и морально-нравственного конформизма. В эпоху Бодлера еще не говорили об обществе ПОТРЕБЛЕНИЯ, наоборот — Жорж Санд считала, что наступила эра социального равноправия женщины, начало всеобщего равенства. Что же касается автора «Цветов Зла», то он увидел в фигуре буржуа РАСПОЯСАВШЕГОСЯ ХИЩНИКА, подчинившего своим хотениям все и вся, отсюда бунт угнетенных пролетариев, немой укор уличной нищете, порочный протест уязвленной женщины, не желающей быть «вещью». Тема глобального бунта жертв заставила Бодлера вспомнить не только античный культ порока, но и легендарного Дон Жуана, вызов которого классовым устоям средневековья тоже был актом бескомпромиссного бунтарства. Речь идет не о «донжуанстве», а о самом Дон Жуане как явлении Истории. О «донжуанстве» Бодлер-критик писал следующее: «...никогда не старайтесь подражать знаменитому Дон Жуану, который, кстати, согласно Мольеру, — всего лишь грубоватый дурак, хорошо освоивший ремесло любви, преступления и пресмыкательства: ставший затем, усилиями господ Мюссе и Готье, эдаким флагирующим артистическим снобом, ищущим совершенства в сомнительных заведениях, и, наконец, превратившимся в престарелого дэнди, изношенного и усталого от странствий и имеющего самый глупый вид при столкновении с подлинно порядочной женщиной».

В небольшой, но емкой зарисовке «Дон Жуан в аду» конкретные приметы относят нас к мольеровским решениям: слуга Сганарель, требующий от своего синьора уплаты жалованья, уязвленный отец повесы Дон Луис и Эльвира, законная супруга сердцееда. Но это лишь образы-символы, хрестоматийные тропы. Сам герой напоминает скорее гоффмановский образец, ибо главной его чертой выступает безмятежная гордыня, осознание исполненной миссии. Попав в ад, он исправно платит пошлину Харону и занимает свое место в лодке. В надменном взгляде гребца, похожего на Антисфена, древнего философа-киника, читаем приговор реакции, ибо

Харон передает Жуана прямо в руки Командора, кормит лодки. На противоположном берегу — «...обнажая вид груди и приоткрыв платья, корчились женщины под широким небосводом, и, словно огромное стадо приговоренных к заклятию жертв, протяжно выли вдогонку ему». Все здесь враждебно Дон Жуану, все вокруг дышит злобой. Герой же, гордо склоняясь на шпагу, спокойно смотрит вперед, ибо он знает, что наказан не за порочный образ жизни, а за БУНТ против устоев своего общества.

Разврат и Смерть, клоака и могила, альков и погост соблазняют поэта, «фаворита эда»; продажная любовь, смеющаяся над «адом и чистилищем», предлагает человечеству заблуждение; стадо «похотливых демонов» уносит с собой женский идеал; современные гетеры, неутомимые и ненасытные, словно черви, разъедают плоть; наконец, непосредственные жертвы интимных страстей: юное, кем-то обезглавленное тело, как-то увиденное поэтом в комнате преступления. Вот они — картины воинствующего порока современного буржуазного города. Бодлер зафиксировал это уже на самом раннем этапе своего творчества, откуда и первое название книги — «Лесбианки». Беспощадной и трагедийной выступает бодлеровская концепция ЖЕНЩИНЫ. Поэт никогда не переставал верить в возможность духовного диалога между мужчиной и женщиной. Вместе с тем он видел на пути такого сближения бесконечное количество объективных препятствий. С искаленным воспитанием и ущербным образованием женщина была фактически лишена возможности участия в той или иной форме соиздания социального прогресса, отсюда ее ОЖЕСТОЧЕНИЕ и стихийное тяготение к ВОЗМЕЗДИЮ: «Для упражнения зубов в этой своеобразной игре (игра «в скуку» — Г. О.) тебе ежедневно надобно чье-то сердце». Ожесточение приводит женщину к ОСЛЕПЛЕНИЮ, а оно, в свою очередь, к НЕВЕЖЕСТВУ: «Глаза твои, освещенные, как торговые лавки... нахально присвоили себе чужую власть, постичь не желая закон собственной красоты». В итоге современная поэту женщина квалифицируется как «СЛЕПАЯ и ГЛУХАЯ МАШИНА», производящая ЖЕСТОКОСТЬ. Трудно найти в мировой литературе более негативное определение женщины. Не будем, однако, спешить, ибо концепция Бодлера этим итогом не исчерпывается. Финал стихотворения выявляет главную идею в следующем парадоксе: «...природа во всем величии помыслов своих пользуется тобою, о женщина, о королева греха, тобою — низкое животное — ДЛЯ ВЫЛЕПКИ ГЕНИИ». Подчеркнутый мной образ обосновывает ИСХОДНОЕ величие женщины-матери, кому человечество обязано своим духовным величием. «Королева греха» — таков лишь ее современный аспект. Когда же поймет она величайший смысл своего назначения? Кто научит ее постижению закона собственной красоты? Эти вопросы будут занимать Бодлера до самой смерти.

Продолжение следует

Русудан ГРИГОЛИЯ

И ДЛЯ СЕМЬИ, И ДЛЯ ОБЩЕСТВА

«Ведь каждому ясно, как не-
легко порой сочетать обязан-
ности матери с активным уча-
стием в производстве и об-
щественной жизни».

Л. И. БРЕЖНЕВ

(Отчетный доклад XXVI съез-
ду КПСС)

КАК, бы ни был интенсифицирован труд женщины в семье, как бы ни сократились домашние хлопоты благодаря развитию службы быта, общественного питания, технике, пришедшей в наш дом, женщина-мать, бесспорно, незаменима.

Ничто не заменит детям материнское тепло, семье — заботливых рук хозяйки дома. Сегодня перед женщиной стоят две задачи — она должна быть занята общественно полезным трудом, и на ней лежит ответственность за будущее нашей страны.

Женщина как полноправный член общества должна быть занята общественно полезным трудом, который не был бы в ущерб воспитанию нашего будущего поколения.

Сегодня эта проблема очень остро стоит на повестке дня, поскольку одним из основных условий решения задачи, поставленной перед нашей экономикой, является эффективное использование трудовых ресурсов.

А для этого, во-первых, нужно обеспечить высокую производительность труда занятых в народном хозяйстве людей, во-вторых же — широко вовлечь в общественное производство тех работников, которые заняты в личном и домашнем хозяйстве.

Мы уже подошли к тому критическому моменту, когда на воспроизводство трудовых ресурсов определенным образом влияет демографическое эхо Великой Отечественной войны. Поэтому уже в ближайшем будущем масштабы и темпы роста производства не смогут быть обеспечены существующими темпами прироста трудоспособного населения.

По предварительным расчетам Научно-исследовательского института экономики и планирования народного хозяйства

при Госплане Грузинской ССР (НИИЭП), прирост трудоспособного населения в нашей республике в 1981 — 1995 гг. будет в 2,6 раза меньше, чем на протяжении предшествующих пятнадцати лет. А это означает существенное снижение трудового потенциала в перспективе, возникновение значительного дефицита в балансе трудовых ресурсов. Именно поэтому все более актуальными становятся такие формы вовлечения трудовых ресурсов в общественное производство, как неполный рабочий день и работа на дому. С внедрением этих форм создается реальная возможность привлечь в общественное производство как занятых домашним трудом женщин, так и трудоспособных пенсионеров, частично трудоспособных инвалидов, студентов и т. д.

Изучение вопроса о введении режима неполного рабочего дня для женщин, имеющих детей, началось в НИИЭПе еще 12 лет назад. Это исследование было проведено под руководством и при координационной связи Научно-исследовательского института Госплана СССР. В результате исследования был создан проект, представленный союзному правительству. В дальнейшем был издан закон об установлении для женщин неполного рабочего дня.

В резолюции XXV съезда КПСС прямо указывается на необходимость создания женщинам, имеющим детей, условий для работы с неполным рабочим днем или неполной рабочей неделей, а также широких возможностей для работы на дому. Специальными постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР, а также ЦК Компартии Грузии и Совета Министров Грузинской ССР предусмотрена финансовая и другая поддержка тех предприятий, которые внедряют режим работы с неполным рабочим днем. Вместе с тем в трудовом законодательстве учтены условия правового регулирования работы с неполным рабочим днем. Несмотря на отмеченные мероприятия, масштабы применения этих форм в народном хозяйстве Советского Союза все еще неудовлетворительны.

По данным Центрального Статистического Управления СССР, на 1 января 1977 года во всех отраслях народного хозяйства с неполным рабочим днем или с неполной рабочей неделей трудились 487 тысяч человек, что не превышает 0,46 процента от общего количества всех работавших, а из всех занятых в народном хозяйстве женщин работавшие с неполным рабочим днем составляли 0,5 процента. Среди работавших с неполным рабочим днем крайне низок удельный вес женщин, особенно тех домашних хозяек, которые имеют малолетних детей и детей школьного возраста. В машиностроении и в швейном производстве работающие по этому режиму женщины составляли 0,1 процента от всех работающих, а в легкой промышленности — 0,04 процента.

В тот же период, по данным ЦСУ Грузинской ССР, по режиму неполного рабочего дня трудились чуть больше семи с половиной тысяч человек, что составляло 0,4 процента от общего количества людей, занятых в народном хозяйстве. Вместе с тем крайне низкий удельный вес падал на женщин-матерей, поскольку труд по режиму неполного рабочего дня

и работа на дому и в нашей республике в то время носили эпизодический характер.

На девятой сессии Верховного Совета Грузинской ССР в июле 1978 года подчеркивалось, что с точки зрения привлечения трудовых ресурсов в общественное производство путем использования этих прогрессивных форм положение в республике было незавидным. На сессии со всей серьезностью встал вопрос о том, чтобы создать благоприятные условия женщинам, особенно имеющим детей и пожилым, для работы с неполным рабочим днем и на дому.

На XXVI съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, говоря о разработке и осуществлении эффективной демографической политики в условиях обострившихся за последнее время проблем народонаселения, как главный путь их решения указал на «усиление заботы о семье, молодоженах и прежде всего о женщине».

Правда, для улучшения условий труда женщин, бытового и культурного обслуживания осуществлен целый ряд мероприятий, но пока еще осязаемого перелома не произошло. С осуществлением намеченных Основными направлениями широкими и действенными мер будут созданы все условия для такого сочетания женщиной своих материнских обязанностей с активным участием в общественной жизни, не в ущерб делу воспитания поколения, достойного будущего нашей страны.

В нашей стране вообще и в нашей республике, в частности, важнейшая субъективная причина не столь широкого распространения неполного рабочего дня и работы на дому заключается в скептическом отношении руководителей предприятий к этим формам трудовой занятости. Имеет место и определенная осторожность в отношении тех организационных и экономических трудностей, которые непременно сопутствуют всякому новому начинанию в хозяйственной практике. Некоторые руководители производств думают, что неполный рабочий день или работа на дому оказывают отрицательное влияние на производительность труда и экономический уровень производства. Но, как видно из практики, работающие неполный день намного эффективнее распределяют рабочее время, чем те, кто трудится по режиму полного рабочего дня. Специальными исследованиями установлено, что потери времени на тех участках, которые работают по режиму неполного рабочего дня, или среди работающих по этому режиму отдельных рабочих сведены к минимуму. Более короткий рабочий день характеризуется значительно более высокой интенсивностью труда. Применение неполного рабочего дня в условиях рациональной организации не только не создает опасности, но наоборот, обеспечивает высокую производительность труда, рациональное расходование рабочего времени, способствует сокращению текучести кадров, закреплению квалифицированных рабочих на производстве. Что самое главное, такой режим имеет большие социальные преимущества: во-первых, ушедшие в случае осложнения семейных обстоятельств с работы женщины через определенный период вновь возвращаются на предприятие, использующее эти формы; во-вторых, во время работы по такому режиму у

женщины-матери остается больше времени на воспитание детей.

В 1977 году в Москве обследовали, как внедряются производство намеченные XXV съездом КПСС мероприятия. Изучались 120 предприятий легкой и местной промышленности, торговли и транспорта десяти союзных республик, в том числе и Грузии. Как видно из материалов, как правило, в условиях режима работы с четырехчасовым рабочим днем качественные показатели продукции достаточно высоки.

В Грузии провели опрос работающих женщин. 60 процентов опрошенных заявили, что если не будет осуществлен переход на режим неполного рабочего дня, они вынуждены будут оставить работу. Причиной они назвали семейное положение, состояние здоровья, воспитание детей: семье нужна женщина, а мы, мол, в один день выполняем двухдневную работу: одну — на производстве, другую — в семье. Большинство отметило, что когда они находятся на службе полный день, то мысли о детях мешают им полностью сосредоточиться на выполняемой работе, что оказывает отрицательное влияние на производительность и качество труда.

В деле полноценного формирования подрастающего поколения нашей страны режим неполного рабочего дня и работы на дому приносит самые полезные результаты. Возможно, не столь уж благоприятными для некоторых предприятий будут эти формы, но, исходя из их большого социального значения, следует изыскать и разработать на основе настойчивых поисков и имеющегося опыта реальные пути их эффективного применения.

Государство затрачивает огромные средства на подготовку женщин-специалистов для различных отраслей народного хозяйства, но часто после создания семьи из-за необходимости воспитывать малолетних детей женщина-специалист вынуждена оставить службу. Даже при самом высоком уровне сферы обслуживания, которая могла бы разгрузить женщину от домашних дел, она как мать, воспитывающая детей, незаменима. Поэтому надо ориентироваться на такие предприятия и организации, где для специалистов-женщин можно было бы ввести режим неполного рабочего дня. Из интеллектуальной сферы это можно осуществить в проектно-конструкторских учреждениях, бюро переводчиков. Например, женщина-инженер свободно может работать 4 часа в день, а остальное время уделять семье и малолетним детям.

Целый ряд республик, особенно Прибалтийские, Белоруссия, Молдавия и Украина, уже накопили определенный опыт как режима неполного рабочего дня, так и работы на дому, изучение и использование которого на деле принесет большую пользу нашей республике.

Работу по режиму неполного рабочего дня широко применяют на объектах легкой промышленности Эстонской ССР, на предприятиях и в организациях торговли, общественного питания, бытового обслуживания, жилищно-коммунальных учреждениях и т. д.

Как показывает опыт предприятий легкой промышленности Эстонии, производственные показатели работающих по

режиму неполного рабочего дня намного выше, чем у тех, кто трудится полный рабочий день. Например, на поточной линии «Марица» Таллинского швейного производственного объединения имени Клемента работающие неполный день выполняют нормы в среднем на 132 процента, средний же показатель на этой же линии составляет 125,1 процента. Высокие показатели в выполнении норм имеют работающие по режиму неполного рабочего дня в швейном производственном объединении «Балтика», на кожгалантерейном комбинате. Помимо этого, опыт «Дома торговли» в городе Таллине подтверждает, что 15 процентов от общего количества персонала, работающих здесь без обеденного перерыва по режиму неполного рабочего дня, ежедневно обслуживают 50 тысяч покупателей.

Режим неполного рабочего дня может иметь еще больший размах в других отраслях и сферах народного хозяйства, особенно в организациях жилищно-коммунального, бытового и медицинского обслуживания в удобные для них часы. Это именно те сферы, где большинство занятых в них составляют женщины. Правда, при неполном дне увеличивается трудоемкость учетно-расчетных работ, но полную компенсацию последних обеспечивает тот экономический и социальный эффект, который сопутствует введению этого режима на производстве.

Практически огромная часть незанятого трудоспособного населения — это женщины, которые загружены воспитанием малолетних детей. Их вовлечение в общественно полезный труд, что возможно только посредством режима неполного рабочего дня или работы на дому, как мы уже отмечали, имеет, помимо экономического, большое социальное и моральное значение. В экономическом аспекте эта форма работы обуславливает повышение производительности труда, сохранение трудовых ресурсов, привлечение высококвалифицированных специалистов, сокращение текучести кадров. С точки зрения социальной, это способствует укреплению семьи, обеспечению полноценного воспитания детей, ухода за нетрудоспособными членами семьи — зачастую лежачими больными. В моральном аспекте женщина ощущает себя полезным членом общества, у нее растет трудовой стаж, накапливается опыт, приобретается мастерство, она проникается чувством ответственности за порученное дело, которое она, безусловно, воспитает и в своих детях.

Надо помнить, что уход за детьми — это своеобразная форма воспитания. Детей, остающихся без достаточного материнского присмотра, чаще манит к себе улица со своим отрицательным воздействием и опасным финалом.

Во время работы по режиму неполного рабочего дня неизбежны определенные трудности, с которыми столкнутся в своей деятельности непосредственные руководители — мастера, бригадиры и начальники цехов. Спределенные сложности неизбежны при приеме на работу по режиму неполного рабочего дня тех женщин, у которых не окажется профессиональной подготовки и соответствующей квалификации и возникнет необходимость в производственном обучении. Но трудности эти несущественные, временные и при осуществлении со-

ответствующих организационных мероприятий легко проделали. !

Министерство легкой промышленности Грузинской ССР проделало определенную работу по использованию трудовых ресурсов посредством внедрения режима неполного рабочего дня и работы на дому. В настоящее время на предприятиях системы работают по режиму неполного рабочего дня и на дому 0,9 процента всех женщин, занятых в отрасли.

Впервые в системе этого министерства работу по режиму неполного рабочего дня еще в 1969 году начала тбилисская швейная фабрика имени 1 Мая, потом этот режим был внедрен на тбилисской трикотажной фабрике № 1, кутаисской трикотажной фабрике, тбилисской фабрике камвольной пряжи.

Данные тбилисских швейной фабрики имени 1 Мая и фабрики камвольной пряжи подтверждают, что производительность труда у работающих неполный рабочий день более высокая, чем у занятых в течение полного дня, при этом почти полностью изжиты или сведены до минимума нарушения дисциплины и простои.

Коллектив тбилисской швейной фабрики имени 1 Мая в основном состоит из женщин. С целью улучшения условий труда и быта женщин, как мы уже отмечали, здесь еще в 1969 году была создана женская производственная бригада с четырехчасовым рабочим днем, в которой сейчас объединены 120 работниц. Их удельный вес среди работающих полный день составляет 4,7 процента, 75 членов бригады имеют детей. Женщины, занятые неполный рабочий день, максимально используют рабочее время, производительность их труда высокая, они перекрывают нормы, их среднемесячный заработок 70 — 80 рублей. Выработанная ими продукция характеризуется высоким качеством.

Комиссия фабрики по приему на работу и увольнению установила, что в 1980 году из 719 ушедших с фабрики 660 женщин. Отсюда по семейным обстоятельствам, в частности из-за детей, уволилось 140 женщин, с работы по режиму неполного дня перешли на неполный рабочий день 14 женщин.

В 1981 году уволились 624 женщины, в том числе из-за необходимости воспитывать детей — 116. С полного рабочего дня на неполный перешли 17 женщин. Если урегулировать транспортное обслуживание женщин с детьми, то желающих работать по режиму неполного рабочего дня будет значительно больше.

Работница этой фабрики швея Н. Маградзе — мать двух детей 11 и 13 лет, считает работу по режиму неполного дня проявлением большой заботы государства о женщине:

— Мое рабочее время в цеху — 4 часа я использую максимально и не испытываю никакой усталости. Уже два года я работаю на фабрике по этому режиму, и меня это устраивает и в моральном и экономическом плане. Работая здесь, я чувствую, что приношу пользу обществу, — заявила Н. Маградзе. Эту же мысль выразила и мать троих детей работница Э. Панквелашвили. Она живет близко от фабрики и на дорогу у нее много времени не уходит.

Женщины, работающие на этой фабрике неполный день, считают такой режим очень благоприятным для семьи. Если мы познакомимся с трудовыми показателями работающих здесь неполный день, то эти показатели достойны похвалы. Правда, некоторые руководители производства высказывают недовольство, поскольку по этому режиму работают только во вторую смену — с 4 до 8 часов, а желающих работать с 20 до 24 часов сравнительно мало. По этой причине во второй половине смены машины простаивают, падает коэффициент сменности. Но если руководители взглянут на дело с точки зрения перспективы, то именно этим путем смогут они обеспечить ритмичную работу предприятия в условиях ожидаемого снижения темпов воспроизводства трудовых ресурсов.

На тбилисской фабрике камвольной пряжи используется сложная современная техника и технология, и здесь тоже трехсменная работа. Потому число занятых неполный рабочий день сравнительно ограничено. Но несмотря на это, руководство предприятия сочло целесообразным внедрить работу по этому режиму.

Из материалов действующей на фабрике комиссии по приему на работу и увольнению видно, что из 270 ушедших женщин — 27 назвали причиной увольнения воспитание детей. Опять-таки по этой причине потребовали перехода в другую смену 50 женщин. Фабрика удовлетворила их требования и посоветовала перейти в связи с семейными обстоятельствами на работу по режиму неполного рабочего дня. Работница К. Какулия, мать троих детей, работает здесь уже 10 лет, из которых пять работала полный рабочий день. После рождения второго ребенка перешла на режим неполного рабочего дня. Точно так же с полного на неполный рабочий день перешли имеющая 11 лет трудового стажа Н. Имерлишвили (мать троих детей) и Г. Одишвили, у которой двое детей. Они выполняют нормы и задания на 103 — 112 процентов и имеют сравнительно высокую оплату своего труда.

Внедрение режима неполного рабочего дня позволяет дополнительно вовлечь в производство квалифицированных рабочих, что способствует эффективному использованию производственных фондов, улучшению технико-экономических показателей производства.

Формы режима неполного рабочего дня и работы на дому с целью использования трудовых ресурсов зависят от содержания производства и характера выполняемых работ. Если в одних случаях целесообразна работа по режиму неполного рабочего дня, то в других ориентацию надо брать на работу на дому.

Вторую форму привлечения рабочей силы на производство — надомный труд — уже широко применяют в целом ряде республик нашей страны.

Особенно богатый опыт работы на дому накопили Прибалтийские республики. Например, в системе местной промышленности Эстонской ССР с 1966 года функционирует производственное объединение мастеров народного творчества. Ассортимент выпускаемой объединением продукции очень раз-

нообразен и имеет большой спрос. На таком же высоком уровне организована работа на дому и в Литовской ССР. В Риге есть комбинат «Сарма», объединяющий тех, кто «ся на дому».

В нашей республике в деле организации работы на дому примечателен опыт производственного объединения предприятий народных художественных промыслов и сувениров «Солани». Оно создано 12 лет назад. На первых порах оно объединяло один производственный участок и несколько десятков мастеров народных художественных промыслов. Сегодня это одно из крупных в республике производственных объединений, продукция которого заслужила большое одобрение и широкое признание не только в нашей стране, но и за ее пределами.

В постановлении Совета Министров Грузинской ССР «О дальнейшем развитии народных художественных промыслов» поставлена задача обеспечить всестороннее развитие народных художественных промыслов в высокогорных районах нашей республики. Проведены значительные мероприятия по выявлению народных умельцев, по возрождению и развитию традиционных для разных районов и городов республики, но забытых народных промыслов. С этой целью научно-исследовательская экспериментальная художественная лаборатория Министерства местной промышленности Грузинской ССР совместно с объединением «Солани» предприняла ряд экспедиций. Были выявлены искусные народные мастера, изучено их творчество. В результате использования их труда стало возможным возродить и развить производство таких художественных изделий, как ковры ручной работы, паласы, валяные ковры, кавказские бурки, хурджины, носки, тушинские шапки, чеканные изделия, различные ювелирные изделия, изготовленные из дерева и глины художественные предметы и др. Самодельные мастера создали многообразную продукцию, художественная ценность которой нашла всеобщее признание. Развита некогда в Грузии народная кустарная промышленность в недалеком прошлом держалась лишь на отдельных энтузиастах. Творческому развитию кустарничества препятствовало неправильное понимание в вопросе о деятельности мастеров народного искусства. Учитывая необходимость урегулирования этого вопроса, директивные органы приняли специальное постановление, в результате чего в нашей республике впервые было создано производственное объединение предприятий народных художественных промыслов и сувениров «Солани». В связи с актуальностью вопроса о надомном труде объединению была предоставлена возможность создать производственные участки в районах республики, в том числе высокогорных и отдаленных, и объединить живущих там народных умельцев - надомников, большинство из которых женщины. Такой вид занятости выгоден и для государства, и для самих надомников.

По состоянию на 1 января 1982 года в объединении в надомный труд вовлечены 1795 человек, в том числе 1071 женщина, из них 983 в районах. Большинство женщин име-

ют детей. Для большинства занятых в художественных промыслах женщин надомничество выгодно вдвойне. Во-первых, без отрыва от семьи они создают произведения искусства, продолжают традицию и передают ее детям; во-вторых, работа их труда является дополнительным источником дохода для семьи. Труд работающих в объединении «Солани» на дому представляет собой сложный, творческий процесс, требующий особого таланта и способностей. Они отличаются от надомников, занятых в промышленности.

Благодаря добросовестной работе и любви к делу со стороны всего коллектива «Солани» во главе с генеральным директором З. Угулава объединение добилось больших успехов, но здесь все еще много проблем, которые необходимо решить. Например, не решен вопрос о качественной окраске шерстяной пряжи, что отрицательно влияет на художественные достоинства изделий и создание традиционного национального колорита. За рубежом большой спрос на ковры ручной работы, но из-за того, что проблема высококачественного прядения и окраски пряжи не решена, спрос этот не удовлетворяется.

В Дманисском районе, например, работой на дому можно занять 200 женщин, но из-за нехватки пряжи работает только часть женщин. Этот вопрос можно решить с помощью Министерства легкой промышленности республики. Если оно своевременно выделит соответствующее оборудование, то в районах местными силами можно заготовить нужное количество пряжи необходимого качества и окраски.

В объединении неудовлетворительно поставлено обеспечение транспортом тех, кто работает на дому. Для того чтобы своевременно доставить сырье работающим дома и вывезти на производственные пункты готовые изделия, нужен транспорт. А его на некоторых участках «Солани» не хватает. Вместе с тем и местные органы обязаны своевременно обеспечить надомников помещениями для опорно-производственных пунктов.

Зона активной деятельности объединения — Душети, Сигнахи, Тианети, Казбеги, Хуло, Шуахеви, Ахмета, Алвани.

А. Нариманидзе из Душети — мать троих детей. Она занимается ручным ткачеством ковров, которые благодаря своим краскам и высокому качеству пользуются большой популярностью и признанием. В свободное от домашних забот время А. Нариманидзе вместе со своими детьми занимается ковроткачеством.

— Когда подбираются цвета, то иногда дети, особенно старшая девочка, предлагают мне цвет, который хорошо сочетается с другими. Я рада, что сумела заинтересовать своим делом и моих детей. Во-первых, они приобщаются к труду, а во-вторых, я чувствую, с каким благоговением они смотрят на дело моих рук. Помимо того, что это дополнительный источник семейных поступлений, у него есть и вторая сторона — мои дети продолжают эту традицию нашей семьи, — сказала А. Нариманидзе, беседуя со мной.

Для жительницы Тбилиси А. Месхишвили, которая связана с «Солани», работа на дому удобна во всех отношениях.

Она с большим вкусом занимается ткачеством паласов, напояющих гобелены. Мать троих детей, она успешно совмещает эту форму работы с воспитанием детей и имеет немалый ежемесячный доход — 200 — 250 рублей.

Но труд надомников по линии индустриальных предприятий значительно отличается от работы на дому в объединении «Солани». В частности, продукция надомников по объединению «Солани» не является массовой, она связана с искусством. Вот почему критерий ее оценки иной. А надомники от промышленности выполняют одну и ту же операцию, им дается план-задание. Фабрика, промышленное предприятие и регулирует работу тех, кто трудится дома. Женщина в этом случае работает дома с помощью ручной машины, продолжает или заканчивает начатую на фабрике работу. Эта дополнительная работа в виде полуфабриката идет на фабрику. Труд надомников от фабрики более прост.

Надомничеством в системе Министерства легкой промышленности Грузии занято 312 рабочих, из них 193 — домашние хозяйки.

С 1977 года директор тбилисской трикотажной фабрики № 1 Э. Тавадзе направила на Рижский комбинат надомников своей фабрики с целью изучения опыта. Рижский комбинат надомников многоотраслевой, и посланцы трикотажной фабрики знакомились здесь с опытом работы именно в своей отрасли.

На этой фабрике с самого же начала оказалось много желающих работать на дому, но предприятие сумело выделить только 21 швейную машину. Поэтому здесь сейчас работой на дому охвачена только 21 женщина — матери малолетних детей. Они выполняют только две операции (швейную или оверлочную), некоторые же из них делают обе эти операции. У них есть бригадир, который вместе с бракером проверяет качество выполняемой работы. В случае обнаружения брака продукция возвращается работнице для устранения дефекта. При перевыполнении плана растет и оплата труда. Выработка каждой из них доходит до 150 рублей в месяц. Бригаду надомниц обслуживает мастер, который налаживает розданные работницам на дом машины. Если у надомницы нет квалификации, к ней прикрепляют наставника для обучения и овладения операцией. Надомницы настолько овладели делом, что могут работать и на ткацких машинах, но вопрос выделения таких машин на дом не решен. Не урегулирован и вопрос транспорта. Работающие дома вынуждены сами доставлять полуфабрикат домой, а готовую продукцию — на фабрику, иногда из весьма отдаленных районов города. Транспорт обслуживает только инвалидов. Надомницы фабрики вовлечены в социалистическое соревнование, им из фонда материального поощрения выдается тринадцатая зарплата. В случае высоких производственных показателей они поощряются премией, путевками в санатории и дома отдыха, надомничество зачитывается в производственный стаж. Бюллетенем по временной нетрудоспособности из-за болезней надомницы пользуются так же, как и контингент основных рабочих.

Как заявляет директор фабрики Э. Тавадзе, у надомниц большие перспективы, но необходимо содействие Министерства легкой промышленности Грузии возбудить тайство, рижские коллеги готовы прислать десять ткацких машин «Северянка». Выделение ручных ткацких станков в большом количестве будет способствовать росту контингента, а это, в свою очередь, увеличит ассортимент. Будет хорошо, если расходы надомниц по затратах электроэнергии на ручные ткацкие машины возьмет на себя фабрика.

На тбилисской трикотажной фабрике № 1 принято решение открыть филиалы в горных районах, что будет благоприятствовать привлечению женщин в более широких масштабах к работе по этой форме.

Практику надомничества имеет Батумское швейное объединение, где в настоящее время эта форма охватывает 106 работниц, или 4 процента всех работающих здесь женщин. Режим надомничества сравнительно хорошо поставлен на Сухумской швейной фабрике, где по такому методу трудятся 76 человек, которые шьют детские платья простых фасонов. При этом план каждой надомницы составляет 150 готовых изделий. Этот план выполняется всеми, что очень помогает фабрике в реализации плановых заданий.

Режим надомничества применяется также и на Телавской швейной фабрике, где по этой форме трудятся 93 человека, из которых 90 — домашние хозяйки.

Но для совершенствования таких форм работы, как режим неполного рабочего дня и надомничество, нужно шире знакомить население с условиями труда по этим формам и его оплаты. Следует также установить количество женщин, изъявивших желание трудиться неполный рабочий день или дома, необходимо также определить по отраслям перечень и объем тех работ, которые возможно выполнять в условиях работы на дому. Вместе с тем для широкого использования надомничества нужно, чтобы производство было обеспечено финансированием, необходимыми станками, оборудованием, транспортом (для доставки полуфабрикатов и вывоза готовой продукции).

Исходя из опыта министерств местной промышленности Белоруссии и Прибалтийских республик, и у нас в республике должен быть создан производственный комбинат, где широко будет использован труд работающих на дому.

Режим неполного рабочего дня и надомничество являются одним из мощных средств задействования дополнительных трудовых ресурсов. Причем для женщины это создает наиболее благоприятные условия для сочетания общественно полезного труда и воспитания детей.

Мамед ГЮЛЬМАМЕДОВ

ГРУЗИНЫ В БАКУ

БАКИНСКИЕ революционеры-большевики сыграли большую роль в установлении Советской власти в Азербайджане. Вскоре Советская власть победила и в Армении. А через несколько месяцев — 25 февраля 1921 года Советская власть установилась и в Грузии, когда на помощь своим братьям-грузинам пришли азербайджанцы и армяне. Первым председателем ревкома Грузии был избран М. Орахелашвили¹, а затем на этом посту его сменил Ф. Махарадзе, который прошел большой путь революционной борьбы и большевистскую закалку в Баку.

В развернувшихся в нефтяном Баку социал-демократической пропаганде и агитации вместе с передовыми представителями других наций вели большую работу профессиональные революционеры А. Енукидзе, В. Кецховели, И. Стурua, И. Сталин, П. Джапаридзе, М. Цхакая, Ф. Махарадзе, М. Орахелашвили, С. Гаришвили, М. Бочоридзе, Н. Горшвили, К. Жгенти, Г. Ртвеладзе, Д. Варсемашвили, С. Папава, С. Макашвили, С. Канделаки, Н. Апостол-Гванцеладзе, Л. Самчуашвили и др., которые готовили пролетариат города нефти к массовым революционным выступлениям, поддерживая тесную связь с социал-демократическим комитетом Тифлиса.

Под руководством С. Шаумяна, М. Азизбекова, А. Джапаридзе, И. Фиолетова и др. «среди трудящихся распространилась марксистская литература, издававшаяся на русском, азербайджанском, армянском и грузинском языках»².

Этой массовой революционной работе в Баку предшествовала целая цепь исторических фактов, положивших начало «бакинской грузинской колонии», возникшей к концу XIX — началу XX века.

Кризис капитализма, охвативший Россию в ту пору, особенно сильно ударил по карману малые нации, оставив тысячи и тысячи людей без работы и без средств к существованию. Кроме того, по закону от 1 мая 1900 г. государственные крестьяне Закавказья получили право постоянного пользования землями лишь при усло-

¹ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», «Сабчота Сакартвело», Тбилиси, 1958, с. 669.

² История Азербайджана. «Маариф», Баку, 1977, с. 16.

вни уплаты обременительных податей в пользу казны, что повлекло за собой полное их обнищание.

К этому времени в Баку была развита нефтяная промышленность и туда потянулся поток рабочей силы из самых отдаленных окраин России, в том числе и из Грузии.

К 1897 г. в Баку уже проживало около 1140 грузин, но число приезжавших росло с каждым днем, и в 1904 г. их насчитывалось уже более трех тысяч человек³. Они компактно жили в одном районе, создав, таким образом, «бакинскую грузинскую колонию».

«Надо отметить, — писала газета «Закавказская речь», — что грузины в Баку 1911 г. вторгались во все стороны бакинской жизни. Их теперь вы встретите не только лакеями и поварами в разных ресторанах и гостиницах, но и в нефтяной промышленности, среди городских и промысловых коммерсантов, гласными думы, служащими в разных правительственных и общественных учреждениях и т. д.»⁴.

В 1898 году бакинская грузинская интеллигенция, открыв библиотеку, доставила большую радость любителям грузинской книги. «Слава богу, — пишет в газете «Иверия» Д. Меладзе, — исполнилась давнишняя наша мечта, и удостоились мы чести грузинской книги и библиотеки в Баку, организованной под руководством и при помощи Д. Мкервалишвили.

Будем надеяться, что избранный по этому случаю комитет, да и вообще все грузины, проживающие в Баку, крепко возьмутся за дело и проявят больше энтузиазма в таких начинаниях»⁵.

Кризис монополистического капитализма в России остро проявился в период промышленного кризиса 1900 — 1903 годов, который нанес сильный удар и по нефтяной промышленности Азербайджана, в результате чего сократилась добыча нефти, «...перешедшая в руки англичан только одна фирма «Бакинского общества русской нефти» еженедельно выбрасывала на улицу около 80 — 100 рабочих с 5—10-летним стажем работы»⁶.

Особенно страдали малочисленные бакинские грузины. Нужна была действенная взаимная помощь, чтобы выручить своих сородичей, потерявших работу и оставшихся без куска хлеба, но еще с 1891-года бакинская грузинская интеллигенция ежегодно устраивала с благотворительной целью вечера и получаемые средства распределялись между нуждавшимися, а оставшаяся сумма расходовалась на другие культурно-просветительские цели. На вечерах присутствовали не только грузины, но и азербайджанцы, армяне, русские и другие, где они с удовольствием знакомились с грузинскими народными песнями, музыкой и танцами.

Основной доход поступал именно от них.

«Руководителями нынешнего грузинского вечера избраны следующие уважаемые лица: А. Г. Геловани, И. И. Дадияни, И. А.

³ Кавказский календарь на 1906 г., отд.-стат., с. 322.

⁴ Скагагорели, Бакинская грузинская колония, «Закавказская речь», 1911, № 8, с. 2.

⁵ «Иверия», 1898. № 106.

⁶ «Иверия», 1903, № 1.

Вачнадзе, Д. Б. Гогоберидзе, И. С. Элиашвили и др., которые, сомненно, придадут вечеру совершенно иной характер, — Дмитрий Меладзе. — К этой радостной вести надо добавить еще и то, что в Баку ходит слух о том, что якобы собираются приглашать на грузинский вечер нашего уважаемого поэта Акакия. Если приятный слух сбудется, радости бакинцев не будет предела и доход будет втрое больше»⁷.

Вообще до Великой Октябрьской социалистической революции грузинские вечера были самым многолюдным, доходным и любимым местом бакинских грузин, где встречались не только проживавшие в центре города — в грузинской колонии, но и на окраинах города грузины, состоящие из гурийцев, имеретинцев, менгрельцев, сванов, кахетинцев, карталинцев и грузинских евреев, участвовавших во всех мероприятиях грузин.

«Грузинские вечера в Баку стали традицией, 23 года как здесь проводятся вечера, так что через два года, наверное, грузины справят свой юбилейный вечер, — писала «Сахалхо газети» в 1914 г. — Здешние грузины любят эти вечера. Каждая семья считает своим долгом посетить его и внести свою лепту в это дело. Раньше, когда грузин здесь было мало, основной доход давало негрузинское население, а сегодня большую часть дохода дают грузины.

Как раньше, так и сейчас средства, поступающие от вечеров, расходуются на культурные учреждения. За такой успех вечеров мы должны поблагодарить мадам Тамар Дидиа, стоящую во главе этого дела»⁸.

Но помощь эта была незначительной. Получаемых ежегодно пяти-шести тысяч рублей не хватало даже 5 процентам нуждающихся грузин. Как писала газета «Каспий», из-за неуплаты за учебу из бакинской гимназии были исключены учащиеся грузины.

Передовая интеллигенция искала выход из положения, и 3 марта 1903 года грузины, проживающие в Баку, созвали специальный съезд, на котором было решено создать «Общество взаимопомощи проживающим в Баку и на промыслах грузинам»⁹.

Предметом обсуждения на съезде было то, что на нефтяных промыслах, за исключением немногих, в основном пользовались привилегиями те, в чьих руках была нефтяная промышленность. А грузины чувствовали себя посторонними и чужими. Тон этому узкому национализму задают хозяева промышленности, представители передовой нации — англичане¹⁰.

Устав Общества гласил:

«Основными задачами Общества признаются: организация материальной и духовной взаимопомощи и организация материальной же и моральной помощи неимущим грузинам, а равно просветительским и другим общественным учреждениям.

⁷ Д. Меладзе. Грузинский вечер. «Цнобис пурцели», 1899 г., № 717, с. 2.

⁸ «Сахалхо газети», 1914, № 1103, с. 3.

⁹ «Иверия», 1903, № 61, 16 апреля.

¹⁰ «Иверия», 1903, № 1.

С целью улучшения экономических условий жизни своих членов Общество поддерживает материально тех из них, которые потеряли место или заработок, и вообще входит во все подробности экономического быта своих членов.

Те же виды помощи Общество организует и для других грузинских прогрессивных учреждений.

Для достижения намеченной цели Общество открывает клуб на свои средства или совместно с другими такими же обществами, или учреждениями, устраивает чтения рефератов, собеседования, лекции, спектакли, организует издательство, кассу, юридическую и медицинскую помощь, открывает школу, библиотеку-читальню, рекомендует на место, подыскивает таковые же для оставшихся без работы...»¹¹.

Бакинские грузины помогали не только своим бакинским сородичам, но некоторые имущие из них даже высылали деньги благотворительным обществам в Тбилиси.

5 апреля 1904 г. бакинский нефтепромышленник С. Зубалашвили в связи с 25-летием Общества по распространению грамотности среди грузин пожертвовал ему десять тысяч рублей и стал почетным членом этого Общества¹².

Степане Зубалашвили не был революционером, но в его доме часто скрывались революционеры Баку от преследования.

«...Под его укрытием прятался Миха Цхакая», — писал Т. Табидзе в своем стихотворении «Восемнадцатый год».

В связи со смертью С. Зубалашвили газета «Могзаури» в 1904 г. писала: «С. Зубалашвили содействовал общенародному делу, ибо был убежден, что это одно и то же, что помочь обществу и делу улучшения благосостояния народа»¹³.

Крупную роль в политическом просвещении и сплочении рабочих играли народные дома, рабочие библиотеки, вечерние курсы, клуб «Знание — сила», просветительское общество «Ниджат» («Спасение»), газета «Гудок» — орган Союза нефтепромышленников рабочих. Всей этой работой руководили М. Азизбеков, П. Джапаридзе, С. Спандарян, И. Сталин, С. Шаумян и другие большевики¹⁴.

В 1903 году в Баку приехал Давид Швелидзе — уже довольно популярный артист Тбилисского народного дома, который при помощи и активном участии Д. Тедешвили организовал достаточно сильную труппу любителей сцены, очень скоро приступившую к деятельности. Л. Курулашвили в своей книге «Грузинский театр в Баку» пишет: «Бакинская партийная организация с большим вниманием относилась к работе драматического кружка. В 1904 г. здесь по предложению А. Джапаридзе была поставлена на сцене «Брат — сестра» В. Гуния, которая прошла с большим успехом и собрала не только много зрителей, но дала большую сумму. Выручка (за исключением расходов) целиком А. Джапаридзе была передана партийной организации.

¹¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 6, д. № 424, л. 10.

¹² ЦГИА Груз. ССР, ф. 481, оп. 1, д. 933, л. 6—8.

¹³ История Азербайджана, изд. «Маариф», Баку, 1977, с. 37.

¹⁴ «Могзаури», 1904, № 1, с. 1.

А. Джапаридзе не только руководил работой кружка, но и сам выступал в разных ролях и довольно успешно»¹⁵.

К 1909 году число проживающих в Баку грузин достигло уже почти пяти тысяч человек¹⁶.

Было решено создать бакинский филиал Общества по распространению грамотности среди грузин.

1 февраля 1909 г. приступило к своей деятельности правление бакинского отделения Общества по распространению грамотности среди грузин, председателем которого был избран М. Тактакишвили, заместителем С. Квиташвили, секретарем П. Геловани, казначеем В. Хучуа¹⁷.

В программе своей деятельности Общество имело открытие школы на родном языке, народной читальни, воскресных и вечерних курсов для взрослых, проведение лекций на грузинском языке по истории и литературе Грузии для учащихся-грузин, получающих образование в разных учебных заведениях в Баку.

Для ведения дел были организованы комиссии: школьная, театральная, хозяйственная, строительная и по организации хора.

Наконец, 4 октября 1909 года открылась и грузинская начальная школа, заведующим которой был назначен М. Рамишвили.

Большевики Баку проводили большую политико-воспитательную работу по сближению всех пролетариев, всех народностей и их интеллигенции для общей борьбы с самодержавием.

В эти годы учащались проявления взаимопомощи трудящихся разных национальностей — азербайджанцев, русских, армян, грузин и других — в борьбе против царской власти, нефтепромышленников, которые препятствовали делу сближения народов и прибегали к самым крайним средствам. В сентябре 1907 г. именно они организовали убийство выдающегося революционера Ханлара Сафаралиева — друга и соратника И. Сталина, скрывавшегося от частых преследований у него дома. В похоронах участвовали около 15 тысяч человек — русских, азербайджанцев, грузин, армян и др.

Большое значение для интернационального воспитания масс Закавказья играла деятельность соратников Ленина — Б. М. Кнунянца, Ф. Е. Махарадзе, В. З. Кецховели, М. Азизбекова, М. Г. Цхакая, И. В. Сталина, А. Г. Цулукидзе, С. Г. Шаумяна и др.

Здесь самыми малочисленными были латыши, но это ничуть не мешало делу солидарности с ними и взаимного уважения к ним. Юбилей передовых представителей всех наций становился всеобщим праздником для всех — независимо от их вероисповедания и национальной принадлежности.

Так, в 1907 году в Грузии было отмечено 70-летие И. Чавчавадзе, на что откликнулись не только бакинские грузины, но и азербайджанцы и армяне, украинцы и белорусы, евреи и латыши.

Особенно торжественно был проведен юбилей великого грузинского народного поэта А. Церетели в Баку. По этому случаю в Баку был приглашен сам поэт, встреча с которым на вокзале вылилась в яркую демонстрацию дружбы народов вообще, и с грузин-

¹⁵ Л. Курулашвили, Грузинский театр в Баку, Тбилиси, 1974, с. 36.

¹⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 481, оп. 1, д. 1073, л. 23.

¹⁷ Там же, л. 15.

ским в особенности. Поэта встречали представители всех национальностей, проживавших в Баку.

Приветствующих было настолько много, что пришлось отложить юбилейный вечер с 21 на 27 декабря. Представители поляков и украинцев, литовцев и армян, азербайджанцев и евреев выразили самые теплые слова признательности А. Церетели. На вечере от имени азербайджанского просветительского общества «Ниджат» («Спасение») выступил М. Азизбеков¹⁸, назвавший великого поэта и своим — азербайджанским.

Прослезившийся от радости старый поэт поблагодарил за радужный и теплый прием на чистом азербайджанском языке.

На вечере были прочитаны стихи Акакия и были показаны сцены из его пьес, заслужившие аплодисменты, цветы, подарки, песни...

8 мая 1911 г. бакинские грузины праздновали 40-летие творческой деятельности Э. Габашвили, а в 1913 году сперва был устроен вечер в честь Д. Квдиашвили, на котором присутствовали много азербайджанцев, русских, армян, а 13 марта уже чествовали представителя сцены Вл. Алекси-Месхишвили.

В марте 1911 г. бакинские украинцы широко отметили 50-летие со дня смерти великого kobzara Т. Г. Шевченко. Выступили азербайджанцы, поляки, евреи, латыши, армяне, представители всех местных газет, одним словом, пришли на вечер все, кто хотел выразить уважение «батько» Тарасу и его народу.

Вот что пишет по этому поводу Михаил Насидзе: «Судьбы Украины и Грузии очень похожи, — сказал наш представитель Общества грамотности на вечере, — Шевченко призывает нас к светлому будущему. Вместе с тем учит, что окончательная победа в этом мире принадлежит равенству, справедливости и солидарности между народами. Большой патриот своего народа, борец за его светлое будущее, Шевченко никогда плохого не говорит о других нациях, а наоборот, советует учиться и перенять все хорошее друг у друга, но никогда не забывать и своего»¹⁹.

Так же с любовью и уважением были проведены здесь юбилей Г. Сундукяна и М. Ф. Ахундова, произведения которых обогатили репертуары бакинской драматической сцены Общества грамотности.

Бакинские грузины тяжело пережили утрату замечательного педагога Я. Гогобашвили, превратившего Общество грамотности в очаг, где собиралась передовая интеллигенция, борющаяся за интересы народа.

К 1910 году грузины в Баку уже имели и свой орган печати, вокруг которого объединялась часть интеллигенции, мелкобуржуазных элементов и сознательных рабочих. С января 1910 г. стала выходить еженедельная политико-литературная и научно-историческая газета «Маривали», редактором которой являлся А. Надирадзе²⁰.

¹⁸ «Бакинское эхо», 1908, 25 декабря. Юбилейные торжества в честь Церетели.

¹⁹ «Сахалхо газети», 1911, № 253.

²⁰ «Марцвали», 1910, № 1.

Газета на своих страницах печатала статьи на злободневные темы, притом основное внимание уделялось жизни бакинских рабочих. Почти в каждом номере под рубрикой «Грузины в Баку» печатались статьи, касающиеся самых животрепещущих вопросов повседневной жизни. (Почему-то вышло всего 10 номеров).

24 марта 1913 года в Баку начал свою деятельность «Бакинский художественно-литературный кружок».

Общество, именуемое литературно-художественным кружком, начало бурную деятельность не только в центре Баку, но и в рабочих районах: в клубах железнодорожников и нефтяников. Ровно через месяц со дня основания были приглашены из Тбилиси лекторы, которые читали лекции на разные злободневные темы, интересовавшие трудовой рабочий класс. Вечера вопросов и ответов, собрания, диспуты, беседы проходили при переполненных залах. «Активными руководителями всех этих мероприятий были Ф. Махарадзе, П. Таварткиладзе, А. Закариадзе, М. Каландадзе, Д. Агниашвили, С. Косашвили и др.»²¹.

Для разоблачения буржуазных националистов, разъяснения единства классовых интересов азербайджанского, русского, армянского, грузинского народов большевики пользовались печатными органами.

Борьба с националистами еще более осложнилась в годы реакции и нового революционного подъема, когда кавказские меньшевики, муссаватисты и дашнаки отказались от марксистской национальной политики, перешли на позиции буржуазного национализма.

Именно в этот период, т. е. с января 1913 г., в Баку начал издаваться журнал «Цкаро», который сперва не имел ясной и последовательной политической программы, а с марта того же года журнал изменил не только свое название («Чвени Цкаро»), но и имел целенаправленное идейно-политическое содержание.

Большое значение в разработке и защите марксистско-ленинской теории и программы национального вопроса в Закавказье имели статьи Ф. Махарадзе, напечатанные в этом журнале. В своих статьях «Наше основное положение», «Несколько слов по поводу культурно-национальной автономии» он резко критиковал австрийского оппортуниста О. Бауэра, показал несовместимость его идеологических и националистических взглядов с марксизмом.

«Осознание и усвоение марксистского мировоззрения — вот в чем, прежде всего, нуждается демократическая часть нашего народа», — писал он.

В ту пору и была заложена прочная основа глубокого интернационализма, нерушимой дружбы между народами Закавказья, достигших наивысшего расцвета в свободном Союзе братских советских республик.

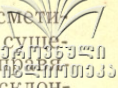
²¹ Л. Курулашвили. Грузинский театр в Баку, «Хеловнеба», 1974, с. 96.

«Я НАПОЛНЯЮ
 СВОЙ СТИХ
 МИРОМ...»

НИКОЛАС ГИЛЬЕН В РЕ-
 ШАЮЩИЙ ПЕРИОД
 ● БОРЬБЫ КУБИНСКОГО
 НАРОДА ЗА ДЕМОКРА-
 ТИЮ И НЕЗАВИСИМОСТЬ

В КОНЦЕ 1940-х и начале 1950-х годов социально-экономическая обстановка на Кубе заметно обострилась. Это было вызвано, в первую очередь, непрекращающимся спадом в экономике страны. Вторая мировая война привела к появлению новых форм иностранного, прежде всего североамериканского экономического проникновения на Кубу. Монокультурное развитие кубинской экономики, основанной на производстве и импорте сахара, закрепляло экономическую зависимость острова от империализма США. К концу 1940-х годов находившаяся в вассальной зависимости от североамериканского капитала Куба вынуждена была следовать диктовке конъюнктуры рынка США и вместе с сокращением экспорта сахара снизить и внутреннее производство, что на фоне роста населения привело к постепенному падению дохода на душу населения, то есть снижению жизненного уровня кубинского народа. Спекулянты, торговцы и промышленники использовали сложившуюся обстановку для личной наживы. Резко возросла стоимость жизни, что пагубно отражалось на положении трудящихся масс. В стране царила нищета. Правительство Карлоса Прио Сокаррака, пришедшего к власти осенью 1948 года, не только не принимало действенных мер для решения острых социально-экономических проблем, но, наоборот, еще больше углубляло кризис своей репрессивной политикой. В социальном плане политика правительства широко использовала методы насилия. Подвергались преследованиям представители оппозиции и прогрессивных организаций. Усиливалась цензура над средствами массовой информации. Было совершено нападение на закрытую затем редакцию газеты «Ой», в которой в 1940-х годах периодически публиковались статьи Н. Гильена.

13 января 1948 года правительство заявило, что оно будет проводить политику так называемого «нового курса», которая якобы должна была оживить пришедшую в упадок экономику и уменьшить ужасающую коррупцию в административном аппарате. Вся широко разрекламированная по-

литика «нового курса» свелась, в конце концов, к косметическим сменам в правительстве и не повлекла за собой существенных изменений в методах действий и политикещей верхушки. Непопулярность правительства и его склонность к демагогии вызывали недовольство господствующих классов, которые стремились создать правительство «твердой руки». В этой обстановке важным резервом кубинских и североамериканских реакционных кругов являлся генерал Фульхенсио Батиста, который совместно с группой офицеров незадолго до президентских выборов организовал заговор и 10 марта 1952 года совершил военный переворот. Народ не симпатизировал приходу к власти ярого реакционера, однако в тот момент условия не способствовали действительному сопротивлению новой диктатуре. Батиста, вокруг которого объединились реакционные политики всех мастей, с приходом к власти предпринял мощное наступление на права и завоевания рабочего класса. Под демагогическим лозунгом борьбы с обстановкой насилия, созданной предыдущим правительством, началось преследование демократических сил, конституция 1940 года была отменена. Американская дипломатия, под покровительством которой был совершен переворот, усмотрела в создавшейся ситуации удобный повод еще в большей степени подчинить Кубу своим агрессивным планам.

В эти трудные для Кубы годы Гильен ведет активную общественную и политическую деятельность. Свое отношение к вопросу роли и места поэта в политической жизни страны он сформулировал в интервью, данном им гаванской радиоконпании вскоре после возвращения на Кубу из стран Латинской Америки в марте 1948 года: «Поэт такой же человек, как и другие люди, только он еще пишет стихи. Убеждение, что он — некое высшее существо, реакционно и имеет своей единственной целью превратить поэта в орудие сильных мира сего... На мой взгляд, поэт должен интересоваться борьбой своей эпохи и принимать в ней активное участие на стороне народа...»¹.

Гильен — поэт, революционер, коммунист. Так он понимает свой высокий долг гражданина, борца и поэта, и эти понятия для него неотделимы. Именно поэтому в списке кандидатов в сенат, выдвинутых в 1948 году Народно-социалистической партией² от провинции Гавана, под № 6 фигурирует и фамилия Николаса Гильена. Интересно отметить, что партия выдвигала его кандидатуру на тот самый пост, который занимал отец поэта в результате выборов, последовавших за восстанием либералов против политики правительства президента Эстрады Пальмы в 1908 году. Хотя кандидатуре Гильена на выборах и не сопутствовал успех, сам факт ее выдвижения свидетельствует о том большом доверии, которым пользовался поэт среди прогрессивных сил страны.

¹ З. Плавский. Николас Гильен, М., 1965, с. 102.

² Так именовалась Коммунистическая партия Кубы с 1944 по 1961 годы — З. А.

Большое политическое звучание имели статьи Гильена публикуемые им в те годы в кубинских газетах и журналах «Ой», «Эль Паис», «Ла Ультима Ора», «Ла Либрета», «Бангвардиа Кубана», «Боэмия», а также в венесуэльской газете «Эль Насионал», в которой поэт сотрудничал с 1949 года. Яркие, острые, живо откликающиеся на злобу дня статьи его пользовались большой популярностью на Кубе. В них явно прослеживается несколько тематических линий, объединяющих основные проблемные узлы. Прежде всего бросается в глаза острая антиимпериалистическая направленность публицистики Гильена, которая представляет собой разносторонний анализ исторического процесса борьбы кубинского народа против иноземных поработителей. Рассмотрим несколько статей.

18 мая 1895 года, за два дня до своей гибели, национальный герой Кубы Хосе Марти писал: «Мой долг — добиться независимости Кубы, дабы своевременно воспрепятствовать Соединенным Штатам распространиться на Антиллы и оттуда с новыми силами обрушиться на земли нашей Америки».

Однако спустя 50 с лишним лет после смерти Марти события, происшедшие на его родине, заставляют Гильена написать следующие, полные негодования строки: «Морские пехотинцы США, т. е. те же силы, которые американское правительство использует для оккупации своих колониальных владений, осквернили в Центральном парке воздвигнутый кубинцами скромный памятник Марти». Империалисты США не только вырвали из рук кубинского народа победу над испанскими колонизаторами, но и сами превратились в новых конкистадоров, одержимых идеей навязывать этому народу даже свои «нелепые нормы человеческих взаимоотношений».

Американизации подверглись все национальные духовные и материальные ценности, а на их смену пришли «искусственный английский язык и философская система гангстеризма». «Несмотря на наличие таких внешних признаков государственности, как наличие гимна, герба, знамени и классического разделения верховной власти, — пишет Гильен, — независимость Кубы не представляет собой реально существующий феномен. Это объясняется тем, что испанский колониализм, канув в прошлое, уступил место североамериканскому империализму». Однако североамериканский империализм, не довольствуясь достигнутым, разрабатывал планы дальнейшего подчинения себе острова. Этим планам, в частности, служила конференция послов США в странах Центральной Америки, которая проходила в Гаване в начале 1950 года под лозунгом «дальнейшего развития равноправных взаимоотношений» между США и странами этого региона. Разоблачая империалистическую сущность этой конференции, Гильен писал: «...кажущиеся демократичными равноправные взаимоотношения между Соединенными Штатами и Кубой, т. е. между двумя странами, находящимися в столь неравных условиях, по сути дела являются основой чудовищного неравенства».

Куба переживала трудные времена. Однако партийно-классовое восприятие исторического процесса борьбы народов за демократию и независимость, глубокое понимание происходящих в мире событий позволяют Гильену видеть счастли-
вое будущее своей страны: «Борьба продолжается, борьба должна продолжаться и будет продолжаться до тех пор, (...) пока не будет достигнута полная свобода Кубы...»

С проблемой борьбы народов за свободу и независимость во многом перекликаются вопросы расовой дискриминации, которые также находят широкое освещение в статьях Гильена.

Образцом гражданственности и мужества можно назвать статьи Гильена, в которых находят отражение беспокойные будни Кубы конца 1940-х и начала 1950-х годов. Бескомпромиссное, порой дерзкое перо поэта-коммуниста смело обличает происки реакции, отважно борется с угнетателями народа. И это в то время, когда диктатура Батисты прибегала к особенно жестоким репрессиям против демократических сил страны и преследовала всякое «инакомыслие». Так, спустя несколько месяцев после прихода к власти Батисты «неизвестными лицами» был разгромлен кубино-советский Дом культуры¹. Единственная газета, которая отважилась опубликовать комментарии на эту тему, была «Ой» — орган Народно-социалистической партии, а автором статьи — Гильен. Называя указанное происшествие «неприкрытым проявлением зверства», он со всей очевидностью доказывает, что совершенное преступление является составной частью планов диктатуры, ведущей наступление на прогрессивные силы страны. Статья представляет собой обвинение, брошенное в лицо тем представителям власти, которые «не могут выявить, кто преследует журналистов, кто нападает и громит политические организации или же разрушает культурные центры». С документальной достоверностью передана царившая на Кубе атмосфера террора и произвола.

17 октября 1952 года в еженедельнике «Ла Ультима Ора» была напечатана статья Гильена, в которой он рассказывает о допросе, учиненном ему службой военной разведки Кубы (СИМ).

Глубоким революционным оптимизмом пронизаны слова, сказанные Гильеном агенту СИМ после этого унижительного допроса: «Вы видели, что со мной сделали? Так вот нечто подобное сделали испанцы и с Марти. Они это делали со всеми кубинцами, враждебно настроенными к их режиму... Когда-нибудь ваши внуки тоже увидят изготовленную сегодня карточку в другом музее, в музее революции».

Выйдя на свободу, Гильен сделал заявление для печати: «Я хочу выразить самый решительный протест против этого ареста... Ни этот арест, ни аресты, которые могут за ним последовать, не побудят меня сойти с пути, который я избрал, с пути борьбы в меру моих сил за освобождение Кубы, укрепление мира, уничтожение империализма янки, против кото-

¹ 3 апреля того же года Батиста спровоцировал разрыв дипломатических отношений с СССР. — З. А.

рого я сражаюсь с тем же пылом, с тем же мужеством, с той же чистотой побуждений, тем же оружием поэзии и революционного искусства, каким боролся против испанского империализма Марти. Как в те дни история работала на Кубу, так и в наши дни история работает на Кубу и на нас. Человека можно задержать, но жизнь, господа полицейские, остановить невозможно!»¹

Пророчески звучат сегодня и другие слова Гильена, предсказывавшие победу революции на Кубе за семь лет до падения диктатуры Батисты: «Борьба предстоит сложная, но победа неизбежна, она будет за нами».

1950 годом датируется статья Гильена «Хесус Менендес», в которой автор выражает свое негодование по поводу того, что убийца выдающегося кубинского рабочего лидера Х. Менендеса все еще находится на свободе и пользуется явным покровительством властей. Тема неизбежной наказуемости убийцы и победы дела борца-революционера получает дальнейшее развитие в известной поэме Гильена «Эллегия Хесусу Менендесу», опубликованной год спустя.

По сей день не утратили своей ценности рассказы поэта, где изложены его впечатления от первой встречи с Советским Союзом в 1949 году. «Все те, кто живет под смирительной рубашкой империализма, приезжая в Москву из Нью-Йорка, испытывают незабываемое чувство. Этот приезд означает знакомство с высшим типом общественного строя — того строя, который теперь охватывает гигантскую часть человечества и который в конечном итоге будет господствовать на всем земном шаре».

Статьи Гильена об СССР и достижениях первого в мире социалистического государства написаны простым языком, без лишнего пафоса и риторики. Носителем идей социализма в них является сама суть рассказа, предоставляющая читателю возможность самому убедиться в правоте позиции автора.

Мало изучен такой жанр творчества Гильена, как политическая сатира. Между тем, в конце 1940-х и в начале 1950-х годов злободневные сатирические стихи поэта играли значительную роль в формировании общественного мнения на Кубе. Первоначально они печатались в газете «Ой», а затем, после закрытия ее властями, начали появляться в еженедельнике «Ла Ультима Ора». Это были, как правило, анонимные зарисовки, сопровождаемые соответствующими остроумными карикатурами. Несмотря на некоторую временную обусловленность и схематичность этих произведений, сатирические стихи Гильена представляют собой своеобразную хронiku общественной жизни Кубы и одновременно дополняют творческий портрет поэта такими немаловажными штрихами, как остроумие и юмор. Политическая сатира Гильена — это борющаяся поэзия, которая смело приставляет к позорному столбу продажных политиканов, алчных предпринимателей и твердолобых вояк, мужественно разоблачает пороки буржуазного общества.

¹ З. Плавский. Николас Гильен, с. 116.

К жанру политической сатиры относятся и «Песни Хуана Босоногого» (1952 — 1953 гг.). Язвительные и дерзкие, высмеивают тупость батистовской диктатуры, выставляют напоказ ее истинное лицо и злодеяния.

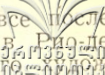
В январе 1952 года во время путешествия по транссибирской магистрали из Москвы в КНР Гильен пишет поэму «Солдат Мигэль Пас и сержант Хосе Инэс». Борьба против агрессивных войн и укрепление мира — такова основная идея поэмы. Произведение создавалось в разгар корейской войны, когда по требованию правительства США в Корею должны были быть направлены и контингенты войск стран Латинской Америки.

В конце 1940-х и в начале 1950-х годов Гильен работает над циклом поэм под названием «Элегии», который впоследствии становится наиболее значительным достижением творчества поэта указанного периода. Цикл этот, впервые появившийся в составе сборника «Голубь народа», выпущенного в 1958 году аргентинским издательством «Лосада», состоит из шести поэм: «Элегия Жаку Румэну», «Элегия Хесусу Менендесу», «Родовое имя», «Кубинская элегия». «Элегия Эмету Тиллу» и «Камагуэйская элегия». Первая из них писалась в Бразилии в 1947 — 1948 годах и посвящена памяти выдающегося гаитянского писателя-марксиста, ученого и общественного деятеля Жака Румэна, с которым автора связывали многие годы дружбы.

В «Элегии Жаку Румэну» поэт впервые обратился к теме бессмертия дела героя-революционера. С физической смертью революционера его жизнь не прекращается — такова идея поэмы. В лице своих единомышленников — борцов за свободу Румэн продолжает бороться, и поэт выражает уверенность в том, что рано или поздно над Гаити взойдет солнце свободы.

Тема бессмертия революционера получила дальнейшее развитие в «Элегии Хесусу Менендесу». Главный герой этой поэмы — реальное лицо, сыгравшее важную роль в истории профсоюзного и рабочего движения на Кубе. Яркая фигура Хесуса Менендеса появилась на политической арене страны еще в начале 1930-х годов, когда рабочий класс Кубы вел тяжелую борьбу против так называемой «первой диктатуры» Батисты, стремившейся разгромить профсоюзное движение страны, организованное коммунистической партией — ценой больших потерь и лишений. 22 января 1948 года в г. Мансанильо капитан полиции Хоакин Касильяс¹ выстрелом в спину оборвал жизнь этого выдающегося человека. Гильен был знаком с Менендесом с 1944 года, когда трудовой народ Кубы избрал последнего в парламент. Именно тогда по поручению партии Гильен проводил в провинции Лас Вильяс кампанию по выборам Менендеса — кандидатуры Народно-социалистической партии. Дружба поэта с рабочим лидером, закаленная

¹ Позднее в интервью, данном Н. Гильеном журналистке Н. Морехон, поэт говорил, что прочитав «Элегию Хесусу Менендесу», Касильяс грозился расправиться и с автором поэмы.

в острой политической борьбе, не прекращалась и все последующие годы. О смерти Менендеса Гильен узнал в Рио-де-Жанейро, где он находился в гостях у бразильского поэта Кандидо Портинари. «Меня охватила тоска, — вспоминает Гильен, — я был так далеко и даже не смог узнать об обстоятельствах этой драмы. На следующий день я приступил к сочинению элегии на смерть выдающегося вожака рабочих масс. Мне хотелось написать нечто сильное, достойное человека, который неустанно боролся против самой черной реакции в стране, находившейся во власти американского империализма».

Гильен не смог присутствовать на похоронах Х. Менендеса в г. Мансанильо, вылившихся в мощную демонстрацию демократических сил страны против тирании. Возвратившись на родину, он еще глубже осознал весь трагизм потери и решил продолжить работу над поэмой. Это была кропотливая поистине новаторская работа, которая продолжалась почти три года. Гильен стремился найти новые поэтические формы и художественные образы. Он несколько раз менял композицию произведения, вносил в его текст поправки и изменения. «Ни одно другое произведение не вызывало у меня таких мук творчества», — вспоминает Гильен. Поэма, выпущенная в свет гаванским издательством «Пахинас» в июне 1951 года, вызвала широчайший резонанс среди общественности страны. «В этой поэме, — писал известный кубинский поэт и публицист Мигель Наварро Луна, — поэтический талант Николаса Гильена достиг наивысшего совершенства». Видная поэтесса и литературный критик Мирта Агирре назвала поэму «самым значительным достижением кубинской поэзии за последние сто лет».

«Элегия Хесусу Менендесу» — это политическое произведение, которое находит свое лирическое выражение благодаря классовой позиции поэта. Однако о классовой сущности самой поэмы говорит не только тема произведения, так как, согласно советской критике, классовость искусства определяется не только отражением классовых взглядов художника, но и отражением жизни, отбором и интерпретацией жизненного материала, системой идей, которую выражает художник, и системой пластических образов, также содержащих классово определенную трактовку действительности. Все эти компоненты, вместе взятые, выражают и моделируют классово определенную сущность «Элегии». Поэма вместе с тем является наиболее ярким примером народности творчества Гильена. Рисуя поэтический образ Менендеса, поэт создал «...такое лицо, которое служит представителем великой народной идеи». В поэме само понимание явлений жизни продиктовано и соответствует интересам и понятиям кубинского народа. В силу этого народность произведения включает в себя и национальную самобытность в трактовке изображаемой действительности. Наконец, поэма обращена к народу, он ее потребитель и хранитель.

Образ Менендеса — это новый тип лидера трудящихся масс. Героем поэмы является не идеализированный полубог,

лишенный человеческих качеств супермен, а обыкновенный человек. Гильеновский Менендес — простой чернокожий бинец, который разговаривает со своими соотечественниками «без трибун» и обедает с ними «за столом, где нет вина». Описание «лишних» деталей бытового облика Менендеса преследует двоякую цель: создать пластический образ героя и приблизить его к читателю настолько, чтобы смерть Менендеса вызвала у него чувство потери близкого ему человека. С другой стороны, герой поэмы — личность далеко не заурядная, в нем кроется нечто необычное, неповторимое, и это проявляется прежде всего в отношении к нему простых людей — его соотечественников:

«Хесус!» — везде ему кричали люди,
 «Хесус!» — и с радостью его встречали,
 как будто очень долго ожидали
 желанное пришествие его.

Размышления о прошлом, раздумья о предках и поиски собственных корней, уходящих в глубь веков, всегда занимали заметное место в творчестве Гильена. Однако если обращение к теме предков в ранних произведениях поэта было продиктовано в основном решимостью добиться средствами поэтического выражения духовной независимости и некоего синтеза поэтического слова, в элегии «Родовое имя» (1951—1953 гг.) эта проблема получает глубокое социально-философское и общественное осмысление. По образному выражению писателя Хуана Переса де ла Рива, Куба — это «остров с двумя историями», то есть с историей представителей черной и белой рас. Напомню, что за триста лет с лишним, прошедших с тех пор, как в 1513 году на Кубу была доставлена первая партия африканских невольников, и до отмены работорговли, испанцы ввезли на остров в общей сложности не менее миллиона африканцев. Сам поэт — мулат, продукт слияния «двух историй». Но куда исчезли имена африканских предков? — задается вопросом Гильен. Почему в его имени не осталось ничего, кроме семи латинских букв? Неужели своим существованием он обязан одной лишь «испанской статуе»¹ из мрамора? И как бы найдя в себе ответы на эти вопросы, поэт обращается к читателю:

Вы знаете его — все другое имя?
 Оно ко мне пришло с большого континента,
 плененное, забрызганное кровью,
 оно пересекло в оковах океан,
 в оковах океан пересекло.

Здесь Гильен продолжает своеобразный монолог о предках, начатый им почти 20 лет назад в «Балладе о двух предках» из сборника «Вест-Индия лимитид». Сравнивая эти два

¹ Н. Гильен. Стихи, М., 1957, с. 16.

произведения. Синтио Витиер приходит к мнению, что если в «Балладе о двух предках» Гильен не отдавал предпочтения ни одному из предков и оба эти начала для поэта были равноценны по своей значимости («Они равны по росту оба», — писал поэт в «Балладе...»), то в «Родовом имени» поэт «...нарушает превосходное равновесие «Баллады...» и выступает решительно на стороне черного предка в широком смысле этого слова:

Смотрите, вот мой герб:
копье и носорог и баобаб.

Герб с баобабом, носорогом и копьем — это символ-образ имени африканского предка поэта. Как его звали? — спрашивает Гильен, — как звали «раньше» Гильена?:

Быть может, Николас Баконго?
Гильен Бангила?
А может быть, Коумба?
Гильен Коумба?
А может быть, — Конге?
Гильен Конге?
Кто знает?
Найдите каплю в море!

Имена черного предка Гильена, подобно звукам африканских барабанов, сопровождают свободный стих поэмы. Придавая неповторимый ритм стиху, они выполняют и особую смысловую задачу: в них заложена большая историческая правда о роли выходцев из африканского континента в образовании кубинской нации и самобытной национальной кубинской культуры. «Эта музыкальная игра звонких африканских имен... говорит не о показной приверженности поэта к упрощенному или регрессивному африканизму, а о признании им всех компонентов (и не только родословных) как своей личной, так и всей кубинской национальной генеалогии, которая наряду с испанским компонентом включает, естественно, и африканские элементы, порой забытые или же игнорируемые», — писал Альфред Мелон. Сознание неотделимости своего имени от имен своих предков перерастает в идею общности поэта со всем человечеством, со всеми народами мира:

Ведь это имя бесконечно,
из бесконечности имен оно сложилось,
оно мое и не мое,
Свободное, оно мое,
а если не мое, то ваше,
свободное и общее, как воздух.

В этом плане поэма «Родовое имя» выходит за рамки чисто кубинской или даже антильской действительности. Это глубоко интернациональное произведение. Советская критика исходит из того, что в самом эстетическом фундаменте художественного творчества заложена диалектика национального

и общечеловеческого. Особенно ярко это проявляется в поэзии Гильена. Чем самобытнее национальное видение, тем больше драгоценной, неповторимой общезначимой истины в его творчестве. Именно поэтому, чтобы глубже проникнуть в душу читателей других континентов, Гильен не покидает свой остров, а наоборот, больше углубляется в его действительность и свое «родовое имя». «Верность самым большим ценностям своего народа — народному творчеству и современной культуре создала поэзию, которая, являясь нашей собственностью, принадлежит всему миру. Заслуга поэзии Гильена заключается в ее национальном характере, имеющем общечеловеческое значение», — пишет известный кубинский писатель Хуан Маринельо.

Именно такое значение имеет тема Кубы и в других произведениях рассматриваемого цикла — в «Кубинской элегии» (1952) и «Камагуэйской элегии» (1958). Композиционно они строятся вокруг одного лирического героя — родины поэта. Но чувства и мысли автора по отношению к этому герою распространяются на весь мир, то есть становятся общечеловеческими. Осознание многогранной и неисчерпаемой поэзии жизни, любовь к людям, природе, созданным людьми вещам, чувство единства с миром, гордое и радостное восхищение творческими способностями человека — все это будит и формирует воспоминания Гильена о родном городе Камагуэе. И поскольку авторское поэтическое сознание в той или иной мере свойственно всем людям, знакомясь с «Камагуэйской элегией», читатель ловит себя на том, что он уже переживал эти же чувства, так же видел и понимал людей, вещи или явления природы, как сам поэт. Л. Н. Толстой пишет: «Произведение искусства только тогда истинное произведение искусства, когда... воспринимающий испытывает чувство, подобное воспоминанию, — что это, мол, уже было, и много раз, что он знал это давно, только не умел сказать, а вот ему и высказали его самого».

Однако поэт передает не только свое мироощущение, он способен и утверждать жизнь, бороться за нее. Чувство единства с миром рождает у Гильена сознание причастности к делам планеты, чувство ответственности перед судьбой своего народа и всего человечества. «С бедняками всей земли я хочу связать свою судьбу». — писал в конце семидесятых годов XIX века Хосе Марти. Вера в победу дела борцов за свободу или Хуана-народа, как называет своего героя поэт, заставляет Гильена спустя десятилетия отозваться на эти слова Марти в своей «Кубинской элегии» следующим образом:

Ему борьба дороже жизни!
И вот в предвиденье побед
Идет он по полям отчизны,
железный оставляя след,
идет направо и налево.
И всюду перед ним в пути
сияет патриот Масео
и зажигает свет Марти.

Благодаря универсальному звучанию «Элегий» качественно новую окраску приобретает и антирасистская тема «Элегии на смерть Эммета Тилла». Элегия была написана Гильеном в 1956 году по поводу убийства белыми расистами пятнадцатилетнего мальчика-негра Эммета Тилла из г. Чикаго и явилась гневным обвинением не только против системы расовой дискриминации, существующей в Соединенных Штатах, но и всего общественного строя, основанного на зле и неравенстве. Ярким контрастом эмоциональному накалу произведения служит канцелярский тон эпиграфа — выписки из американской газеты, хладнокровно сообщаящей сведения об обнаружении в реке Таллахасси изуродованного тела мальчика. Весь трагизм случившегося поэту удается передать в первых же строках элегии, создавая печальный образ «от крови красного южного лепестка».

5 мая 1953 года Гильен выехал в Чили для участия в Континентальном конгрессе мира. 26 июля того же года группа молодежи во главе с Фиделем Кастро предприняла нападение на казармы Монкада в г. Сантьяго-де-Куба. Нападение хотя и не увенчалось успехом, но явилось «... искрой, воспламенившей мощное национальное народное движение против диктатуры Батисты, началом мощной антиимпериалистической революции в Латинской Америке»¹. Диктатура Батисты развернула жестокие репрессии против участников нападения на Монкада, против всех, кто в какой-либо степени был связан с народным революционным движением. Над участниками штурма был учинен суд. В своей защитительной речи Ф. Кастро говорил на суде: «Я не поступлю так, как поступают все адвокаты, которые просят свободы для подзащитного... Вы можете меня осудить! Это не имеет значения! История меня оправдает»². Мощная всенародная борьба за освобождение революционеров вынудила диктатуру отступить: в марте 1955 года была объявлена амнистия, и Ф. Кастро со своими товарищами эмигрировал из страны. Встав на путь самостоятельной борьбы, он организовал в Мексике экспедицию, которая 2 декабря 1956 года высадилась на Кубе с яхты «Гранма». Небольшой отряд партизан развернул боевые действия в горах Сьерра-Маэстры. Борьба, в которую включилось крестьянство, а затем и представители средних слоев и трудящихся, постепенно набирала силу и превращалась в национальное движение.

В эти трудные для Кубы годы Гильен, так же как и многие прогрессивные деятели страны, был вынужден находиться вдали от родины. Он много путешествует, принимает активное участие в работе Всемирного Совета Мира, работает над созданием новых произведений. В 1958 году французское правительство объявило поэта, проживавшего несколько лет в Париже, «нежелательным иностранцем», и он был вынужден покинуть страну. Мексика и Венесуэла отказались принять поэта. Наконец, при помощи Рафаэля Альберти, проживавше-

¹ Антонио Нуньес Хименес, Республика Куба, М., 1963, с. 85.

² Фидель Кастро. Речи и выступления, М., 1960, с. 91—92.

ВНИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

го в те годы в Буэнос-Айресе, Гильену удалось обосновать в Аргентине.

Однако ни лишения, ни трудности не смогли затушить в сердце поэта пламя борца-революционера. Почти на всех континентах земного шара голос поэта доносит до миллионов людей правду о Кубе, борется против несправедливости и насилия, воспекает мужество и героизм борцов за свободу и независимость. Выступая 24 декабря 1954 года в Москве в Колонном зале Дома союзов по случаю присуждения ему Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», Гильен говорил: «Давно прошли те времена, когда поэт мог стоять в стороне от всех, возвышаясь над миром, запертый в своей воображаемой башне и гордый своими лохмотьями, и при этом за кусок хлеба услаждать слух своего господина. И если сейчас еще встречаются подобные поэты, то это циники, чуждые нашему времени, это моральные развалины, интересные, пожалуй, лишь археологам — специалистам по человеческим раскопкам»¹.

Особо важное место в жизни и творчестве поэта занимает борьба за мир. Слово «мир» обозначает для Гильена не только прекращение агрессивных войн, оно подразумевает и свободу народов, их счастье и процветание. «Я не хочу больше видеть войн, — говорит поэт, — поэтому я наполняю свой стих миром. Но не тем эгоистичным миром, который замыкается в себе самом или убегает в поисках глухой тропы в лесу, а тем активным и бдительным миром, что громко возвещает о своем стремлении сиять перед глазами всех людей земли»². Уже в 1951 году, в «Элегии Хесусу Менендесу», мелькнул прекрасный образ «раненого голубя».

Голубь — символ мира, олицетворяющий надежду и веру народов в победу светлых идеалов и наступление счастливого будущего. Его полет сопровождает весь творческий путь поэта-революционера. Однако поэзия Гильена никогда не была пронизана столь явным ощущением близости освобождения родины и мирного неба над Кубой, как в сборнике стихов «Голубь народов», в котором находят отражение мысли и чувства поэта, пережитые им во время многочисленных путешествий по странам мира. На его страницах оживают бурные события, свидетелем которых довелось быть автору, находясь вдали от родины. В нем — раздумья о родине и судьбах народов мира, борющихся против империализма, за социальную справедливость и свободу.

Главная тема сборника, как это явствует из самого названия книги, — борьба за мир. Еще в 1950 году, говоря о своем отношении к этой проблеме, Гильен заявил: «Люди искусства, которые считают, что в наши дни можно оставаться вне борьбы за мир и равнодушными глазами взирать на суровый поток жизни, — предатели». Однако активная борьба за мир является жизненным кредо Гильена не только как об-

¹ «Куба», Н. Гильен. Перелистанные страницы. № 12, 1980, с. 52—53.

² Там же, с. 53.

пещественного деятеля. В ней поэт видит задачу и цель своей поэзии и всего творчества. И так как эти два начала находят преломление в поэзии Гильена, именно она и становится максимальным проявлением цельной природы поэта-лирика борца-революционера. Глубоко ошибочно мнение, будто в Гильене сосуществовало два поэта — социальный и поэт-лирик.

«Сторонники этой точки зрения, — пишет видный деятель Коммунистической партии Чили, писатель В. Тейтельбойм, — представляют характер человека не в процессе развития, а как своего рода картотеку, где все расписано и разложено по полочкам. Они полагают, что в глубинах раздвоенного сознания художника за внешней откровенностью таятся непознаваемые и недоступные миры. У поэта, якобы, нет внутреннего единства. Будто он пишет политические стихи, руководствуясь определенными эстетическими и идеологическими принципами, сдерживая в себе творческие порывы. Так делается попытка разорвать связь между личностью поэта и его творчеством».

Великолепным сплавом лирического и социального можно назвать первое же стихотворение этого сборника — «Поэтическое искусство». Стихотворение является осмыслением и отражением духовного мира поэта и в то же время наполнено общественным, социальным содержанием, которое раскрывается в обращении автора к поэзии — в ней он видит оружие борьбы за социальную справедливость:

Ступай со своей гитарой
и розам про боль расскажи!
А еще расскажи им про то,
как новое солнце сияет...

Лирическим героем последующего стихотворения «Зеленая ящерица» является Куба. Прекрасный, но одновременно и печальный образ родины, своими контурами уподобленный ящерице, порождает у автора чувство патриотической гордости и вместе с тем вызывает в нем горестные раздумья о ее судьбе. Однако эти чувства поэта не являются самодовлеющими, за ними стоит определенная жизненная ситуация. В них отражены те социальные моменты, которые обусловили данные переживания поэта, данное его состояние: это страдания кубинского народа и постоянное присутствие над ним зловещего призрака северного соседа.

Глубокое социальное содержание имеет лирическая песня с любопытным названием «Колыбельная песня, чтобы разбудить негритенка». В качестве эпиграфа ее сопровождают две строки из песни тридцатых годов известного кубинского поэта Эмилио Бальягаса «Колыбельная песня, чтобы убаюкать негритенка»:

«Спи, мой черныш,
черныш мой милый...»

В этой незначительной, с первого взгляда, разнице в названиях произведений заключается коренное различие их идейного содержания: в отличие от песни Бальягаса стихотво-

рение Гильена не ограничивается так называемым чистым лиризмом и несет в себе мощный социальный заряд. Лирическое колыбельная Гильена — это боевая песня, призывающая к действию.

Прекрасное лирическое выражение находят социальные мотивы в стихотворении «Тростник». Сахар, или, как образно его называет Гильен, — «сладкая горесть» — символ родины. И это понятно. Ведь с культивированием сахарного тростника и производством сахара связана судьба всего кубинского народа. В стихотворении «Сахарный тростник», написанном в начале 1930-х годов, поэт сравнил сахар с кровью, которая течет в жилах кубинцев. Неудивительно поэтому, что тема тростника, так же как и тема родины, имеет в поэзии Гильена острую антиимпериалистическую направленность. Однако если в том же двустишии «Сахарного тростника» антиимпериалистическая тема звучит как открытый и несколько оголенный протест, в лирическом «Тростнике» поэту удается обогатить эту тему глубокими человеческими переживаниями, чему способствует и форма стиха, написанного народной десимой.

Подлинным лиризмом проникнута тема борьбы за мир в стихотворении «Вал». Советский литературный критик Л. Осповат пишет: «Пожалуй, мало кому удалось раскрыть эту тему с такой удивительной простотой, с такой трогательной сердцем задушевностью».

Немудреные образы стихотворения, написанного как будто для детской игры «Пустим-не-пустим», Гильен разворачивает в картины борьбы добра и зла, войны и мира, любви и ненависти.

Призыв к черным рукам негров и белым рукам белых вместе строить вал «От морей и до горных цепей» на пути войны продиктован не простым сентиментальным желанием поэта увидеть равными белых и черных, а глубоким осознанием созидательной силы единства и солидарности всех народов.

В стихотворении «Доходный дом» поэт как бы продолжает «урок географии», начатый им в «Зеленой ящерице», хотя последнее было написано Гильеном на несколько лет позже. «Доходный дом» или «Антильляндия» — это родина поэта — Антильские острова. Тяжелую атмосферу, царящую в этом «доме», прекрасно передают «населяющие» его образы («дети, выглядящие стариками», «рабочие с хмурыми лицами»). Удивительно поэтичен образ «женщин, потерявших своих бабочек», т. е. женщин, которых убогая жизнь и непосильный труд лишили прелести и очарования. В конце стихотворения слышны оптимистические нотки: сквозь слезы и печальные напевы поэт слышит рождающуюся в муках песню будущего. Вспоминаются слова известного кубинского поэта и литературного критика Фернандеса Ретамара, который писал о связи Гильена с народными массами: «Не многим нашим поэтам выпало такое счастье, как Гильену, увидеть «испаряющимся»

свое имя». Не многие смогли, подобно ему, раствориться в народе, слиться с ним»¹.

Сознание поэтом своего слияния с народами мира красной чертой передает стихотворение «Кабачки», в котором лирика Гильена вновь призывает делить радости и горести простых людей, жить для народа и во имя народа.

В 1952 году И. Эренбург писал, что поэзия Гильена — подлинно национальна, и именно поэтому «... она перерастает границы его маленькой страны, трогает не только кубинцев, не только негров, не только американцев, она волнует и русского поэта, и китайского мудреца, она воистину всечеловечна...»

Однако сборник «Голубь народа» имеет всечеловеческое звучание не только в силу своего глубоко национального характера. Интернациональна и тематика стихов, география которой охватывает почти всю нашу планету. В них звучат мотивы борьбы за свободу стран Латинской Америки («Три чилийских песни», «Пуэрториканская песенка», «Гватемальская баллада»), Африки и Азии («Мау-Мау», «Возвращение из Китая»), Европы и Северной Америки («Маленькая плододивская баллада», «Негр поет в Нью-Йорке»). Заметное место в них занимает и тема Советского Союза. Восхищенный победой советской науки, открывшей в истории человечества космическую эру запуском 4 октября 1957 года первого в мире искусственного спутника Земли, поэт пишет стихотворение «Спутник-57», в котором воспеваает подвиг «страны надежд».

В то время как писались эти слова, кубинские революционеры под командованием Ф. Кастро вели партизанскую войну в горах Кубы, нанося удары по батистовской армии. В том же 1957 году был брошен клич к проведению в стране всеобщей забастовки. Она переросла в мощное национальное движение, символом которого явились победы повстанческой армии против сил диктатуры и освобождение большей части территории страны. Положение диктатуры становилось отчаянным. Народ Кубы готовился к решающему наступлению.

¹ З. Плавский, Н. Гильен, с. 144.

Серги ДУРМИШИДЗЕ

АЛЕКСАНДР ОПАРИН*

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Жизнь—это самое прекрасное и в конечном итоге самое важное из всего того, что существует на нашей планете.

А. Опарин

21 апреля 1980 года в городе Москве скончался знаменитый ученый, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии академик Александр Иванович Опарин.

Александр Опарин один из основоположников современной биохимии. Выдвинутая и разработанная А. Опариным материалистическая теория возникновения жизни получила всемирное признание. Он же разработал научные основы технической биохимии, которая имеет величайшее народнохозяйственное значение. Неоценимы его вклад и заслуги в развитии пищевой промышленности, в организации производства ферментов и витаминов, столь необходимых для медицины и сельского хозяйства. В последние годы Александр Опарин уделял особое внимание новой отрасли науки — эволюционной биохимии и, прежде всего, химической эволюции, которая протекала еще до биологического периода.

Александр Иванович был замечательным педагогом, блестящим организатором науки и неутомимым общественным деятелем. На протяжении десятилетий он руководил Институтом биохимии имени А. Н. Баха, вложил много труда и усилий в воспитание не одного поколения биохимиков и развитие биохимической науки в Советском Союзе.

Научные достижения Александра Опарина получили высокую оценку как в нашей стране, так и за ее пределами. Он был почетным членом многих зарубежных академий,

* Отрывок из книги «Александр Опарин».

почетным доктором множества иностранных университетов. Его избрали почетным президентом Всемирного научного общества по возникновению жизни. Несколько лет назад ему была присуждена премия Калинга (ЮНЕСКО). В 1976 году исполком Всемирного общества по происхождению жизни учредил золотую медаль имени А. Опарина, которая один раз в году будет присуждаться лучшей работе, посвященной проблеме жизни.

Александр Опарин был не только большим ученым, организатором науки, педагогом и общественным деятелем, но и необычайно яркой личностью.

Неоценим вклад Александра Опарина в развитие биохимической науки в Грузии, в воспитание и подготовку биохимиков в нашей республике. Официально в прессе он неоднократно высказывал свою любовь к Грузии, к грузинскому народу. Видимо, это чувство и породило одно из его писем¹ ко мне, в котором он выразил уверенность, что когда-нибудь книгу о нем напишу и я. К выполнению этого пожелания моего выдающегося учителя и друга я приступил еще при его жизни. О жизни и деятельности Александра Опарина написано много книг, их будет написано еще бесчисленное множество. В этом отношении он не был обижен вниманием, но, как говорил обычно он сам, — «меня согревает тепло грузинского сердца, и я поклонник духа Важа Пшавела». Наши с ним деловые и дружеские взаимоотношения насчитывают почти четыре десятилетия, и я, конечно, был свидетелем многих значительных моментов его жизни, а иногда и их участником. Представленный здесь отрывок — дневник наших последних, что называется, земных взаимоотношений.

* * *

Трехкомнатная квартира Нины Петровны и Александра Ивановича Опариных, расположенная на десятом этаже в доме № 3 на тихой улице Дмитрия Ульянова в Москве, выходит на восток. Здесь развивалась и мужала материалистическая теория возникновения жизни, здесь была написана книга «Вещество, жизнь и интеллект». В этой квартире решались многие вопросы развития современной биохимии. Эти стены были свидетелями безграничной дружбы и любви Нины Петровны и Александра Ивановича Опариных. Из каких только стран ни побывали под этим кровом звезды ученого мира! И такое же пристанище, как и боги науки, в этой обители находили боги поэзии.

Обычно весной семья Опариных переезжала на дачу в местность под названием «Узкое». Александр Иванович с утра принимался заполнять дневник садовода, прислушиваясь к биению жизни у каждого обитателя разведенного им самим цветника. Он с неутомимой тщательностью описывал распускание почек и, находясь в созданном им царстве цветов, размышлял о тайнах «самосборки» биологиче-

¹ Это и другие письма А. Опарина хранятся в моем личном архиве.

Бр. 61025920
01010333

ских систем. В прошлом году, в июле, в Москве завершился всемирный симпозиум по сборке предбиологических и биологических структур. Было необходимо еще раз подвести итоги и наметить новые задачи. Автор теории возникновения жизни уже шагнул в восемьдесят седьмой год своей жизни, но его богатырское мышление, темперамент, преисполненный артистизма, и поэтическое воображение не знали усталости. Он сам будто не верил, что уже «так долго» трудится и мечтает. Хотя что могут значить какие-то сто лет в сравнении с историей жизни! Его дух по-прежнему кипел и бушевал по-молодому; чем только он ни занимался в течение дня, за какие только ни брался дела, какие только ни строил планы, с кем только ни вступал в контакт!

— Мы просили его: хватит, отдохни, но тщетно, — вспоминает его супруга и друг Нина Петровна.

2 марта 1980 года Александру Опарину исполнилось 86 лет. 5 марта президент Академии наук СССР А. П. Александров на общем годовичном собрании Академии в московском Доме ученых вручил Александру Ивановичу Опарину высшую награду Академии наук СССР — Золотую медаль имени М. В. Ломоносова и пожелал ему дальнейших успехов. Александр Опарин как лауреат, согласно существующему порядку, предстал перед общим собранием с докладом «Пути возникновения жизни». В этот день Александр Иванович был непривычно взволнован — боялся, вдруг силы изменят ему... Ведь год назад именно в это время он перенес инфаркт! Через несколько минут докладчик попросил академика Георгия Константиновича Скрябина дочитать оставшуюся часть текста. Когда Александр Иванович слушал собственный доклад, на его утомленном лице светился живой интерес.

В заключительном слове Александр Иванович очень тепло отметил заслугу своей жены и друга, спутницы жизни, постоянно сопричастной к его научной деятельности, словно сознавал, что это последняя высказанная публично его благодарность и признательность Нине Петровне.

Основные положения эволюции органических соединений Александр Опарин представил в 1924 году. Его тогдашние догадки, открытия и обобщения выдержали беспощадную проверку временем вплоть до наших дней. И не только выдержали, но и вызвали живой интерес во всем мире и легли в основу экспериментального изучения абиогенного периода в возникновении жизни.

В этот день на общем собрании академии Александр Опарин досидел до конца.

С присуждением Золотой медали имени М. В. Ломоносова друзья и коллеги поздравили его и дома, засидевшись там допоздна.

Имя Ломоносова было символичным для четы Опариных. Вся их жизнь была непосредственно связана с Московским университетом имени М. В. Ломоносова, который в свое время окончил Александр Опарин. Там же он был оставлен для подготовки к профессорской деятельности. Здесь родилась теория Опарина о возникновении жизни. В этом университете Александр Иванович на протяжении десятков лет

руководил кафедрой биохимии растений. Нина Петровна/Васнецова тоже в этом же университете преподавала английский язык... Здесь же зародилась их дружба...

На другой день, после собрания в Академии наук — 6 марта Александр Иванович с раннего утра взялся за корреспонденцию: долго и внимательно просматривал только что полученную из-за рубежа книгу Джона Перли «Спор о самозарождении жизни от Декарта до Опарина»... Пока возникло в науке выражение «до Опарина», понадобилось 55 лет смелой, дерзкой работы и исканий, пришлось мысленно прожить миллион лет...

— В следующие дни мы должны были отправиться на отдых в Узкое, но Александр Иванович чувствовал себя слабым, и я пригласила посоветоваться его постоянного врача. Он не разрешил ехать в Узкое, назначил Александру Ивановичу интенсивное лечение, — вспоминает Нина Петровна.

18 марта Александр Иванович рано сел за письменный стол, снова вернувшись к книге «...от Декарта до Опарина». Завтракать он пошел только благодаря необычайной настойчивости Нины Петровны.

— Нино¹, в 1980 году мы должны провести в Израиле такой симпозиум, чтобы теория возникновения жизни сделала бы еще один шаг к жизни, — говорил он супруге, находящейся в другой комнате.

Вечером в гости к Опариным пришел профессор Иван Андреевич Егоров. Александр Иванович обрадовался. Быстро накрыли стол. Нина Петровна принесла французский коньяк.

— Это еще что, чайными ложками вздумали пить? Это же не лекарство, налейте-ка мне в мой стакан, — рассердился Опарин.

В беседе коснулись последнего, недавно проведенного симпозиума.

— Как только окрепну, подготовлю новое издание моей книги «Материя, жизнь, интеллект», в дополнении приведу итоги симпозиума «Самосборка». Это будет уже новый этап, — с обычной экспрессивностью говорил Александр Иванович.

Иван Андреевич, как заместитель директора, доложил Александру Ивановичу обо всем примечательном, что за эти дни произошло в Институте биохимии.

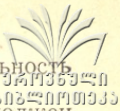
Директор же подробно ознакомил своего заместителя с тем, как он думает провести в июне 1980 года симпозиум в Израиле о возникновении жизни.

— Эти новые материалы основательно пополняют мою теорию. Нужно смелее привлекать математиков к разработке проблемы жизни, — говорил А. Опарин.

Беседа затянулась. Речь уже шла о будущем Института биохимии имени А. Н. Баха. Александр Иванович мечтал

¹ К своей супруге Нине Петровне он обычно обращался, применяя грузинскую форму «Нино».

поднять на новую, более высокую ступень всю деятельность Института биохимии — старой берлоги львов биохимии.

20 марта было решено, что Александр Иванович должен лечь в больницу неотложной помощи IV Главного управления Министерства здравоохранения СССР на улице Грановского.

С утра 21 марта Александр Иванович приготовился: взял с собой несколько книг и пешком отправился туда.

В 13 часов с минутами Александр Опарин уже был в окружении врачей. Лечить его было поручено доктору Таисии Григорьевне Николайченко. Смотреть за ним выпало на долю медсестер Наташи Дедовой, Лены Черкасовой, Люды Чернышевой, Вали Илюхиной и Нины Гришиной.

Больной и медперсонал были весьма довольны друг другом, быстро нашли общий язык. Александр Иванович как больной оказался очень сговорчивым. Он добросовестно и своевременно выполнял все назначения. Медсестры скоро ужили, что этот великий ученый был большим любителем поэзии. Единственно, в чем он не уступил — в своем настойчивом требовании, чтобы Нина Петровна всегда была подле него. Иначе не мыслила и Нича Петровна. Ночами Александра Ивановича мучила бессонница. Поэтому днем старались развлекать его, не давая спать и прибегать к снотворным. Чуть больной приоткрывал глаза, находившаяся при нем медсестра тотчас же вспоминала о каком-либо поэте, и Опарин немедленно начинал читать его стихи. День за днем состояние здоровья Александра Ивановича все более осложнялось, больной слабел...

— 4 апреля, — вспоминает Нина Петровна, — Александр утром окликнул меня и поручил написать тебе, Серги, письмо. Его волновала судьба одного из его учеников, он хотел устроить его к тебе в Институт биохимии растений. Я выполнила его желание и написала письмо. Он взял его у меня, прочел и сам приписал: «с любовью, Сандро». Ты, наверное, помнишь, в письмах к тебе он обычно приписывал «Сандро». В тот вечер он заговорил о Телави.

— Нино, сказал он, этим летом мы обязательно должны поехать в Кахетию, ты же хорошо помнишь Алазанскую долину и горы Кавкасиони, Алаверди и Шуамта, вечера в Телави и Вазисубани.

Он вообще часто вспоминал Телави и Вазисубани. Меня удивляет, что он ни разу не вспомнил Анасеули. Батуми или Поти, хотя в этих местах он находился значительно дольше и даже работал там, — рассказывала Нина Петровна.

Кто знает, что именно вспомнилось Александру Ивановичу, что всплыло в памяти, когда он находился в больнице?!

В 1947 году летом Н. П. и А. И. Опарины были у нас в гостях в Телави. В один из дней мы поехали на опытную станцию Института виноградарства и виноделия в Вазисубани. Александр Иванович был здесь впервые. Бывший дворец Сулхана Чавчавадзе, столетние ореховые деревья, развалины древнейшей церкви и старые виноградари произвели на Александра Опарина сильное впечатление.

— Серги, если можно, проведем вечер здесь. Это мзу-мительное зрелище! В ногах алазанский ковер, а только руку протянуть—седобородые вершины Кавкасиони. Алазанская долина напоминают мне мое детство: я веде на берегу Волги, в цветущих полях Угличского монастыря. Александр Иванович долго осматривал стройные побеги «ркацители».

— Если бы вы и не сказали, я все равно бы догадался, что «ркацители» грузинской крови, истинно грузинская лоза. Из всех сортов наиболее гордо и свободно растет именно он. Его, наверное, можно оставить и не подвязывая на колья.

В тот день Александр Иванович допоздна рассказывал нам истории из своего детства... Вечером, отдыхая на балконе второго этажа, он помечтал:

— Может быть, мне послышится шум Волги.

Не прошло и часа, как он спустился в сад и предложил прогуляться до церкви. Во дворе церкви он присел на камень под дубом. Взволнованно рассказывал:

— Как только я заснул, увидел необычный сон. Этот дворец стоял во дворе моего отца, а я на балконе разлегся на деревянной тахте и смотрел на Кавкасиони. Вдруг я услышал ужасный шум. С гор сорвался ледяной покров и устремился в низину. Ледяные пласты опережали снежные вихри, и на их пути все вокруг коченело и покрывалось льдом. От алазанских, то ли угличских полей неслись потревоженные и снявшиеся с места цветники. Неразлучные друзья моего детства — полевые ромашки, полевые гвоздики, синие васильки, лютики волнами набегали на меня. Чем ближе — тем сильнее одолевал меня холод. Все пространство вокруг заполнили полевые цветы.

— Не тревожьте ребенка, куда вы несетесь, остановитесь, — просила их моя мать, но уже было поздно. Меня уже обступили замерзшие цветы, ласкали, обнимали, прижимались ко мне, просили их согреть... У меня потемнело в глазах, и я почувствовал, что теряю сознание, что мне трудно дышать. Из всех сил я закричал:

— Александра, Александра, Александра!. Помогите!.

Взбудораженный, вскочил я с кресла. У изголовья стояли моя мать и сестра... Ведь обеих звали Александра! Когда я пришел в себя, то удивился: вокруг было идеальное спокойствие, не было даже легкого ветерка.

Давай, Серги, ничего не скажем Нино, кто знает, может быть, она примет это за дурное предзнаменование. И все же, как переплелись друг с другом Алазанская долина и монастырские поля Углича! Поразительно, меня удушили мои любимые цветы, наверное, нет смерти лучше?!

В этот же день вечером в Телави среди моих книг я нашел сонник, составленный по древним персидским рукописям¹. Александр Опарин родился 2 марта 1894 года, и в книге, толкующей сны и рассказывающей о судьбе человека, родившего-

¹ Полное объяснение снов. Составлено Ефремом Хуци, 1920 г., Тбилиси, типография «Сорапани», Мадатовский остров, № 1.

ся в марте, мы наткнулись на следующее: «Тот, кто родится в марте, будет статным, храбрым и непослушным, человеком бив и хорош умом, будет отмечен знаком на лице и ноге; и пытается бедность, несчастлив от братьев, а от других будет иметь счастье. Жена и те, кого он любит, счастливые, много товару и богатства будет дадено ему в старости. Если спасется в 10, 12, 20, 40 лет, то проживет 89 лет».

Александр Иванович обрадовался:

— До сих пор все совпадает, так что теперь счастье не должно мне изменить. Все роковые сроки уже пройдены.

31-я страница книги толкования снов привела нас в еще лучшее настроение: «Увидеть цветы во сне — признак радости».

За ужином он предложил осушить бокал за Ефрема Хуци.

Сейчас же до 89 недоставало трех лет! Кто знает, о чем он сейчас думал?! Быть может, вновь привиделись ему цветы из Алазанской долины и потому он часто вспоминал Телави?

10 апреля. Врачи уже понимают, что жизнь из последних сил борется со смертью. В больнице Александр Иванович в царстве поэзии находился чаще, чем в царстве науки. Сегодня же было очевидно, что с утра его занимали мысли о любимом деле:

— Нино, моя теория не поколеблется, она постепенно утвердится, ведь она результат диалектического мышления, и потому смерть ей не суждена.

Я хорошо понимаю, что является спорным в теории возникновения жизни, и прекрасно предвижу будущие споры, но это только оздоровит моего первенца.

Он беспокоился:

— В восприятии мира я шел правильным путем, но мне никогда не хватало времени для разработки теории жизни. Знаю, Нино, о чем ты думаешь, как, мол, тебе не хватило 86 лет. Главное, чтобы всегда была возможность постоянно думать о своем деле. А разве когда-нибудь мне было дано это счастье? Кто сосчитает, сколько дел мне приходилось делать одновременно. Надеюсь, выйду отсюда и еще раз пересмотрю историю миллиарда лет.

Александр Иванович всегда был большим оптимистом. Только за неделю до смерти его вера была поколеблена.

14 апреля утром, проснувшись, он спокойно подозвал к постели врача и меня и заявил: «Друзья, я умираю». До этого слово «смерть» им не произносилось, Александр Иванович никогда о смерти не говорил!

Врач попыталась его успокоить:

— Александр Иванович, вам, отцу теории возникновения жизни, не подобают думы о смерти.

— Таисия Григорьевна, вы же знаете, что я всемирно признанный атеист. Выведите меня из больницы здоровым, и я обещаю поверить в бога, — шутил Александр Иванович.

Врачи понимали, что судьба больного решена. Жизнь с каждой минутой покидала его. Смерть беспощадно расправлялась с тем, кто владел тайной жизни. Это хорошо понимал и Александр Опарин. 15 апреля вечером он записал в блок-

нот Нине Петровне: «Я больше жизни люблю тебя, Нино, и хочу всегда быть с тобой».

16 апреля он вспомнил своего великого современника, друга Алексея Николаевича Баха.

— Бах был величайшим ученым и замечательной личностью. Я всегда относился к нему с необычайным уважением. И он отвечал мне взаимностью. Вместе мы основали Институт биохимии, есть у нас и совместные исследования. Когда Бах умирал, я часто бывал у него. Старик был на девяностом году, и борьба за жизнь чрезмерно утомила его. В последний день я положил свою руку на его руку и приласкал. Алексей Николаевич растрогался и заплакал. Что-то опалило мне душу, — рассказывал он Нине Петровне и Таисии Григорьевне.

17 апреля. Сегодня, как и в предыдущие дни, он проверял подвижность рук и ног. Самоконтроля он, как говорят медсестры, не терял до последней секунды жизни. И сейчас он прочитал стихи Лермонтова и Пушкина, сонеты Шекспира. Вечер он закончил письмом Татьяны из «Евгения Онегина». Всех удивляло, как блестяще сохранила его память шедевры поэзии. Потребовав две книги Пушкина — «Лирик» и «Эпиграммы», он написал: «А. Опарин» и подарил их Нине Петровне.

Надвигавшуюся катастрофу чувствовали все... Нину Петровну тщетно упрашивали хотя бы на вечер оставить больного.

Календарь показывал 18 апреля. У больного усилилась общая слабость... Сегодня Александр Иванович трижды вспомнил Иоганна Вольфганга Гете! На вопрос врача, как он себя чувствует, Александр Иванович ответил с улыбкой:

— Таисия Григорьевна, вы, наверное, думаете, что смерть легка. Раньше и я так думал: закрою глаза, оцепенею и все кончено... Как легко, не правда ли?! Не так это! Хотя вы этого никогда не должны знать, ведь вы надежда тех, кто идет на тот свет! Оставим этот неприятный разговор. Какой шедевр поэзии прикажете вам почитать?

Таисия Григорьевна с присущими ей мягкостью, спокойствием и тактом беседовала с Александром Ивановичем. В течение дня больному дали много лекарств, но он не обратил на это никакого внимания.

19 апреля прошло в обычных лечебных процедурах. У Александра Ивановича появилась повышенная склонность ко сну. Его беспокоило только одно: чтобы Нина Петровна не отходила от него, ежесекундно была рядом.

20 апреля утром он был необычно возбужден. С нежностью взглянув на Нину Петровну, не присущим ему слабым голосом произнес:

— Нино, послушай меня, я должен прочесть тебе два места из «Фауста», если только я правильно помню. Если я что-то перепугаю, прости, мне кажется, рассудок у меня туманится.

Нина Петровна сказала, что готова слушать.

Произошло чудо: Александр Иванович мгновенно преобразился, будто призвал откуда-то нечеловеческие силы, и заговорил обычным сильным голосом:

— Нино. Мефистофель не дает мне покоя своими
ниями, ведь, слышите, опять он мне нашептывает:

Зачем же созидать? Один ответ:
Чтоб созданное все сводить на нет.

Он того не понимает, или где ему понять, ничтожному,
как светла природа человека, подобного Фаусту:

Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил.
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.

Вдруг возникшее эмоциональное напряжение спало, боль-
ной закрыл глаза и долго не подавал голоса. Было десять
часов вечера, когда он открыл глаза, чуть пошевелился и по-
лусонным голосом продекламировал Нине Петровне еще од-
но двустишие.

Через несколько минут лицо его засветилось, видно бы-
ло, что он перелетел куда-то в своих грезах...

Может быть, прибрежные волжские луга подступили к не-
му, чтобы согреть сердце, приникнуть к нему. А может,
друзья его детства — желтые ромашки, полевые гвоздики,
лютики, синие васильки, как когда-то, обнимали его и расска-
зывали ему старинные легенды, сказки, наполняя светом его
душу.

В полночь Александр Опарин потерял сознание, навсегда
затуманился его разум, проникший во тьму миллиарда лет
и осветивший ее, сник его дух, сумевший постичь многие
тайны природы, раскрыть их и заставить заговорить.

21 апреля в 8 часов утра Александр Иванович лежал
без движения в комнате на четвертом этаже с распахнутыми
окнами дома № 2 по улице Грановского...

Послушаем тех, кто был с Александром Опариним в
последние его дни.

Супруга — Нина Петровна Опарина¹:

В марте у Александра Ивановича не наблюдалось пони-
жение и ослабление мышления, памяти, интереса к делу. Он
был в обычном для него оптимистическом настроении. По-
прежнему строил планы, когда и что сделать. Постоянно ду-
мал лишь о возникновении жизни. Он не сомневался, что
его теория выдержит проверку временем. Он изменился толь-
ко за неделю до смерти. После этого он часто говорил мне:
Нино, понимаешь, умираю. В этот период он и врачей просил
о продлении жизни.

Врач Таисия Григорьевна Николайченко:

Александр Иванович поступил в больницу с выраженной
сердечной недостаточностью. Лечить надо было очень осто-

¹ Надеюсь, уважаемая Нина Петровна простит меня за то,
что, неумеренно пользуясь ее дружеским ко мне расположением,
я и в тягчайшие минуты беспокоил ее всяческими вопросами.

рожно, так как одновременно были больное сердце, большие почки и печень. Лекарства, которые помогали от одной болезни, вредили другой. В больницу попал в довольно тяжелом состоянии, которое все время ухудшалось. Скончался будучи без сознания.

Диагноз: ишемическая болезнь сердца; постинфарктный атеросклеротический кардиосклероз (инфаркт перенес в марте 1979 года), сердечная недостаточность третьей степени; хронический пиелонефрит; хроническая почечная недостаточность; рецидивирующая тромбоэмболия в системе легочной артерии и вызванная ею инфарктная пневмония.

Медсестра Наташа Дедова:

С нами, медсестрами, он часто беседовал. Наизусть читал стихи. Особенно он любил читать стихи Пушкина и Лермонтова. Шедевры поэзии Александр Иванович читал с величайшим увлечением и артистизмом. Любил вафли. Часто говорил: «Вафли — топливо, кислород — энергия, моя Нина — любовь, а все это вместе — жизнь». По ночам спал обычно плохо. Радовался нашему присутствию. Он был красивым мужчиной, даже больничная коричневая пижама была ему к лицу. Никогда не отказывался от медикаментов. Не противился и уколам. Шутил, бывало: «Если бы я не был атеистом, бог так рано не пожертвовал бы мною». Нашим девочкам он очень полюбился.

Вечером 23 апреля я, моя супруга, Михаил Бокучава и его супруга Татьяна Шуберт посетили Нину Петровну на квартире. Она еще не пришла в себя и не осознала до конца, что произошло. Говорила об Александре Ивановиче как о живом. Основным предметом нашей беседы была будущая судьба архива А. Опарина, кому доверить его разработку, публикацию некоторых материалов. Люди совершенно разных специальностей просили предоставить им право воспользоваться архивом. Особенно активным был один писатель, он каждый день звонил Нине Петровне:

— Поверьте, вы увидите, какую монографию я напишу об Александре Ивановиче.

Мы, я и Михаил Бокучава, посоветовали, чтобы вопрос архива не решался без академиков Андрея Курсанова и Александра Баева.

Из дома Опарина мы возвращались поздно ночью.

24 апреля вечером Нина Петровна пригласила нас с женой и профессором Ивана Егорова к себе домой, чтобы вместе с ней посмотреть и послушать телевизионную передачу об Александре Ивановиче. После нас пришел профессор Ярослав Иванович Ажипа — работник Центрального Комитета КПСС. Нина Петровна переживала: четвертый день после кончины, а некролог еще не опубликован.

Профессор Я. Ажипа успокоил ее: — Завтра некролог будет в «Правде».

Ярослав Иванович попросил извинения и покинул нас — он был очень утомлен — шел прямо с работы.

Затаив дыхание, мы ждали, когда начнется передача об А. Опарине. Появился помещенный в черно-красную рамку портрет Александра Ивановича... Сегодня в последний раз и необычным путем вошел Александр Опарин в свой рабочий кабинет. Сам он теперь молчал, а вместо него с нами беседовал диктор... Квартира как бы наполнилась духом Опарина... Нина Петровна и моя супруга плакали... Как молния пронеслись в недрах нашего сознания его жизнь, детство, юность, период мужания, университетские годы, схватка с тайнами жизни, долгий путь к вершинам науки... Закончилось чтение некролога... Нина Петровна оглядела комнату и продолжила беседу:

— Уходя в больницу, предупредил: Нина, не прикасайся к столу, оставь как есть, вернусь и сам приведу в порядок. Никакого предчувствия о том, что уходит из дому навсегда, у него не было!

В рабочей комнате Опарина все было так, как утром 21 марта. На письменном столе лежали две книги: «Спор о самозарождении жизни от Декарта до Опарина» Джона Перли (1979) и «Будущее науки» (1973). Эта книга была раскрыта на той странице, где академик М. А. Марков в своей статье «Макро-микросимметричный мир» приводит две строфы из стихотворения Валерия Брюсова «Мир электрона»:

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там все, что здесь в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Валерий Брюсов и Александр Опарин познакомились в 1924 году. Оба работали в Московском университете. Поэт Валерий Брюсов читал здесь историю математики. Молодой ученый Александр Опарин преподавал физико-химические основы жизни. Из представителей поэзии Валерий Брюсов первым прослушал доклад Александра Опарина «Гипотеза возникновения жизни на земле» и, придя в восторг, подарил ему вышедший в том же 1924 году сборник своих стихов с соответствующей надписью.

Брехт пишет о том, что наука когда-нибудь опять превратится в искусство. А. Опарин был убежден, что наука и есть величайшее искусство.

Быть может, 20 марта Опарин вновь стоял у истоков своей теории и глазами художника и ученого сравнивал достижения сегодняшней физики с философским умозрением поэта!

И спальня Александра Ивановича также стояла нетронутой. Расставленные и разложенные его руками вещи находились на своих местах. Комната маленькая, ширина ее пять шагов, длина — восемь с половиной. В изголовье большой живописный портрет Нины Петровны. На столе множе-

ство бумаг. Нина Петровна попросила меня не трогать бума-
ги. Но я убедил ее разрешить мне взглянуть только на один
ну: я заинтересовался, что подписал в последний раз Алек-
сандр Иванович. Мы одновременно посмотрели на исписан-
ный лист и оба были потрясены, увидев на нем обращение
ко мне. Нина Петровна попросила меня прочесть письмо
вслух.

«Дорогой Сергей Васильевич!

Я и Нина счастливы поздравить Вас с Вашим замеча-
тельным юбилеем, который Вы встречаете полным сил и
энергии. Я высоко ценю Ваши замечательные научные до-
стижения, Ваши блестящие организаторские способности и
выше всего — Ваше горячее сердце и верность друзьям.

Мы очень любим Вас, дорожим Вашей дружбой и раду-
емся Вашим успехам. От всей души желаем Вам дальней-
шего творческого горения, здоровья, успехов во всех делах и
начинаниях.

Сердечные поздравления Нане и всей Вашей семье.

Ваши Н. П. и А. И. Опарины.

22 февраля, 1980 г.».

Было около 10 часов вечера, когда из-за границы позво-
нили несколько ученых.

Из зарубежных ученых больше всего он любил Сирил
Панамьерума, вспомнила Нина Петровна, он обычно гова-
ривал так: сам из Цейлона, только паспорт у него американ-
ский.

Нина Петровна вспомнила наши совместные поездки в
Вену, Токио, Нью-Йорк, Мадрид, Варну... С болью расска-
зывала она, как он был счастлив тогда...

25 апреля в 8 часов утра тело Александра Ивановича
перенесли в актовЫй зал президиума Академии наук СССР.
Море цветов, несчетное количество венков. Шел бесконечный
люДСкой поток, чтобы проститься с покойным, отдать послед-
нюю дань уважения. Ученые и государственные деятели сме-
няли друг друга в почетном карауле. Мне тоже выпала та-
кая честь...

Гражданскую панихиду открыл академик Юрий Овчин-
ников. С речами выступили академики Александр Баев,
Сергей Северин, министр пищевой промышленности СССР
Вольдемар Леин, член-корреспондент Академии наук СССР
Вацлав Кретович и другие.

Вот-вот должна была тронуться траурная процессия, как
кто-то крикнул: «Остановитесь, Андрей Курсанов приехал».
Впервые вставший с постели после перелома ног А. Л. Курса-
нов пришел, чтобы проводить в последний путь любимого
друга.

Траурный митинг на Новодевичьем кладбище начал сво-
им выступлением Юрий Овчинников. С речами об Александре
Ивановиче выступили академик Сергей Спирин, профес-
сор Иван Егоров и другие.

Даже простой перечень заслуг Александра Опарина ка-
зался бесконечным... В 1917 году закончил он Московский
университет и после этого самоотверженно служил развитию
науки, делу воспитания научных кадров, внес огромный

вклад в развитие многих отраслей народного хозяйства нашей страны, многое сделал для настоящего и будущего чеченского народа. Но первоосновой всему были его богатейшее сердце, распахнутая душа и поразительные человеческие качества.

Траурный митинг закончился. С покойным попрощались жена, племянники, другие родственники, близкие, друзья... Гроб походил на цветник. Любимые цветы укрыли Александра Ивановича... Произошло нечто совсем неожиданное: небо целый день было затянуто облаками, а сейчас, когда надо было накрыть гроб крышкой, головы уснувшего навеки Александра Ивановича на несколько секунд коснулся солнечный луч, лицо его как бы обрамил солнечный венец.

В могильной тишине раздался осторожный стук молотка, и четыре гвоздя навсегда закрыли возможность видеть мир человеку, который искал и находил истоки жизни на земле...

Могила была вырыта глубокая... Землю внутри закрыли красной и черной материей... Несколько близких людей бросили на гроб горсти земли. Первой благословила могилу Нина Петровна. Я тоже совершил этот тягостный обряд... Земля была песчаная, легко рассыпалась в руке, по цвету напоминала волосы Опарина. Пошел дождь, будто небо тоже пролило свои слезы...

Могила Александра Опарина находится во вновь огороженной части Новодевичьего кладбища. Александр Иванович и здесь — в привычном ему окружении деятелей науки, поэзии, искусства — рядом с могилами Петра Николаевича Поспелова, Александра Николаевича Несмеянова, Николая Семеновича Тихонова и Надежды Сергеевны Надеждиной.

Супруга Александра Опарина и коллектив Института биохимии имени А. Н. Баха пригласили нас в институт. Здесь был накрыт поминальный стол в честь Александра Ивановича. Было такое ощущение, будто откуда-то вот-вот войдет к своим друзьям и ученикам сам Александр Опарин. Было произнесено несколько тостов. Особенно тепло вспомнили Александра Ивановича академики Георгий Скрябин и Александр Баев.

— Ученые были, есть и будут... Но ученый, наделенный такими высокими человеческими качествами, какие были у Александра Опарина, — редкий случай. — заявил Г. Скрябин

— Александр Опарин уникален как ученый. Он создал свою теорию тогда, когда многие современные отрасли биологии и вовсе не существовали. Сейчас все упоминают «самосборку», а 57 лет назад такое явление никому и во сне не привиделось бы. У Александра Ивановича воистину было богатейское мышление, — говорил А. Баев.

Всех поразило слово Нины Петровны Опаринной. Она ясно представила собравшимся образ Александра Ивановича и просила всех позаботиться об его идеях, достойно продолжить его научное дело. Профессор Домин прочитал стихотворение, посвященное А. Опарину.

26 апреля мы опять дома у Александра Опарина. Нина Петровна уже не сдерживает своих переживаний, она охвачена волнением.

— Александр Иванович на кладбище не одинок. Недалеко от него покоится его сестра Александра. Несколько раз в году он носил сюда цветы. Скоро уже полвека, как она скончалась, но Александр Иванович все эти годы был предан ее памяти. Вблизи от могилы сестры старая башня. Александр Иванович любил сидеть у ее подножия. Мы часто бывали здесь и в военные годы, когда Москву бомбили. Однажды осколки, разлетевшись по Новодевичьему кладбищу, чуть не настигли нас. Я тайком носила два солдатских медальона.

— Нино, если мы потеряемся, то, может быть, по этим медальонам все же найдем друг друга, — сказал тогда Александр Иванович.

— Александр Иванович, — продолжала Нина Петровна, — умел любить мужественно и красиво, как любят у Руставели. Я выросла в Поту, многое от грузинского характера вошло в мою плоть и кровь. Потому, наверное, и потянулись мы с Александром друг к другу! Когда он к вам, Сергей, посылал американского ученого Сиднея Фокса, то убеждал его: увидите, что это за страна, что за люди: кто знает, может быть жизнь впервые зародилась у них и потому они так сильные и возвышенны. Надо было видеть, как он радовался, когда Фокс, возвратившись из Тбилиси, рассказывал Александру Ивановичу ваши легенды.

— Какие счастливые люди, как они любят свою страну. Ни с чем подобным я нигде не сталкивался, — говорил Сидней Фокс. Вы ведь знаете, Всемирное общество по возникновению жизни основали фактически трое ученых: А. Опарин, С. Панамперума и С. Фокс. Сейчас председателем этого общества стал японский биохимик Эгам. Вчера поздно вечером он звонил мне и выразил свое соболезнование.

У Нины Петровны все время было желание непрерывно говорить о своем супруге и друге... И мы слушали ее, слушали с грустью и светлой радостью...

Она уже составила обширный план того, что надо сделать ей, институту, друзьям и ученикам Александра Ивановича по увековечению его памяти.

Перед нашим уходом Нина Петровна позволила мне посмотреть один небольшой альбом, составленный А. Опариним. Он наклеил в этот альбом вырезанные из газет те свои небольшие статьи и выступления, которые касались молодежи.

23 января 1973 года Александр Опарин обратился к молодежи со следующими словами: «Вы, мои дорогие друзья, являетесь теми, кто будет создавать новую биологию, все глубже раскрывать тайны жизни. Я от души желаю вам успехов в этой важной для всего человечества работе».

Слова А. Опарина осуществляются... За последние восемь лет и в самом деле возникли некоторые новые отрасли биологии, у истоков которых находится наша молодежь...

Ушли последние дни земной жизни Александра Опарина... Настала пора новой, духовной его жизни.

С любовью к стране и народу

РАСКРЫВАЮ (в который раз) изданную нами книгу «...Если пелось про это», составленную К. М. Симоновым антологию «Грузия в русской советской поэзии» (издательство «Мерани», Тбилиси, 1977 г.), и вспоминаю, как создавался этот сборник, как подбирал Константин Михайлович для заголовка книги наиболее выразительные и емкие слова, как остановился он на четырех словах из поэтической фразы Владимира Маяковского: «Но если пелось про это, должно быть. Грузию, радостный край, подразумевали поэты».

Стихотворения расположены в книге по алфавиту по именам поэтов. Алфавит — вещь строгая, не считающаяся ни с чем, и тем не менее начало антологии, кажется мне, могло быть только таким.

Книга начинается с въезда в Грузию, со стихотворения Павла Антокольского «Военно-Грузинская дорога».

Мы войдем сегодня в щель Дарьяла,
Мы пойдем по дыму в пропастях,
Из каких свирепых материалов
Был сколочен для нее костяк...

И как бы продолжением этой строфы Антокольского звучат в книге не только последующие строки этого стихотворения, но и строки из стихотворений Бориса Пастернака:

И тогда вчетвером на отвесе,
Как один, заглянули мы вниз.
Мельтеша, точно чернь Эфесе,
В глубине шевелился Тифлис...

Или строфы из стихотворения Владимира Орлова:

Я проехал по ущелью
Через горный перевал,
Арагвийское веселье
Издалека услышал.

...Сразу расступились выси,
Падала дорога вниз —
Прямо из огня Тифлиса
В древний мрак его кулис.

Военно-Грузинская дорога, постоянное сообщение по которой было открыто в 1799 году, сыграла историческую роль в развитии экономических и культурных связей между Россией и Закавказьем. Она восхищает взоры людей красотами природы — долиной Терека, Дарьяльским ущельем, Главным Кавказским хребтом, долиной реки Арагви и правобережьем Куры, приводящим к Тбилиси.

В том, что книга «...Если пелось про это» открывается посвящением Военно-Грузинской дороге, не только заслуга составителя антологии, но и закономерность — перекличка множества русских поэтов, полюбивших Грузию сперва заочно («Памятник демона» Бориса Пастернака) по классической русской поэзии, а затем и воочию познавших ее.

Не случайно я хочу подробно рассказать, как составлялся и издавался сборник «...Если пелось про это».

Это — последняя крупная работа, связывавшая К. М. Симонова с нашим издательством, с литературной общественностью Грузии, и в ней особенно отчетливо выразилась широта души Константина Михайловича, его искренний, глубокий интерес к Грузии — к ее природе, к истории и событиям, к людям, ко всему, что воплотилось в поэтическом слове на протяжении веков. Ведь упомянутая выше антология — только часть составленных Симоновым трех томов, берущих начало с далекого седого прошлого. Изданный нами заключительный том поэзии советского времени явился как бы частицей всего им самим пережитого, воспринятого, полюбившегося ему.

Говоря в предисловии к книге о необычайной широте и глубине грузинской темы в русской советской поэзии, Константин Симонов отмечает, что в стихах русских поэтов «живут образы поэтов Грузии, как учителей, как друзей и современников, как людей, о которых нельзя было не написать и без дружбы и общения с которыми наш духовный мир обеднел бы и сузился». В сборнике помещены произведения ста русских поэтов.

И действительно, возьмите хотя бы стихи Пастернака «За прошлого порог...», посвященные Паоло Яшвили, или Антокольского «Тициан Табидзе», или Тихонова «Представить не могу Кахети...» (посвящение Сандро Шаншиашвили), «Карло Каладзе», или Ахмадулиной «Симону Чиковани», «Анне Калададзе»...

В этих и во многих, многих других стихах — живые образы друзей, с которыми дружба завязывалась навсегда.

Эти стихи мне особенно близки и памятны, потому что взаимоотношения, дружба поэтов в какой-то степени протекла на моих глазах, как издателя и редактора. Именно сопричастность свою к этой дружбе почувствовал я, когда однажды, поздравляя меня с юбилейной датой со дня рождения, Константин Симонов высказал в телеграмме свои пожелания: «Здоровья, счастья, новых плодотворных трудов» и продолжил: «вдобавок ко всему сделанному вами, а сделано вами очень много. Крепко жму вашу руку».

В послевоенные годы одним из вдохновителей дружбы русских и грузинских поэтов и почетным гостем грузинского

застолья часто выступал и бывал Константин Симонов. Его можно увидеть на фотоснимке в гостях у Константина Сахурдиа, на фотоснимке рядом с Ираклием Абашидзе, честь на книге стихов, подаренной другу: «Дорогому Ираклию, моему давнему и длинному другу. Твой К. Симонов».

О нем можно прочесть в воспоминаниях Михаила Луконина, путешествовавшего по Грузии «рядом с такими знаатоками и певцами ее души», как Георгий Леонидзе, Симон Чиковани, Карло Каладзе, Григол Абашидзе, Иосиф Нонешвили, Реваз Маргиани: «Можно было бы писать целые дни и ночи, вспоминая эти наши совместные поездки. Мне доводилось бывать и одному и вместе с друзьями — русскими писателями — К. Симоновым, В. Ажаевым, А. Кривицким, С. Смирновым, Д. Граниным, В. Гольцперым и другими. Помню их восхищение, их волнение, когда мы возвращались домой».

В предисловии к сборнику «...Если пелось про это» К. М. Симонов отмечает в стихах русских поэтов о Грузии такие характерные черты, как постоянство, преемственность поколений. По его определению, эстафета грузинской темы в русской советской поэзии является «фактом несомненным и радующим душу». Сама несомненность этого факта и привела Симонова, по его словам, «к мысли о необходимости составить эту книгу».

Идея эта возникла в начале 1973 года, и в течение четырех лет, до самой сдачи сборника в набор, велась кропотливая, трудоемкая работа по подбору материала, по подготовке его к изданию.

В конце мая 1973 года я писал Константину Михайловичу:

«В бытность Вашу в Тбилиси Вы высказали весьма полезное пожелание составить антологию русской поэзии о Грузии с древнейших времен до наших дней. Эта идея вынашивалась в недрах нашей редакции несколько лет. Однако осуществление ее откладывалось до поры, когда появятся практические предложения людей, способных осуществить эту работу. Высказанные Вами пожелания мы хотели бы рассматривать как начало практического осуществления этой идеи. Учитывая Вашу большую загруженность общественными делами, а равно и Ваши творческие планы, мы не будем определять точных сроков представления в издательство готовой рукописи.

Примите наши пожелания Вам новых творческих успехов».

Хотя мы искренне хотели «не помешать» договорными узлами творческой работе Константина Михайловича, но должен сказать, что подготовка антологии русской поэзии о Грузии явилась подлинно творческой работой, захватившей прежде всего ее составителя — К. М. Симонова, а также всех нас — издательских работников. Деятельную помощь в подборе материала оказали составителю поэт Карло Каладзе, занимавший в те годы пост директора издательства «Мерани», и литературовед Г. Г. Маргвелашвили. В первоначальном подборе материала участвовала также Т. Д. Скалоская.

4 октября 1973 года К. М. Симонов написал Карло Кала-
дзе и мне:

96.0353.000
3024110733

«Дорогие друзья! На основании предварительных бесед вношу следующие практические предложения по изданию книги «Грузия в русской поэзии» (пока остановимся на этом условном названии, как на рабочем).

1. В основной отдел книги должны быть включены все связанные с Грузией стихи русских поэтов, начиная с XVIII века и кончая 1972 годом.

Разумеется, речь должна идти лишь о тех стихах, которые по своим поэтическим качествам могут претендовать на помещение в подобного рода антологии. В этом основном разделе стихи должны даваться целиком, а поэмы могут быть даны в одних случаях целиком, в других в отрывках.

2. В дополнительный отдел книги должны быть включены отрывки и цитаты из тех или иных произведений русских поэтов, в которых в разной связи упоминается Грузия, и к этим отрывкам-цитатам должны быть даны соответствующие примечания исторического и биографического характера. Этот дополнительный отдел должен дать представление и о широте интереса к Грузии, и о широте и разнообразии связей с Грузией на разных исторических этапах.

Возможно, что по ходу работы этот дополнительный раздел может превратиться в обзор, носящий историко-литературный характер с обильной цитацией. Как лучше будет делать этот раздел — покажет будущее.

3. Кроме этого сборника-антологии и параллельно с ним предложил бы издать небольшую по объему, хорошо оформленную книгу избранных русских стихов о Грузии, в которую вошло бы самое знаменитое и талантливое из всего написанного до сих пор».

Затем 5 декабря 1973 года Константин Михайлович в письме ко мне уточнял ряд практических рабочих моментов, относящихся уже к составлению самого сборника.

Эти письма представляют интерес не только по существу затронутых в них вопросов, но и как показатель стиля работы К. М. Симонова — всестороннего охвата поставленной задачи, углубленного подхода к ней.

Общественная активность, гражданственность К. М. Симонова наглядно проявились в дни празднования восьмидесятилетия со дня рождения Владимира Маяковского. Константин Михайлович руководил восстановлением и показом в Москве после более чем сорокалетнего перерыва выставки, созданной Маяковским, «20 лет работы». Он составил книгу воспоминаний современников «Маяковский делает выставку», и она была издана к открытию возобновленной выставки. Он, наконец, возглавил, как секретарь правления Союза писателей СССР, делегацию московских писателей на поэтический праздник в честь Маяковского в Тбилиси и присутствовал на закладке памятника великому поэту революции на проспекте Дружбы. Затем он выступил с яркой речью на торжественном юбилейном вечере, особо подчеркивал гражданственные традиции Маяковского. Не прошел он в эти дни и мимо изданного нашим издательством сборника воспоминаний писа-

телей и общественных деятелей Грузии о Маяковском «Перед вами, багдадские небеса». Внимательно ознакомившись с этим сборником, Константин Михайлович с похвалой отозвался о нем в местной печати, а затем в «Комсомольской правде», назвав книгу «замечательным томом воспоминаний грузинских друзей и соратников Маяковского».

Не ограничившись этим, Константин Симонов попросил меня организовать посылку пятисот экземпляров сборника «Перед вами, багдадские небеса» в Москву Центральному дому литераторов для распространения их через книжный киоск перед открытием выставки «20 лет работы Маяковского». Просьбу эту удалось выполнить с большим трудом, полагав несколько дней. Этот эпизод из наших взаимоотношений показывает, как Симонов умел доводить всякую свою инициативу до конца, результативно и с наибольшей общественной значимостью.

Идеи, инициативные предложения по укреплению связей между братскими литературами чаще всего возникали у Константина Симонова при непосредственных контактах, встречах, беседах с писателями. В статье «Шаги саженьи», напечатанной 2 июля 1975 года в «Литературной газете», он писал:

«...Я мысленно вижу сейчас лица всех людей, с которыми мы встречались во время Дней советской литературы в Грузии, чей самоотверженный труд мы видели, всех тех, с кем мы говорили и кому читали свои стихи, чье дружеское гостеприимство мы никогда не забудем...

Мы ездили по Грузии в разгар большого и напряженного труда, и этот труд, его высокая одухотворенная красота делали в наших глазах еще прекраснее и эту землю, и этих людей. Мы имели честь ездить по республике вместе с нашими грузинскими товарищами по перу, с людьми, чьи имена составляют цвет современной грузинской литературы.

...Наша поездка напоминает нам о том, что мы должны шире и активнее знакомить всею союзных читателей с современной грузинской литературой...

Хочу также поделиться мечтой увидеть в недалеком будущем на столе и у грузинского и у всеюсоюзного читателя поэзии двуязычную антологию, куда войдут лучшие образцы советской русской и советской грузинской поэзии во взаимных переводах с параллельным текстом на родных языках. Добавлю, что в дальнейшем можно представить себе выход такого типа сборников не только у нас, в России, но и в других республиках».

Теперь, когда мы вступаем в седьмое десятилетие со дня образования Союза Советских Социалистических Республик, идея Константина Михайловича Симонова о составлении и издании двуязычных антологий советской поэзии братских народов приобретает особую актуальность и станет, пожалуй, лучшим памятником ее инициатору.

Долгие годы К. М. Симонов возглавлял Совет по грузинской литературе при правлении Союза писателей СССР. Работа Совета была разносторонней: проведение творческих от-

четов писателей и вечеров грузинской литературы в Москве, проведение литературных юбилейных дат, организация поездок творческих писательских бригад, оказание в развитии и качественном улучшении переводческого дела, проведение выездных заседаний Совета.

Естественно, что в орбиту большинства мероприятий Совета по грузинской литературе попадало наше издательство художественной литературы «Мерани». Помнится, на выездном заседании Совета, проведенном в конце ноября 1976 года в Тбилиси совместно с президиумом правления Союза писателей Грузии, К. М. Симонов в своем докладе отметил работу издательства «Мерани», которое широко публикует на русском языке лучшие произведения грузинской прозы и поэзии. Вместе с тем он говорил, что, несмотря на возросшее внимание к вопросам перевода грузинской литературы на русский язык, которым, наряду с профессиональными переводчиками, заняты лучшие русские поэты и прозаики, все еще многие талантливые произведения грузинских авторов не находят места на страницах союзной печати и периодики.

В том же докладе Константин Симонов подчеркнул, что встречи деятелей русской литературы со своими грузинскими собратьями по перу всегда исполнены благородного пафоса истинной дружбы. На заседании Совета он вручил приватный адрес правления Союза писателей СССР и Совета по грузинской литературе поэту Ревазу Акакиевичу Маргиани в связи с шестидесятилетием со дня рождения.

После совещания Константин Михайлович посетил наше издательство, и мы с ним долго вели беседу по всем насущным вопросам нашей работы. Его советы, основанные на отличном знании существа редакционной и издательской деятельности, во многом помогли нам и, главное, показали, как близко принимал он к сердцу все, что мы с ним обсуждали в интересах общего дела грузинских и русских писателей.

Связь издательства «Мерани» с Советом не прерывалась и до и после выездного заседания, которое, к прискорбию, было последним при жизни К. М. Симонова.

Вот, к примеру, отдельный эпизод из наших взаимоотношений с Советом по грузинской литературе. В марте 1974 года получаем телеграмму: «Срочно шлите книги Сулакаури, Чиладзе, Думбэдзе, Ираклия Абашидзе, Инанишвили на русском языке самолетом либо проводником, иначе срывается заседание Совета 21 марта. Константин Симонов». Мы телеграфировали в ответ, что книги уже высланы 7 марта на его имя.

Константин Михайлович внимательнейшим образом следил за развитием грузинской советской литературы и отдавал дань особого уважения классикам грузинской литературы. Будучи участником юбилейного пленума Союза писателей Грузии, посвященного 250-летию со дня рождения Давида Гурамишвили, Симонов в своем выступлении отметил, что «проникнутое глубоким патриотизмом и гуманизмом поэтическое наследие Гурамишвили органически вошло в сокровищницу социалистических наций». Давид Гурамишвили был

вдохновенным певцом дружбы трех народов: грузинского, русского и украинского.

А на состоявшемся в 1976 году в Тбилиси творческом вечере Константина Симонова, наиболее полно раскрывшем нам мир его поэзии, он отметил, что «с каждым днем узы нашего братства становятся все крепче». Восторг, с которым воспринимали на этом вечере многочисленные слушатели стихи Симонова, служил подтверждением этих его слов.

Немало внимания уделял Симонов и работе русских писателей, живущих в Грузии и объединенных в секцию республиканского Союза писателей. Он не только живо интересовался их произведениями, первоначально большей частью публикуемыми в издаваемых нами сборниках «Дом под чинарами», но и переписывался, встречался с отдельными авторами, высказывал свое мнение об их произведениях, а порой и творчески помогал, читая рукописи.

Так, например, он писал в июле 1965 года Э. А. Фейгину о его книге «Мальчик пляшет под дождем»: «Книга мне понравилась. Она хорошая, чистая, добрая и в то же время и суровая — там, где людям приходится быть суровыми, где им без этого не обойтись. В этом смысле кусок «В степной коммуне» — очень, кстати, хороший — был для меня как бы душевным камертоном для всей книги.

Образ человека из этой книги вырастает живой и привлекательный. Но еще важнее, что за этим образом человека вырастает образ поколения, к которому в общем принадлежит и он, и Вы, и я.

Книга показалась мне привлекательной и по своему жанру. Документальность и романное начало не только уживаются в книге, но как бы и украшают даже друг друга».

Приведенные строки письма показывают, что книга была прочитана внимательно, по-писательски, заинтересованно. Эта заинтересованность в литературных судьбах своих собратьев по перу была отличительной чертой Константина Михайловича, человека отзывчивого, общественно активного.

Поэтому письмо его заканчивается строками: «Прочтя книгу, был очень рад, что могу искренне написать Вам о ней добрые слова».

Какое замечательное качество человека — радоваться за другого, радоваться самой возможности сказать добрые слова!

Когда мы издавали роман Михаила Лохвицкого «Громовый гул», Константин Симонов прочел его в рукописи. Читал он, как говорится, с редакторским карандашом в руке. Его замечания и советы творческого порядка были с признательностью приняты автором. Константин Михайлович с присущей ему принципиальностью в какой-то степени и защищал роман от досужих придирчивых суждений, высказывавшихся до выхода его в свет.

В другом случае, имея в виду изданные нами работы Г. Бебутова о Маяковском, Константин Симонов написал на своей посылаемой ему книге: «На добрую память с уважением к Вам и к Вашей работе».

В письме к Г. Г. Маргвелашвили Константин Михайлович сделал приписку: «При случае передайте мой сердечный привет Марку Израилевичу Златкину, скажите, что с интересом и с пользой для себя прочел его книгу».

Речь шла о моей работе «Когда книга сближает народы». При личной встрече со мной он подробно высказался о книге, сказал, что ближе познакомился с литературным процессом большого периода и что книга эта в какой-то мере послужит ему в работе Совета по грузинской литературе.

По инициативе К. М. Симонова сборники «Дом под чинарами» дважды ставились на обсуждение: бригадой русских критиков — Евгением Сидоровым, Николаем Томашевским совместно с грузинскими критиками Виссарионом Жгенти, Владимиром Мачавариани и другими в Тбилиси и еще на упомянутом мною выездном заседании Совета по грузинской литературе совместно с президиумом правления Союза писателей Грузии. Опыт подобных совместных обсуждений по общему мнению был признан очень удачным.

В последующие годы Константин Симонов намечал обсуждение сборников «Дом под чинарами» за несколько лет на широком форуме московских критиков, прозаиков и поэтов. По этому поводу он писал 10 апреля 1979 года Михаилу Лохвицкому, как председателю секции русских писателей Грузии: «Дорогой Михаил Юрьевич! Вернувшись из Гурзуфа, где долечивался, но пока что не долечился, застал в Москве Ваше письмо... Так же, как и Вы, надеюсь, что мы сумеем обсудить «Дом под чинарами»-79. Жму Вашу руку. Ваш Константин Симонов».

1979 год был последним годом его жизни. Оставалось еще несколько месяцев, и они, несмотря на неотвратимую болезнь, заполнялись работой — своими неоконченными страницами, чужими непрочитанными книгами и рукописями, незавершенными общественными делами. Как солдат своей Родины, он всегда был в строю.

Его сердечную привязанность, дружескую верность и бескорыстную преданность Грузии и грузинскому народу мы продолжаем ощущать и сейчас, уже через два года, как его нет в живых. Как же иначе расценить прекрасную дружескую акцию — передачу по его завещанию двух картин из личной коллекции, принадлежавших кисти Нико Пиросманишвили, — «Семейный пикник» (1907 г., масло) и «Пасхальный кутеж» (1907 г., масло) в дар Музею искусств Грузии. К. М. Симонов считал, что полотнам выдающегося грузинского художника надлежит быть на его родине, в городе, где он жил и трудился.

Хочется сказать о нем еще как о поэте. Все написанное им, будь то романы, пьесы, дневники и заметки и, конечно же, стихи, представляется мне прошедшим через его поэтическое мироощущение. Его стихи имеют твердую жизненную основу и поэтому они служат как бы камертоном всего его творчества. Ему чуждо было мелкотемье, потому что жизнь богата и он тянулся ко всему значительному.

Он много доброго сделал для грузинской литературы и культуры вообще и сожалел, что недостаточно перевел стихов. В 1961 году он писал: «Многие русские советские поэты с любовью и преданностью своему делу переводили стихи своих грузинских современников — это всегда было поистине благодарной работой, обогащавшей старинные узы дружбы между нашими народами.

Мне жаль, что я до сих пор еще слишком мало сделал, слишком небольшое участие принял в этом общем труде. И мне бы хотелось сегодня сказать о том, что сочту за честь для себя продолжить эту работу, переводя новые стихи моих грузинских друзей, воспевающих свою древнюю и вечно юную землю, землю социалистической Грузии»¹.

Константин Михайлович был верен своему слову. Он продолжал переводить стихи, но делал это не как переводчик-профессионал. Последние его переводы были из поэзии Галактиона Табидзе. Пытаясь мне эти переводы, он просил не забыть указать в книге Галактиона, что это **вольный** перевод. Здесь надо пояснить, что он настаивал на такой подаче переводов вовсе не потому, что в какой-то степени отходил от оригинала, а просто не признавал буквализма и не хотел, чтобы придирчивые критики выискивали в переводах несовпадения отдельных слов. Ему важна была созвучность автору по идее, образному мышлению, по самому духу стихов.

Это только некоторые штрихи из разносторонних связей Константина Михайловича Симонова с нашим издательством. Он выступал у нас на протяжении послевоенных лет как автор, как переводчик и составитель, но самое главное, как авторитетный редактор и душевный советчик в вопросах творчества.

---

¹ «Летопись дружбы грузинского и русского народов», 2-е изд., 1967, т. 2-й, с. 474 — 475.

Давид КОБАХИДЗЕ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЛЕМИКИ

ОДИН ЭПИЗОД БОРЬБЫ ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ ПРИНЦИПОВ МХАТА

16 ноября 1908 года русская газета «Тифлисский листок» напечатала статью П. Павловича, известившего общество о том, что на предстоящий театральный сезон в труппу Грузинского театрального общества не зачислены два ведущих актера, два столпа возобновленного грузинского театра: Нато Габуния и Константин Кипиани...

Статья эта ничем не отличалась от других, систематически печатавшихся в тбилисской прессе того времени.

Обычно после публикации статей объект критики отвечал статьями же, и этим все исчерпывалось.

Статья, привлекшей наше внимание, выпала совсем другая участь. Ее появление вызвало большой переполох в тбилисских газетах. Сегодня, когда нас отделяет от этой даты 74 года, случай этот представляется нам так...

Газеты, заняв противоположные позиции, ждали лишь повода, чтобы вступить в единоборство не на жизнь, а на смерть. Первым на поле боя вступил «Тифлисский листок», который опубликовал названную статью Павловича. Через несколько дней плечом к плечу с ней оказалась газета «Али». Со стороны противников первой выступила газета «Дрозба», следом — «Новости Закавказья». Как мы уже отметили, сражение началось 16 ноября и закончилось 2 декабря. В течение шестнадцати дней эти четыре газеты вели яростную полемику, в ходе которой было опубликовано... четырнадцать статей. Четыре из них — передовицы. Боролись всеми средствами.

На семнадцатый день борьба прекратилась. Ураган полемики прокатился по склонам театральной жизни, все сметая на своем пути, а на семнадцатый день, достигнув наивысшей точки, рухнул, словно разбившись о невидимое препятствие, не оставив после себя ничего... кроме этих четырнадцати статей.

Что вызвало такой яростный спор? И почему он оборвался так неожиданно? Ведь Н. Габуния и К. Кипиани так и не приняли в труппу?

16005920
392 3010333

Листая прессу того времени, можно заметить такую картину: как только одна газета с похвалой отзывается о каком-либо явлении, на другой же день газета противоположного направления обращает его в прах. В 1908 году, когда обострилась политическая борьба и определились позиции газет, эти контрасты стали особенно заметны.

Разумеется, в нашем конкретном случае это главный, хотя и не единственный фактор. Есть еще и другой, очень важный для исследователей грузинского театра, вопрос, контуры которого едва просматриваются за режущими глаза вспышками полемических баталий и политических столкновений. Только между строк газетных статей можно вычитать эту вторую — настоящую причину, которая вместе с другими факторами придала остроту и своеобразию этой двухнедельной полемики. Но для этого нам придется немного вернуться назад...

В 1900 году в грузинском театре началась борьба за так называемую «новую драму», что соответственно подразумевало борьбу за новую театральную эстетику, новые постановочные средства и манеру игры.

В этот период систематически переводились и ставились пьесы Гауптмана, Ибсена, Зудермана, Чехова; появился на горизонте Давид Клдиашвили. Все это само по себе уже означало начало борьбы против старых, лжепатриотических пьес, проникнутых ложным пафосом.

В 1903 году поэт Акакий Церетели выступил в защиту грузинских исторических пьес, что послужило поводом для выступления Михаила Джавахишвили. Еще не известный обществу молодой М. Джавахишвили (ему был всего 21 год) выступил с острой полемикой против «уважаемого грузина». Следует предположить, что только исключительные обстоятельства могли склонить его к публичному диспуту с Акакием Церетели, поэтом, пользующимся в Грузии огромным авторитетом.

Чтобы прояснить картину, стоит, пожалуй, посмотреть, что же происходит в самом театре?

В 1903 году Драматическое общество, опираясь на авторитет прославленного поэта, предложило А. Церетели принять на себя обязанности режиссера. В своем выступлении перед открытием сезона он предупреждает: «...чтоб никто не говорил: это большая роль, это маленькая, эта подойдет мне, а эта нет, эту буду играть, а эту нет...»

Тем не менее и теперь ведущие актеры направляли жизнь театра в соответствии со своими вкусами и взглядами, что мешало созданию ансамбля в спектаклях; а это было так важно для «новой драмы», в которой, как отмечали газеты, главное — цельность представления, что требовало нового подхода к репетициям, к новым постановочным приемам и с чем не могли и не хотели примириться премьеры. И началась борьба...

Уже в конце сезона, уходя из театра, Акакий Церетели признался, что борьба с премьерами оказалась для него очень трудной. Борьба продолжалась. Несмотря на противодействие, ставились современные пьесы, печатались рецензии, в которых вскрывались недостатки грузинского театра и указывались пути их устранения. В 1903 году в прессе появились статьи Ва-

лериана Гуния об искусстве театра, в которых он впервые упоминает Московский Художественный театр...

В. Гуния отмечает, что такие характерные для жизни театра черты, как зазнайство премьеров, бенефисы, актерами ролей, опоздание на репетиции, деление ролей на большие и маленькие, и еще много других профессиональных недостатков, с которыми борются передовые силы грузинского театра, полностью преодолены только в Московском Художественном театре, «руководимом режиссером-волшебником К. Станиславским».

Два года спустя, в 1905 году, Валериан Гуния, который в это время был режиссером театра, снова публикует цикл статей. Выступая на страницах газеты «Иверия» (№ 123. 1905 г.), он пишет: «На нашей сцене не труппа действует как единое целое, а тот или иной актер, вокруг которого почетной свитой располагаются остальные».

«Предметом и назначением сценического искусства является раскрытие и осуществление всей пьесы, а не только исследование и персонификация отдельных ролей», — вторит газета «Цнобис пурцели» (№ 2895) и продолжает: «Главным условием ансамбля является то, чтоб все и всех подчинить одному. Каждый актер подчиняется всем, в то время как все подчинены одному...». И снова как лучший пример приводит Московский Художественный театр. В прессе того времени систематически появлялись статьи подобного рода. Росла пропаганда метода Художественного театра в Грузии, и в соответствии с этим обострялась борьба за внедрение этого метода... Если Художественный театр сформировался на заранее выработанной театральной эстетике, то в нашей действительности наоборот — новое должно было внедриться в практику театра сильных индивидуальных актерских традиций, что, несомненно, придавало особую остроту этой борьбе.

Эта борьба окончилась с приездом К. Марджанишвили. Но уже к 1907 году определенная группа деятелей грузинской сцены, рецензенты, писатели и другие общественные деятели сформулировали свои взгляды на будущее грузинского театра, наметили пути его развития, пути внедрения принципов Художественного театра, создали теоретическую основу для обновления театра.

Теперь было необходимо практически приступить к делу. Еще одно обстоятельство: ремонт театрального помещения, начатый в 1904 году, закончился только в декабре 1908 года (за две недели до упомянутой полемики). Все эти четыре года грузинская труппа ставила спектакли или в Казенном театре (опера), или в театре Артистического общества (ныне театр им. Руставели), иногда в Авлабарском народном театре.

Наступил 1908 год. Молчание прессы прошедшего года напоминало затишье, которое обычно наступает перед бурей. В этой тишине раздались предупреждающие слова Киты Абашидзе: «Старая манера сценического искусства до такой степени надоела обществу, настолько исчерпала себя, что представления драмы совершенно не привлекали народ, антрепренеры разорялись и театр пустел день ото дня: не было сомнения в том, что рождались новые требования и пришли те, кто

почувствовал это, воскресил из мертвых сценическое искусство и определил его блестящее будущее. Сегодня это искусство достигло таких высот, что Художественный театр (МХАТ — Д. К.) в Москве и Петербурге собирает и приводит в восторг огромное количество народа» («Амирани» № 58, 14/V, 1908 г.).

В это время Драматическое общество, избегая огласки, тайно готовилось к переходу театра в новое помещение и принимало все меры к тому, чтоб обновилась и труппа. Режиссером был приглашен Ал. Канчели, которому «было назначено солидное жалованье, какое никогда и не снилось ни одному грузинскому режиссеру, его предшественнику» («Дрозба», № 11, 1908 г.). Были сделаны новые декорации, переведены пьесы и составлена труппа, в которую, как уже отмечалось, не были зачислены Нато Габуния и Константин Кипиани. Общество узнало об этом из русской газеты «Тифлисский листок». Круг замкнулся.

«Тифлисский листок» выражал глубокое сожаление по поводу того, что лучшие актеры (Л. Месхишвили, Н. Чхеидзе, Е. Месхи) находятся вне театра, а теперь в том же положении Н. Габуния и К. Кипиани.

«Не боязнь ли перед талантом сделала то, что Вл. Месхиев, посвятивший всю свою жизнь грузинской сцене, при старости лет оказался вынужденным искать утешение на русской сцене?.. Не интрига ли сделала то, что Нина Чхеидзе стоит вне грузинской сцены?» («Тифлисский листок», № 240, 16/XI, 1908 г.).

Для читателя того времени было понятно, что скрывается за многоточием и недомолвками газеты. 23 марта того же года альманах «Эшмакис матрахи» (№ 24, стр. 9) поместил такую карикатуру: из помещения грузинского театра выходят Вл. Месхишвили и Н. Чхеидзе. Грузинские артисты с удовольствием смотрят вслед уходящим. Еле сдерживает себя от восторга В. Абашидзе, счастливы Валериан Гуния — пляшет от радости: ушли, мол, талантливые, и поле деятельности досталось нам.

Тот, кто не знал настоящей истории ухода из труппы Вл. Месхишвили и Н. Чхеидзе, верил этой карикатуре и не задумывался над тем, что альманах «Эшмакис матрахи» боролся не с актером, а с редактором журнала «Нишадурн» Валерианом Гунией. По той же причине говорил о боязни перед талантом «Тифлисский листок», который тоже был в оппозиции к журналу «Нишадурн» и его редактору. «Кем, спрашиваю я вершителей судеб грузинского театра, — продолжает альманах, — думают заменить Н. М. Габуния-Цагарели и К. Д. Кипиани? Молодыми силами? Но где же эти молодые силы, кто их видел?» (там же).

Кроме представителей старшего поколения, театр пригласил в труппу следующих актеров: Ал. Имедашвили, Г. Ишхнели, Н. Гварадзе, В. Шаливашвили. Жизнь подтвердила правильность выбора театра. Однако, пока это будет признано официально, должно было пройти много времени. Теперь же пресса с подчеркнутым равнодушием приняла Г. Ишхнели (того самого, который, проработав всего несколько лет в театре, оставил

неизгладимый след как блестящий актер). Что касается Ал. Имедашвили, то пресса и раньше относилась к нему неблагоприятно, особенно из-за его «неестественной игры» (Имедашвили, который будет признан лучшим из лучших за подлинность и глубину переживаний и естественность перевоплощения). Однако тогда это понимали немногие, и именно их клял «Тифлисский листок»: «...Бедный жалкий народ! Зачем вы губите грузинское искусство?»

21 ноября. «Что это значит?» — спрашивает газета «Али» (№ 16). «В этом сезоне наша общественность не увидит этих двух талантливых заслуженных артистов в грузинской труппе» — и, поблагодарив единственную газету, которая отметила этот значительнейший факт (т. е. «Тифлисский листок» — Д. К.), продолжает: — «Почему молчат остальные газеты? Неужели не болит у них сердце за грузинский театр?.. Почему ничего не говорит та газета, которая осыпала похвалами госпожу Габуния-Цагарели?»

Здесь автор, не называя имен, завуалированно пишет о газете «Дрозба», которая была органом другой политической партии.

Однако ни Драматическое общество, которого в первую очередь касался этот вопрос, ни газета «Дрозба» не приняли вызова. Видимо, посчитали, что предъявленное им обвинение носило личный и с профессиональной точки зрения некомпетентный характер.

25 ноября. «Тифлисский листок», который сражался плечом к плечу с газетой «Али», частично исправил это положение и втянул в полемику известного театрального обозревателя Л. Кипиани, который именно с профессиональной точки зрения рассмотрел историю, происшедшую в театре. «Правда ли?» — так называлась пространная статья Л. Кипиани. Ее автор, не забывая, разумеется, тенденций своей газеты, старается перенести акцент на профессиональные моменты. Более половины статьи отводится угрозам сказать в конце концов правду. «...Возможны никакую надобность не вызываемые громадные затраты на какие-то стилизованные костюмы для старых и набивших оскомину пьес, в то время когда ветеранам сцены задерживается выдача назначенного грошового жалованья» («Тифлисский листок», № 246, 21/XI 1908 г.).

В действительности дело было в следующем: вновь назначенный режиссер Ал. Канчели решил специально для постановки «Родины» Д. Эристави сшить костюмы и написать декорации с учетом эпохи и стиля. Это было новшеством, так как раньше в одной и той же декорации играли несколько совершенно разных пьес. Так же просто решался и вопрос костюмов. По-видимому, новшество покорило Л. Кипиани.

Второе обвинение было направлено непосредственно против режиссера. Как известно, ранее в театре, за редкими исключениями, режиссерами были ведущие актеры Месхишвили, Абашидзе, Месхи, Гуния. Однако время предъявляло новые требования, и теперь уже нужен был не только режиссер-совместитель, в обязанности которого входило распределение ролей и проведение четырех репетиций. «Еще нуж-

на серьезная борьба..., а пока каждый грузинский актер, кроме себя, не считает режиссером. Как ни грустно знать, но, к сожалению, это так», — писал Валериан Гуния в 1905 году.

И вот именно против режиссера восстал рецензент. «...Возможно назначение совершенно ничем себя не заявившему режиссеру, полному новичку в режиссерском деле, громадного жалования в 250 рублей в месяц в то самое время, когда служители сцены, отдавшие все свои силы родному искусству, буквально перебиваются с хлеба на воду?» (там же).

Однако правление имело свой определенный план, для осуществления которого не останавливалось ни перед какими препятствиями. В план входило приглашение режиссера, ибо для создания ансамблевых спектаклей в «полной гармонии» нужен был не совместитель, а режиссер. Поэтому и была выплачена Ал. Канчели непривычно высокая для того времени зарплата. Было ясно, что именно на ансамбле, а не на отдельных индивидуальных звездах делался акцент.

Через несколько дней газета «Дрозба» на этот пункт ответила следующим образом: «Совершенно очевидно, что центром сценического искусства признаны не пленительный талант индивидуальных сил, но гармония и согласованность всех элементов сцены» («Дрозба», № 11, 30/XI, 1908 год).

А. Пагава причиной многих неудачных постановок считал то обстоятельство, что режиссер «очень часто (почти всегда) принимает участие в пьесе».

И еще одно новшество в режиссуре. Заместителем Канчели был назначен В. Шаликашвили, несмотря на то, что в труппе были старые опытные режиссеры Месхи, Гуния, Абашидзе. Дело в том, что в 1907 году В. Шаликашвили работал в Чиатура режиссером и проявил те профессиональные черты, которые были необходимы «новой драме». (Интересно, что в 1909 году В. Шаликашвили продолжит учение в Художественном театре. Именно в Художественном, а не, скажем, в Малом театре, устроиться в который было гораздо легче, так как можно было воспользоваться помощью А. Сумбаташвили).

Следующее обвинение касалось зарплаты молодых актеров (выше мы уже говорили о молодых). По-видимому, автору показалось мало этих профессиональных обвинений, и он дополнительно извещал о том, что В. Абашидзе вынужден оставить театр. Это сообщение было ложным. Именно в то время, когда было опубликовано это обвинение, у В. Абашидзе были в театре репетиции. Здесь интересно отметить другое обстоятельство: мотив, который считали причиной ухода из театра В. Абашидзе («...не будучи в состоянии переносить унижительного отношения заправил театра к его правам...»).

В следующих статьях эта мысль будет освещаться шире. О каких же правах идет речь? Дело касается ограничения своеволия премьеров, уничтожения их привилегий: опоздание на репетиции, незнание текста, отказ от ролей.

25 ноября. Газета «Дрозба» (№ 6, 1908 г.) очень сдержанно откликнулась на сообщение «Али». Отметив в передовой статье спад грузинского театра по поводу вышеупомянутого факта, «Дрозба» пишет: «Насколько нам известно,

они не изгнаны из театра — их не зачислили в труппу, но будут приглашать на гастроли» (там же).

26 ноября. «Новости Закавказья», № 20, 1908 года. Маленькой заметке без каких-либо пояснений отменяются все обвинения, и среди них «сплетня об уходе из театра В. Абашидзе». Что же касается вопроса Н. Габуния и К. Кипиани, газета без стеснения заявляет: «Стали злобой дня инвалиды грузинской сцены... Смотрите, кто и какие газеты берут под свое покровительство систему Синекур и думают грузинскую сцену превратить в богадельню для глухонемых».

Противники ухватились за эту фразу, и, как увидите, «Новостям Закавказья» стоило большого труда убедительно аргументировать свой поспешный вывод, что и было сделано, но прежде пришлось этому вопросу посвятить несколько статей.

27 ноября. «Тифлисский листок», № 248, 1908 года. Как и следовало ожидать, спор принимает частный характер. Начинаются взаимные оскорбления, перепечатывание сказанного с искажением смысла; становится все труднее и труднее в этих статьях выделить полемику по профессиональным вопросам. До тех пор, пока «Дрозба» не опубликовала пространного анализа. В сегодняшнем же номере появляется статья Л. Кипиани.

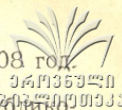
«Возможно ли видеть в факте защиты человеческих прав старых и заслуженных артистов желание превратить грузинскую сцену «в богадельню для глухонемых?». Автор намеренно сгущает краски — «В. Абашидзе, Н. Габуния, К. Кипиани, Вл. Месхиев, Н. Чхеидзе — все это глухонемые? Все это инвалиды? Подумайте — какую только нелепицу вы изволите говорить?».

Снова 27 ноября. «Али», № 20, 1908 год. Автор Rigoriste, поместивший в «Али» первую статью, на этот раз выступает непосредственно против газеты «Дрозба». «Газета «Дрозба» привыкла сидеть на двух стульях. Не желая никого обижать, прикрываясь мягкосердечием, она всегда двуличие предпочитает прямоте».

Хотя и этот автор не говорит ничего заслуживающего внимания, во всей этой полемике, кроме личного, есть и чисто профессиональный момент, в котором до сих пор не разобрались и, пожалуй, не хотят разобраться спорящие, ибо правда помещает в их дискуссии. Ведь стоило газете «Дрозба» напечатать пространный анализ этого явления, как спор прекратился.

28 ноября. «Али», № 21, 1908 год.

Обе статьи, помещенные в «Али» (№ 16 и № 20), в довольно общих фразах выражали возмущение. «Тифлисский листок» же (№ 246) оценил профессиональную сторону этого явления. Поэтому, с целью полноты картины, «Али» сегодня старается коснуться этого вопроса с самого надежного угла. Газета печатает пространную статью о Вл. Месхивили — талантливом современном мастере, которого и раньше хвалили наши передовые газеты и который сегодня отдален от театра, заключает автор.

Снова 28 ноября. «Новости Закавказья», № 22, 1908 год.

Передовица.

Как и следовало ожидать, поспешные выводы, опубликованные в газете № 20, были расширены. В большой передовой статье дается подробный разбор вчерашнего дня театра, а также прогнозы на будущее. (Обратите внимание: в трех последних статьях почти не упоминаются Н. Габуния и К. Кипиани. Спор постепенно меняет объект, и содержанием его становится борьба за «новый театр», за обновление театра). «Не стоит экономничать на приглашении умелого и талантливоего режиссера, новых интеллигентных и подготовленных артистов».

Статья интересна не только как ответ «Тифлисскому листку», но здесь, а далее и в других местах, не раз будет упомянут «интеллигентный актер».

Обновление труппы, о котором с такой иронией писал Л. Кипиани, здесь приводится как необходимое явление. «Широко нужно раскрыть двери молодым силам, чтобы дать им возможность поработать на родной сцене». Следующая фраза уже касается привилегированного положения премьеров — «Пора раздвинуть рамки кастовой замкнутости грузинской сцены, где за последние 10 лет не выдвинулось почти ни одно новое лицо». И в конце — «Состав труппы необходимо обновить и центр тяжести перенести на новые интеллигентные силы».

Таким образом, дело К. Кипиани и Н. Габуния здесь обобщено и рассматривается с позиций обновления театра. Передовица газеты, хоть сдержанно, но открыто говорит о том, что время, условия и возраст не могли не отразиться на актерском профессиональном уровне.

Нужно помнить, что редактор газеты был заместителем председателя Драматического общества и членом правления.

26 ноября. «Новости Закавказья». № 23, 1908 год. Газета не скрывает, что полностью разделяет позицию театра. После вчерашнего получено несколько новых сведений, и газета торопится сегодня же довести их до сведения читателя, чтобы еще более укрепить эти позиции:

Абашидзе в театре.

Н. Габуния назначена пенсия, и она будет приглашаться на отдельные спектакли.

К. Кипиани тоже. Общим будет устроен юбилей.

Н. Чхеидзе в связи с болезнью отказалась от приглашения.

По семейным обстоятельствам отказывается от приглашения и Лежава.

Ладо Месхишвили же по истечении контракта вернется из России на родную сцену.

Этой информацией газета перекрывала все пути своим противникам. Вроде бы здесь и должен был закончиться спор, однако этого не случилось. И это закономерно. В самом начале мы отметили, что у полемики были более глубокие причины, и история упомянутых актеров явилась просто конкретным проявлением одной из причин. Поэтому решающее слово, завершившее полемику, было сказано после этого...

30 ноября. «Дрозба», № 11, 1908 год. Передовица.

Как видим, спорщики разделились на две группы. С одной стороны сгруппировались газеты «Дрозба» и «Новое Кавказье» — обе газеты были близки театру. Противоположную позицию занимали «Тифлисский листок» и «Али». После последовательного прочтения самих газетных статей становится ясной следующая картина: спор начался конкретно из-за двух актеров, дальше он принял частный характер и редакции дошли до личных оскорблений. Позже на первый план выдвинулась профессиональная сторона дела, и актерский вопрос стал представляться нам как одно из звеньев единой цепи. Видно, что грузинский театр приступил к внедрению чего-то нового, связанного с большими трудностями. У этого нового были сторонники и за пределами театра. Однако есть и другая сторона, которая не только не приемлет нового, но в каждом его проявлении видит только теньевые стороны. Эта вторая сторона не менее сильна, чем первая. В борьбе используются все средства. До сегодняшнего дня на поле боя сохранялось как бы равновесие сторон, но сегодня сторонники театра вывели тяжелую артиллерию — разговор о профессиональном уровне театра. В статье, опубликованной 30 ноября 1908 года, намечается программа театра на будущее, а также критикуются другие газеты, которые дают весьма поверхностное обозрение естественных процессов, происходящих в театре. Высказывается сожаление по поводу того, что «пресса не дает достойного материала сознанию читателя, не старается глубоко вдуматься в положение грузинской сцены — «мелочи заслоняют ей глаза».

Газета касалась также вопроса режиссера. Решительно объявлялось, что по плану правления будущей театр будет опираться не на отдельных актеров, пусть даже корифеев, но на гармонию всех элементов сцены — ансамбль.

«Правление с самого начала обратило большое внимание на режиссера... Воочию видно также, что центром сценического искусства признаны не пленительный талант индивидуальных сил, а гармония или согласованность всех элементов сцены». (Выделено нами. — Д. К.).

Одни признавали необходимость этой гармонии, другие нет. Время было на стороне первых...

В статье с особым вниманием был описан актерский состав нового, будущего театра. Каким должен быть актер будущего театра? По каким признакам следует принимать его в труппу? Разумеется, это должен быть тот, кто в состоянии помочь ансамблевому представлению спектакля, противостоять царящему в труппе преппирательству и господствующему положению определенной группы.

«В труппу следует приглашать только таких артистов, которые подчиняются сценической дисциплине, не гнушаются заучиванием ролей, не олицетворяют на сцене один и тот же тип, но разные — в соответствии с содержанием пьесы и др.».

Трудно перечислить те статьи, которые печатались из года в год и в которых актеров упрекали за то, что они не знают текста. Неловко даже перечислять случаи творческой не-

дисциплинированности, на которую годами сетовала пресса. Для премьеров же недисциплинированность, желание играть только бенефисные спектакли, исполнять только главные роли, пренебрежение к партнеру, грубое нарушение ансамбля с целью личного успеха — стали нормой. Мемуарная литература сохранила много курьезов из жизни премьеров...

«Да, но ведь К. Кипиани и Н. Габуния 20 — 25 лет служили сцене, и служили хорошо. Что же произошло теперь? Почему нельзя было им оставаться в труппе? Ведь можно было ожидать такого вопроса, тем более если спорящий поверхностно посмотрел бы на эту историю. Ведь по отношению к ним не употреблялись другие эпитеты, кроме как «талантливый»?...» «Но не нужно забывать и то, что их талант и сценические способности настолько сформировавшиеся (не решались сказать заштампованные—Д. К.), настолько совершенные, что можно представить, что этим артистам самим было бы трудно приспособить свою сценическую деятельность к действиям всей труппы. По нашему мнению, иногда даже талантливый артист способен лишить привлекательности всю труппу, если он не может подчинить игре другого артиста свои способности. Поэтому, несмотря на свой талант, он все-таки нарушает так называемый ансамбль». (Выделено нами. — Д. К.)

Мысли, высказанные в этой статье, проскальзывали в прессе и прежде. Любая газета отмечала отсутствие дисциплины, ансамбля, незнание текста. Любая газета ратовала за интеллигентного, т. е. просвещенного профессионала-актера, за слаженность спектакля. В результате все эти требования тяготели к принципам Художественного театра. Но когда эти теоретические принципы становились уже практикой театра, многие поняли, что они приносятся в жертву этому новому, и сразу оказались на противоположной стороне.

Против этой статьи никто не мог возразить по существу. Ибо достаточно было газете «Дрозда» открыть номер любой из газет за последние семь лет, чтоб обезоружить каждую из них собственной же цитатой... Поэтому после упомянутой статьи полемика закончилась, хотя 2 декабря три газеты («Али», «Тифлисский листок» и «Новости Закавказья») опубликовали еще по одной статье, но это уже было, пожалуй, просто для престижа. Они ничего значительного не противопоставили упомянутой статье, кроме того, что некоторые соображения отрицались без каких-либо аргументов. Второго декабря на этой полемике была поставлена точка.

Это не значит, что с того дня была открыта дорога ансамблевому театру и все недостатки грузинского театра были устранены.

Наоборот, полемика показала, что последователи нового театра будут упорно бороться всеми средствами, так же как и последователи старого театра не пожалеют ничего для укрепления своих позиций и спасения своего театра...

ПРЕМИИ ВРУЧЕНЫ ДОСТОЙНЫМ

В ЗАЛЕ заседаний Совета Министров Грузинской ССР состоялось вручение дипломов и значков лауреата премии имени Руставели.

Председатель Комитета по Государственным премиям Грузинской ССР имени Ш. Руставели при Совете Министров Грузии, Герой Социалистического Труда, писатель-академик Г. Абашидзе вручил дипломы и значки лауреата сыну и супруге выдающегося грузинского поэта Иосифа Нонешвили, удостоенного этого почетного звания посмертно, абхазскому поэту М. Ласурия, писателю Г. Панджикидзе, художнику Г. Тоидзе, драматургу и кинорежиссеру Р. Табукашвили, режиссеру Р. Стуруа, композитору Г. Канчели, театральному художнику М. Швелидзе, архитектору Ш. Кавлашвили, композитору М. Давиташвили, кинооператору Л. Ахвледиани, лауреату 1979 года.

Г. Абашидзе сердечно поздравил награжденных с высокой наградой и пожелал им дальнейших успехов в творческой деятельности.

Выступившие от имени награжденных Г. Панджикидзе, М. Ласурия, М. Давиташвили, сын И. Нонешвили Сандро Нонешвили выразили глубокую благодарность партии и правительству за заботу о всемерном развитии и расцвете культуры и искусства.

При вручении дипломов и значков премии имени Руста-

вели присутствовал заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Джанберидзе.

ВСТРЕЧА БЫЛА ИНТЕРЕСНОЙ

В ДОМЕ работников искусств Грузии состоялась встреча с картвелологом из Англии Стивенном Джонсом.

Ученый частый гость столицы Грузии. В 1976 году он впервые приехал в Тбилиси с целью совершенствовать свои знания грузинского языка. Сейчас тема его исследований — творчество грузинских шестидесятников — «тергдалеули».

На встрече С. Джонс рассказал о своих новых исследованиях и переводах, о все возрастающем интересе к грузинскому языку и культуре в Англии.

Через год английский ученый вновь продолжит свою научную деятельность в Тбилисском государственном университете.

«КОЛОКОЛА В БУРЕ»

ТАК называется сборник новелл грузинских писателей, который выпустило в свет рижское издательство «Лиэзма».

В книгу включены произведения грузинских писателей разных поколений. Это новеллы С. Квдиашвили, М. Джавахишвили, К. Гамсахурдиа, Г. Леонидзе, Гр. Абашидзе, Ч. Амирэджиби, Р. Джапаридзе, Р. Инанишвили, А. Сулакаури, О. Иоселиани и других.

Книга также знакомит читателей Латвии с творческой биографией писателей, которую подготовила переводчик и составитель сборника Майя Гусаре.

06035020
0000000000

ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА

АБАШИДЗЕ Зураб Ираклиевич. Род. в 1951 г. Окончил Институт иностранных языков им. М. Гореза. Заведует отделом международной информации Гостелерадио ГССР. Автор переводов произведений кубинских писателей на грузинский язык, в том числе романа Хулио Грாவинесо «Убить волка».

ГРИГОЛИЯ Русудан Николаевна. Заслуженный журналист Грузинской ССР. Ответственный секретарь журнала «Экономисти» («Экономист»).

ДУРМИШИДЗЕ Сергей Васильевич. Род. в 1910 г. Известный советский биохимик, один из основоположников биохимии виноградной лозы и виноделия в СССР. Вице-президент Академии наук Грузинской ССР. Директор и науч-

ный руководитель Института биохимии растений Академий наук Грузии.

КАНДЕЛАКИ Нана Арчиловна. Прозаик, участница Великой Отечественной войны. Печатается с 1950 года. Автор романов «Выстрел на рассвете», «Мако Цхведадзе», повестей и множества рассказов.

МГЕЛАДЗЕ Наргиза Семеновна. Заслуженный журналист Грузинской ССР. Работает в жанре юношеской и детской литературы. Автор нескольких книг. За книги «Кому подаем руку?» и «Нельзя быть в стороне» удостоена премии комсомола Грузии.

ЦУЛУКИДЗЕ Тамара Григорьевна. Род. в г. Тбилиси. Прозаик, очеркист, переводчик, член СП СССР. С 60-х гг. живет и работает в Минске.

ПРЕМИИ ВРУЧЕНЫ ДОСТОЙНЫМ

В ЗАЛЕ заседаний Совета Министров Грузинской ССР состоялось вручение дипломов и значков лауреата премии имени Руставели.

Председатель Комитета по Государственным премиям Грузинской ССР имени Ш. Руставели при Совете Министров Грузии, Герой Социалистического Труда, писатель-академик Г. Абашидзе вручил дипломы и значки лауреата сыну и супруге выдающегося грузинского поэта Иосифа Нонешвили, удостоенного этого почетного звания посмертно, абхазскому поэту М. Ласурия, писателю Г. Панджикидзе, художнику Г. Тоидзе, драматургу и кинорежиссеру Р. Табукашвили, режиссеру Р. Стуруа, композитору Г. Канчели, театральному художнику М. Швелидзе, архитектору Ш. Кавлашвили, композитору М. Давиташвили, кинооператору Л. Ахвледзиани, лауреату 1979 года.

Г. Абашидзе сердечно поздравил награжденных с высокой наградой и пожелал им дальнейших успехов в творческой деятельности.

Выступившие от имени награжденных Г. Панджикидзе, М. Ласурия, М. Давиташвили, сын И. Нонешвили Сандро Нонешвили выразили глубокую благодарность партии и правительству за заботу о всемерном развитии и расцвете культуры и искусства.

При вручении дипломов и значков премии имени Руста-

вели присутствовал заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Джанберидзе.

ВСТРЕЧА БЫЛА ИНТЕРЕСНОЙ

В ДОМЕ работников искусств Грузии состоялась встреча с картвелологом из Англии Стивенем Джонсом.

Ученый частый гость столицы Грузии. В 1976 году он впервые приехал в Тбилиси с целью совершенствовать свои знания грузинского языка. Сейчас тема его исследований — творчество грузинских шестидесятников — «тергдалеули».

На встрече С. Джонс рассказал о своих новых исследованиях и переводах, о все возрастающем интересе к грузинскому языку и культуре в Англии.

Через год английский ученый вновь продолжит свою научную деятельность в Тбилисском государственном университете.

«КОЛОКОЛА В БУРЕ»

ТАК называется сборник новелл грузинских писателей, который выпустило в свет рижское издательство «Лиэзма».

В книгу включены произведения грузинских писателей разных поколений. Это новеллы С. Клдиашвили, М. Джавахишвили, К. Гамсахурдиа, Г. Леонидзе, Гр. Абашидзе, Ч. Амирэджиби, Р. Джапаридзе, Р. Инанишвили, А. Сулакаури, О. Иоселиани и других.

Книга также знакомит читателей Латвии с творческой биографией писателей, которую подготовила переводчик и составитель сборника Майя Гусаре.

06.035.020
012.441.0333

ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА

АБАШИДЗЕ Зураб Ираклиевич. Род. в 1951 г. Окончил Институт иностранных языков им. М. Тореза. Заведует отделом международной информации Гостелерадио СССР. Автор переводов произведений кубинских писателей на грузинский язык, в том числе романа Хулио Грассино «Убить волка».

ГРИГОЛИЯ Русудан Николаевна. Заслуженный журналист Грузинской ССР. Ответственный секретарь журнала «Экономисти» («Экономист»).

ДУРМИШИДЗЕ Сергей Васильевич. Род. в 1910 г. Известный советский биохимик, один из основоположников биохимии виноградной лозы и виноделия в СССР. Вице-президент Академии наук Грузинской ССР. Директор и науч-

ный руководитель Института биохимии растений Академии наук Грузии.

КАНДЕЛАКИ Нана Арчиловна. Прозаик, участница Великой Отечественной войны. Печатается с 1950 года. Автор романов «Выстрел на рассвете», «Мако Цхведадзе», повестей и множества рассказов.

МГЕЛАДЗЕ Наргиза Семеновна. Заслуженный журналист Грузинской ССР. Работает в жанре юношеской и детской литературы. Автор нескольких книг. За книги «Кому подаем руку?» и «Нельзя быть в стороне» удостоена премии комсомола Грузии.

ЦУЛУКИДЗЕ Тамара Григорьевна. Род. в г. Тбилиси. Прозаик, очеркист, переводчик, член СП СССР. С 60-х гг. живет и работает в Минске.

6193/64

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ, Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურაჲსი ბრუნა“

— ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივ პოლიტიკური ჟურნალი (რუსულ ენაზე)

ბათუმის 1957 წლის ივნისიდან. № 3, მარტი, 1982 წ.

Сдано в набор 5. II. 82 г. Подписано к печати 15. III. 82 г. УЭ 01212 Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0— усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 7.700 экз. Заказ № 310. Адрес редакции: 380008. Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

«КНИЖНЫЕ НОВИНКИ»

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

НАДИРАДЗЕ К. «И длится май...» Стихотворения и поэмы. Пер. с груз. Вступит. статья Г. Натрошвили. Москва, 1981. 415 с. 10.000 экз. 1 р. 20 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

ТАРБА И. «Глаза моей матери». Роман. Пер. с абхаз. В. Рослякова. Москва, 1982. 247 с. 30.000 экз. 1 р. 30 к.

КАРБЕЛАШВИЛИ Г. «Пламенем испепеленные сердца». Роман. Пер. с груз. автора. Москва, 1982. 448 с. 100.000 экз. 1 р. 90 к.

«МЕРАНИ»

ПОРЧХИДЗЕ Ш. «Голоса ночных птиц». Стихи. Пер. с груз. Тбилиси, 1981. 170 с. 10.000 экз. 85 к.

«СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК»

КАНДАРЕЛИ Г. Гобелен. Альбом. Текст и сост. Т. К. Стриженовой. Москва, 1981. 119 с. с ил. 20.000 экз. 5 р.

«АЛАШАРА»

«ЕРЦАХУ». Лит. сборник. Ред. А. Гогуа. Сухуми, 1981. 219 с. 2.500 экз. 1 р.

65 კ

ИНДЕКС 76117

ეროვნული
ბიბლიოთეკა